Сергей Бунтовский

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Сергей Бунтовский

Древняя Русь

«Издательские решения»

Бунтовский С.

Древняя Русь / С. Бунтовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858410-7

Перед глазами читателей пройдет великая эпоха: неистовый Святослав и благородный Мономах, Владимир Креститель и Юрий Долгорукий, варяги и половецкая степь, мудрые монахи, дерзкие князья…

ISBN 978-5-44-858410-7

© Бунтовский С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Часть I. Моя светлая Русь 7
Глава 1. Начало 7
Славянская Атлантида 15
Глава 2. Истоки государства Русского 19
Глава 3. Первые Рюриковичи 25
Вещий Олег 27
Игорь Старый 29
Глава 4. Бог войны по имени Святослав 44
Глава 5. Владимир Великий 66
Значение крещения Руси 80
Печенежская гроза 83
Дела семейные 86
Глава 6. Сыновья Владимира 89
Глава 7. Дважды изгнанник Изяслав 105
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Древняя Русь

Сергей Бунтовский

© Сергей Бунтовский, 2017

ISBN 978-5-4485-8410-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

После 1991 года на книжный прилавок хлынул целый поток книг, посвященных нашей истории. Иногда хороших, иногда очень сомнительных. Возникли целые группы авторов, которые в своих работах буквально «переворачивали с ног на голову» все известные нам исторические события, давали смелые трактовки, а то и вовсе переписывали историю. Разумеется, история не окаменевший монумент, и открытие новых документов или проведение археологических исследований могут существенно корректировать наши представления о прошлом. Однако зачастую новые авторы сознательно искажают прошлое, подгоняя его под заранее данные политические концепции. Особенно этим прославились работники пера в независимой Украине. Тут при поддержке правых политических сил разрабатываются целые концепции, призванные доказать, что украинцы и россияне никогда не были одним народом, и этим обосновать необходимость современного размежевания между Киевом и Москвой. В итоге существуют сотни сайтов, выходят тысячи статей и десятки книг, в той или иной мере несущих одну простую мысль: украинцы – это европейский народ, происходящий из Киевской Руси, а русские – это азиаты или финно-угры, не имевшие никакого отношения к древней Руси. Мол, ордынцы-москали коварно украли само название Русь, чтобы обосновать свои претензии на эту землю.

В самой Российской Федерации тоже есть группа авторов, которые доказывают что корень всех проблем общества лежит в поглощении азиатской Москвой истинно европейских русских земель, которыми, по их мнению, были Тверское и Новгородское княжества.

Почитав подобные опусы, автор решил самостоятельно разобраться «откуда есть пошла Земля русская» и докопаться до истоков тех процессов, которые и сегодня будоражат умы.

Изучив все доступные исторические факты, проанализировав ход событий и историческую логику, автор дает целостную картину развития средневековой Руси – общей колыбели трех современных государств.

Перед глазами читателей пройдет великая эпоха: неистовый Святослав и благородный Мономах, Владимир Креститель и Юрий Долгорукий, варяги и половецкая степь, мудрые монахи, дерзкие князья…

Мы увидим как русские прошли путь от разрозненных племен до создания великой цивилизации. А затем наступил кризис, и эта цивилизация погибла в пламени междоусобных войн и чужеземных нашествий… Но за каждой ночью наступает рассвет, и из праха Древней Руси восстала новая держава – Московская Русь, Россия. Вместо захиревших княжеств и ушедших в небытие городов возникли новые центры силы, жители которых активно начали бороться за место под солнцем. Почти столетие находясь под гнетом Орды, русские искали новых лидеров, которые смогли бы объединить страну и сбросить чужеземное ярмо. Эта борьба городов за первенство на Руси завершилась победой Москвы. Однако очень долго чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону, и никто не мог сказать, кто все же возглавит объединение Руси. И никто не знал, произойдет ли это объединение вообще…

Также автор подробно исследует, почему же именно Москва стала нашей столицей, как её правители шли к этому, кто им помогал, а кто мешал. Как в действительности складывались отношения между ордынскими ханами и русскими князьями. Надеемся, что после прочтения этой книги мы сможем, наконец, ответить на вопрос: кто же был героем, а кто наоборот.

Часть I. Моя светлая Русь

Глава 1. Начало

Практически все современные знания о временах до нашей эры и первых столетиях от рождества Христова базируются на записях греческих и римских авторов. Только вот они-то писали не для нас, а для себя. И интересовали их, в основном, граждане империи и ее ближайшие соседи: кельты (галлы и бриты), германцы, население Балкан и Причерноморья. Поэтому этим народам и посчастливилось остаться на страницах анналов и войти в учебники истории, а вот славянам повезло меньше. До римлян знания о наших предках доходили через вторые, а то и третьи руки и особой точностью не отличались. Есть еще, правда, и археология, но слишком мало она дает информации и много простора для интерпретаций. Тем более, что не всегда можно точно определить соотношение раскопанной археологической культуры с известными из письменных источников народами. Да и вообще, разные группы одного народа могут иметь очень разную материальную культуру, а разные народы в схожих условиях – похожую. Можно привести классический пример про рязанских крестьян и донских казаков XIX века. Если изучать этот период только на базе археологии, то выходит, что рязанцы и казаки совершенно разные народы, принадлежащие к разным культурам. Но мы-то знаем из многих других источников, что это один и тот же русский народ.

Так что вопрос о происхождении славян остается спорным. Единственное, что можно утверждать уверенно, к началу нашей эры славяне уже были многочисленным и развитым народом. Поскольку, как известно, ничто не появляется из ниоткуда, значит и наши предки не возникли вдруг, а развивались, скрытые от глаз античных ученых.

Вообще, следует учитывать, что славяне, германцы и балты – это потомки некогда единого арийского народа, распавшегося на десятки, если не сотни племен. При этом время, когда от этого древнего пранарода откалывались будущие народы Европы, точно установить невозможно, так как этот процесс был растянут во времени на века. Так что, чем дальше вглубь веков, тем ближе родственные связи между народами, и неизбежно наступает момент, когда невозможно сказать, к какой ветви арийцев относится конкретное племя. Особенно если от него остались только название в чужих исторических хрониках, да остатки керамики, найденные археологами. Но во втором тысячелетии до нашей эры Центральную Европу севернее Альп населяла языковая общность[1], которая со временем разделилась на кельтов, италиков, иллирийцев, германцев, славян и балтов… «Это историческое образование родственных племен, которым были свойственны единообразный быт, домостроительство и обрядность, даже экономика и, что весьма существенно, общность духовной жизни. Племена внутри общности самым теснейшим образом взаимодействовали между собой», – считает академик РАН Валентин Седов[2]. Было это в период от 1250—1200 до 800—600 гг. до н. э.

Другие ученые, например Б. А. Рыбаков, считают, что праславяне появились гораздо раньше – еще в XV веке до нашей эры. По их мнению, уже тшинецко-комаровская археологическая культура, занимавшая три с половиной тысячи лет назад огромные пространства от Одера до Днепра, была создана предками славян.

Взаимодействуя с соседями: кельтами и балтами, германцами и скифами, славяне развивались, усиливались и осваивали новые территории. Насколько мирным было такое взаи-

[1] Немецкий лингвист Г. Краэ предложил именовать её древнеевропейской общностью.

[2] Доклад «Этногенез ранних славян»; заслушан в ноябре 2002 г. на заседании Президиума РАН.

модействие, судить сложно. Возможно, что в состав славян добровольно вливались представители чуждых родов, возможно, проходила ассимиляция более слабых соседей, да и сами славяне попадали в зависимость от более развитых кельтов и ираноязычных племен – скифов и сарматов. Причем, между землями славян жили и иноплеменные народы. В процессе такого общения, несомненно, заимствовались лучшие достижения соседей как в материальной, так и духовной сфере. В конце концов, по мнению В. Седова, сложились две большие группы славянства: северная и южная. На базе северных славян впоследствии сформировались поляки, балтийские славяне и северные великороссы, а южные славяне со временем заселили Балканский полуостров и юг России.

Не всегда понятно и какие из известных письменных источников племен относились к славянам, а какие нет. Например, до сих пор ученые не могут определиться: были ли прошедшие с боями всю Европу, основавшие собственное государство в Северной Африке, а затем захватившие и разграбившие Рим в июне 455 года вандалы славянами или же германцами. В Википедии говорится: «В позднем средневековье вандалов стали ассоциировать с предками балтийских славян (вендами-венедами), заселившими в конце VII века земли, где до эпохи переселения народов обитали германские племена вандалов». Но, может быть, вандалы и венеды изначально были одним этносом, разделившимся в эпоху Великого переселения народов? Те, кто отправился на поиски лучшей доли на юг, получили у римских авторов имя вандалов, а те, кто остался на своей земле, прозваны были вендами? Мне эта версия кажется вполне правдоподобной. В конце концов, чем-то же руководствовались средневековые европейские хронисты, частенько называвшие поляков и поморских славян вандалами. Кроме того, первым о вандалах написал римский ученый Плиний Старший[3] в первом веке нашей эры. Он отнес их к германским племенам, но он также назвал германцами и варинов (вэринов, вагров), которые на самом деле были славянами и впоследствии входили в племенной союз бодричей. Так что полностью доверять запискам римлянина, для которого все народы, кроме его собственного, были варварами, не стоит. Тем более, что опирался он не только на собственный опыт, но и на рассказы современников, купцов и путешественников. А уровень достоверности источника ОБС (одна баба сказала) мы и сами знаем.

Еще одним народом, который мог быть как славянским, так и германским, являются руги[4]. Если верить Тациту, то в I веке они жили на побережье Балтики, к востоку от Ютландского полуострова. С этим был согласен и географ II века Клавдий Птолемей, который помещал ругов в Прибалтику в междуречье Одера и Вислы, а также на прибрежные острова, в том числе и легендарный Руян-Рюген. Оба этих автора считали ругов германцами, но ведь именно на этой территории спустя несколько веков будут славянские земли, именно остров Рюген будет одним из центров славянства, где располагался идол бога Ругевита. Так что руги вполне могли быть либо славянами, либо впоследствии ассимилировались славянами. По крайней мере, я считаю ругов славянами и, пока не появятся неопровержимые доказательства их германского происхождения, своего мнения не изменю.

Во время Великого переселения народов большая часть ругов переселились на придунайские земли в район современной Австрии (тогда это была римская провинция Норик), а часть – в восточную Фракию[5]. Руги охотно нанимались в армию стремительно ветшавшей Западной Римской империи, и, в конце концов, предводитель ругов Одоакр, бывший полководцем на римской службе, 23 августа 476 года сверг последнего западно-римского императора Ромула Августула. Справедливости ради отметим, что сам Ромул к власти пришел весьма сомнительным путем. Его отец Орест был одним из полководцев Аттилы, которого

[3] Гай Плиний Секунд, 23 – 79 гг. н.э. – римский писатель и государственный деятель, автор ряда книг по истории.

[4] Кроме того, руги могли быть и смешанным славяно-германским племенем.

[5] Сейчас это европейская часть Турции.

император Западной империи Юлий Непот принял на службу, объявил патрицием и даже сделал главнокомандующим своей армии. Но новый патриций оказался настолько неблагодарным, что сместил благодетеля и посадил своего сына Ромула на освободившийся трон вместо Юлия Непота. Впрочем, Августул императором был весьма номинальным, а реальным правителем Италии оставался вероломный Орест. Но наслаждаться властью ему пришлось недолго. Недовольные его жадностью войска восстали и избрали своим вождем руга Одоакра, который убил Ореста, а Августула отправил в ссылку. А затем Одоакр совершил необычный поступок, благодаря которому и вошел в историю. Вместо того, чтобы провозгласить себя императором или посадить на трон марионетку из знатного рода, он отослал императорские регалии в Константинополь императору Восточной Римской империи Зинону, признав его право на западные земли. Таким образом, юридически Римская империя, уже несколько столетий бывшая разделенной на Западную и Восточную, снова становилась единой со столицей в Константинополе. Постепенно ослабевая и теряя подвластные территории, Римская империя[6] просуществует еще почти тысячу лет и погибнет в 1453-м году под ударами турок-османов. Второй Рим – Константинополь превратится в мусульманский Стамбул, но вместе с племянницей последнего императора Софией (Зоей) Палеолог императорские регалии, идея империи и права на титул императора Римской империи перейдет к Великому князю Московскому Ивану Третьему. Вот такие исторические коллизии: славянин упраздняет первую римскую империю, чтобы в конечном итоге другие славяне через десять веков восстановили ее в виде Московского царства.

Сам Одоакр, фактически бывший независимым правителем, де-юре считался чиновником, назначенным на эту должность восточным императором Зиноном, и управлял Италией от его имени, пока не погиб в войне с готами. Руги в Италии и на Дунае были разгромлены готами и постепенно исчезли из мировой истории. Последний раз их упоминает Прокопий Кесарийский, описывая события 541 года. А спустя четыреста лет европейские хроники снова начинают пестреть упоминаниями о ругах, под которыми понимаются славяне: как жители Рюгена, так и Руси. Например, мудрую княгиню Ольгу германцы именовали королевой ругов и до двенадцатого столетия на западе русских частенько называли именно ругами.

Вот такие вот сложности. Первые же европейцы, которых можно со стопроцентной уверенностью отнести к славянам, – это венеды (венеты), о которых римляне начинают писать в первом веке нашей эры. Жили в это время славяне в бассейне рек Висла и Одер, севернее Карпат и южнее Балтийского моря.

К концу второго века славяне расселились вплоть до среднего Подунавья и верхнего Днестра. В следующем столетии славяне из Висло-Одерского региона потихоньку заселяют лесостепные районы между Днестром и Днепром, где встречаются со скифами и сарматами. Эта встреча прошла без особого кровопролития. Постепенно тут сложился своеобразный славяно-иранский симбиоз, из которого затем родится мощный племенной союз, названный антским. Вовлеченные в славянский поток ираноязычные аборигены в довольно короткий по историческим меркам срок благополучно растворятся в славянской массе, оставив лишь некоторые элементы своей культуры и языка. Этого славянско-иранского симбиоза мы еще коснемся, когда будем говорить о происхождении Руси. Пока же просто запомним, что ираноязычные народы сыграли свою роль в нашей древней истории, а ядро антского племенного союза почти полностью совпало с территорией расселения древних скифов-пахарей. Кстати, мнение о том, что среди предков восточных славян были ираноязычные племена,

[6] Парадокс в том, что в эту Римскую империю уже не входили земли в Западной Европе и сам город Рим. Поэтому в европейской традиции её чаще называют Византией, по древнему названию Константинополя. Хотя сами граждане империи до последних дней считали себя римлянами.

на самом деле вовсе не ново и не парадоксально. Так считали многие историки XIX – XX веков: И. Забелин, Д. Самоквасов, Е. Классен, Д. Иловайский, Л. Нидерле, Б. Рыбаков, В. Седов, Г. Вернадский, А. Удальцов и другие.

Примерно в это же время выделяется еще одна группа славянских племен – склавины. Готский историк Иордан отмечает, что венеды, анты и склавины родственны и произошли от одного корня. Из его записей становится понятно, что склавины представляли собой юго-западную ветвь славян, венеды – северную, анты – восточную. По данным археологии, у антов и склавин были незначительные отличия в погребальном обряде, а также возможно небольшие различия в диалекте, ведь анты могли заимствовать в свою речь различные иранизмы. Однако современники не видели этнических различий между венедами, склавинами и антами.

Так как нашими непосредственными предками были именно анты, то об их союзе, сложившемся не позднее IV века, стоит поговорить подробнее. Анты сумели объединить несколько родоплеменных групп и создать достаточно мощное раннегосударственное образование, во главе которого стоял военный вождь, но при этом верховной властью обладало вече. Основными занятиями антов были земледелие и разведение скота, но, разумеется, занимались они и охотой, сбором дикого меда, грибов и ягод…

Существовал слой профессиональных воинов, которые занимались военными набегами на соседей с целью грабежа и захвата рабов. Воины объединялись в отряды по несколько сотен человек, которые, соединяясь для дальнего похода, могли образовывать армии в несколько тысяч воинов. Племенные ополчения, состоявшие из всех способных носить оружие мужчин, собирались только в случае необходимости (например, для защиты от нападений врага или при переселении на новые территории) и могли достигать значительных размеров. Учитывая силу и выносливость антов, их охотно нанимали на военную службу в Византию, где многие из них делали головокружительную карьеру, занимая должности вплоть до главнокомандующих.

Как и у любого народа того времени, у антов было немало рабов, которых захватывали как добычу при набегах на Византию или покупали, но ант у анта рабом быть не мог. В антское время у восточных славян появляются первые протогородские поселения, где жили воины и ремесленники, которые производили гончарную посуду, оружие и украшения. Возможно, что вскоре этот конгломерат родов и племен слился бы в полноценный единый народ, но они получили ряд страшных ударов, надолго задержавших их развитие. Сначала покорить антов попыталось германское племя готов, переселившееся в Причерноморье из Скандинавии. Война шла с переменным успехом, но, в конце концов, вождь антов Бус (Бож) с сыновьями и 70 старейшинами был захвачен готами конунга Винитария и распят для устрашения остальных славян. Память об этой войне сохранилась на века, и даже больше чем через полтысячи лет в «Слове о полку Игореве» упоминается бусово время. А владевший Причерноморьем готский конунг Германарих (Ёрмунрекк Великий), по мнению писателя и историка Владимира Щербакова, стал прообразом сказочного Черномора.

Затем в судьбу славян вмешались прикочевавшие из Азии гунны – многочисленные, хорошо обученные и закаленные в непрерывных сражениях воины. Начав свой великий поход от китайских границ, они к середине четвертого века сметающим все смертельным потоком дошли до междуречья Дона и Волги, а затем ворвались в южно-русские степи. Тут и сплелась в причудливый клубок судьба антов, алан, готов и гуннов. Кстати, существуют противоречивые мнения относительно этнического состава гуннской орды: разные историки объявляли их и монголоидами, и тюрками, и даже славянами. В конце концов, общепринятым стало мнение, по которому гунны – народ тюркского происхождения; в который влились угры и монголы, а затем некоторые иранские и славянские племена.

Первыми испытали на себе убийственную мощь гуннского оружия аланы – одно из сарматских племен, о котором мы поговорим подробнее чуть позже. Одна часть аланских родов сразу же капитулировала и присоединилась к гуннской армии. Другие роды попытались сопротивляться и были разгромлены, третьи предпочли переселиться подальше от опасных пришельцев. Затем в 371 году нашей эры та же участь постигла готов. Король Германарих лично повел свою армию против гуннов, но был разбит и покончил с собой. После его смерти часть готов признала над собой гуннскую власть, часть бежала на Кавказ и в Крым. Большая часть уцелевших готов избрала нового короля (уже упоминавшегося Винитария) и отправилась на запад завоевывать себе новую землю – землю антов. Тогда и погиб Бус. Естественно, славяне искали союзников в своей борьбе с завоевателями и, следуя принципу «враг моего врага – мой друг», объединились с гуннами. Так сложился гунно-аланско-антский конгломерат, в котором ведущую роль понятное дело, играли именно гунны. Затем аланы, выполнявшие роль гуннского авангарда, и славяне участвовали во всех походах гуннов на запад, и под знаменами Аттилы воевали с Римом. В конце концов, гунны создали огромное государство и добрую сотню лет господствовали на землях от Волги до Рейна. Впрочем, распалась гуннская держава так же стремительно, как и возникла. Уже в семидесятых годах пятого века от нее не осталось и следа, а сами гунны как отдельный народ растворились среди племен Восточной Европы.

Хотя славяне и не воевали против гуннов, но в результате непрерывных войн Северное Причерноморье и области к северу от Карпат были разорены. Исчезли многие ремесленные центры, мастера или погибли, или ушли вместе с гуннами на запад. Кроме того, никто не подсчитывал, сколько славян, бывших в гуннской армии, погибло или переселилась на Запад, где потом растворились среди других народов. В итоге развитие славян задержалось. Зато, уничтожив господство готов в Причерноморье, гунны предотвратили возможность германизации антов. Кроме того, ираноязычные племена в южнорусских степях также были серьезно ослаблены, из-за чего роль иранского элемента в жизни антских племен уменьшилась, а славянского возросло. Также, благодаря участию славянских отрядов в гуннских походах, наши предки существенно обогатили свой военный опыт и познакомились с римской цивилизацией. Таким образом, гуннское время стало периодом выхода славян на большую историческую сцену. Отныне ни германцы, ни иранцы, ни правители Восточной Римской империи уже не могли смотреть на славян сверху вниз. Еще одним итогом гуннского времени стало то, что они проложили дорогу в Европу прочим азиатским ордам – булгарам, аварам, мадьярам.

После того как гуннская держава распалась, склавины, жившие между реками Сава, Висла и Дунай, и анты, жившие к востоку от Дуная, начинают свой натиск на придунайские владения Византии. Отряды славян прорывались во Фракию, Иллирию и Грецию с целью пограбить или в случае удачи поселиться на плодородных землях империи.

Вскоре между Константинополем и славянами сложились если и не мирные, то вполне терпимые отношения. Славяне охотно нанимались в имперскую армию, где время от времени занимали ведущие посты, греки активно торговали со славянами. По сути, начался процесс постепенной славянизации Византийской империи. В это время в Бессарабии и на территории современной Украины начинается новый подъем антского государства, благо, что кочевники Причерноморья (аланы, булгары, остатки гуннских орд и т.д.) были раздроблены и не представляли угрозы. В это время заселенная антами территория простиралась от нижнего Дуная до реки Донец. По мнению академика Рыбакова, центр цивилизации антов находился в районе среднего Днепра, в Киевской и Черниговской областях; на востоке антская территория включала регионы по рекам Десне, Сейму, Пселу, Ворскле и достигала Дона у Воронежа; на юге она достигала нижнего Днепра. Кроме того, отдельные антские поселения продолжали сосуществовать с аланами в регионе нижнего Дона и Северного Кавказа. Одним из крупных центров антов между шестым и девятым столетиями стало поселение

в районе современного города Салтов Харьковской области, о котором пойдет речь чуть позже.

Проникновение на византийские земли для славян было облегчено тем, что для защиты имперской границы по берегам Дуная были расположены не регулярные армейские части, а подразделения наемников-федератов, набранных из различных варварских племен и служивших за право пользоваться земельными наделами в империи. Естественно, что такие «защитники» сквозь пальцы смотрели на проникновение славян, если это не касалось их личных интересов. С гораздо большим желанием федераты участвовали во внутренних смутах и свержениях императоров. Нередко, требуя увеличения жалования или иных преференций, федераты объединялись с варварами и устраивали бунты против центральной власти. Так что первые десятилетия шестого века на Балканах славяне чувствовали себя вольготно. Лишь император Юстин I, захвативший власть в 518 году и решительно принявшийся возрождать мощь государства, взялся за решение «славянского» вопроса и сумел вытеснить славян за пределы империи. Этот правитель, начавший свой путь рядовым солдатом и до конца жизни так и не научившийся читать, сумел доходчиво объяснить окружающим народам святость границ Византии, и до конца его десятилетнего правления славяне не переходили Дунай. Зато при следующем правителе императоре Юстиниане, Византия увязла в непрерывных войнах в Европе, и славяне взяли реванш. Прокопий так описывает славянские набеги: «Иллирия и Фракия полностью, охватывая всю территорию от Ионийского залива до окраин Византии, включая Грецию и фракийский Херсонес, захлестывались практически каждый год гуннами, склавенами и антами со времени воцарения Юстиниана в Римской империи, и они творили ужасный хаос среди жителей региона. Во время каждого вторжения более двухсот тысяч римлян, как мне кажется, уничтожались или обращались в рабство, так что везде в этой земле утверждалась подлинная скифская дикость».

В 531 году главнокомандующим во Фракии был назначен один из наиболее способных имперских полководцев, ант по происхождению по имени Хилбуд. Он не только оборонялся, но и несколько раз совершал походы в славянские земли. Действовал Хилбуд смело и решительно, но удача от него отвернулась, и в одном из сражений его убили.

Проиграв в открытых сражениях, византийцы сделали ставку на дипломатию и сумели посеять рознь среди своих врагов. В результате склавины начали войну с антами и константинопольские владыки могли радоваться, что руками одних «варваров» удалось уничтожить других. В итоге анты получили от Юстиниана земли для поселения, а в ответ обязались помогать ему в войнах. Склавины же продолжили нападать на Византию. Весь шестой век будет продолжаться непрерывный славянский натиск на Балканы.

Зимой 558 года огромная объединенная армия булгар и славян под предводительством хана Забергана пересекла Дунай, разграбила Фракию и Македонию и осадила Константинополь. При этом славяне попытались взять столицу Византии ударом с моря. Они из подручных средств сколотили множество плотов, но византийский флот сумел отбить нападение. Сложилась патовая ситуация – осаждающие не могли взять город, а обороняющиеся не могли снять осаду. В итоге грекам пришлось послать богатые «подарки» или, проще говоря, дать выкуп. Казалось, что для славян и их союзников-булгар наступили счастливые времена, но из глубин Азии в Причерноморье шли новые завоеватели – авары. Этот сравнительно немногочисленный, но предельно жестокий и воинственный народ сумел покорить и антов и булгар, а затем захватить Паннонию (современные Венгрия и Австрия), откуда начал совершать грабительские походы во все стороны света. Авары станут господствующим слоем в своей многонациональной империи-каганате, а славяне составят большую часть подвластного населения.

До девятого века авары будут воевать практически со всеми народами Европы, пока не будут частично истреблены, а частично ассимилированы мадьярами. В славянской памяти

авары, которых наши предки звали обрами, остались исключительно благодаря своей жестокости. Даже спустя века в «Повести временных лет» автор вспоминает этот народ и с явным удовольствием констатирует их гибель: «*обры воевали и против славян и притесняли дулебов – также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его – обрина, – и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доныне: „Погибли, как обры“, – их же нет ни племени, ни потомства*».

В результате аварского нашествия антская держава прекратила свое существование, многие антские племена были подхвачены волной аварских переселений, и осели на Балканах. Это был долгий и далеко не мирный процесс – военные вторжения аваров и подчиненных им славян создавали условия для последующего переселения на «зачищенные» от местного населения земли славян-земледельцев. Основные массы славянских переселенцев на Балканский полуостров и Пелопоннес шли с берегов Дуная, из Прикарпатья и Северного Причерноморья.

В седьмом веке славяне заселили острова Эгейского и Средиземного морей и даже некоторые местности в Малой Азии. Но ни в Греции, ни тут они не смогли сохраниться и постепенно растворились в среде местных жителей. Зато север Балканского полуострова стал исключительно славянским краем.

Кстати, в Азии славяне оказались не по своей воле. В 688 году император Юстиниан II совершил поход в Македонию и, покорив часть местных славянских племён, переселил 30 000 славянских семей в Вифинию – область на северо-западе современной Турции. Сначала эти спецпереселенцы пользовались определенной автономией и управлялись собственными вождями. В обмен они во время войн должны были посылать в имперскую армию вспомогательную кавалерию. Позже автономии урезали и вместо князя управлять стал византийский проконсул. Славяне в Вифинии как минимум до X века сохраняли свою идентичность, но все же растворились среди окружающих народов.

В аварский период закончилась общая праславянская история. Из исторических документов исчезают термины анты и склавины. Расселение славян на огромных просторах Южной и Восточной Европы, их активное взаимодействие и смешивание с другими народами положили начало возникновению отдельных славянских этносов, в том числе и нашего русского народа.

Говоря о раннем средневековье и зарождении русского государства нельзя не сказать пару слов об аланах, сыгравших значительную роль в европейской истории. Тем более, что в нашей стране до сих пор живут осетины – прямые потомки этого некогда грозного и многочисленного ираноязычного народа.

Изначально аланы были одним из сарматских племен и первые несколько столетий своей истории ничем особенным не выделялись среди соседей. Вместе с родственными племенами языгов, роксолан, аорсов, сираков в третьем веке до нашей эры они воевали против скифов, которых, в конце концов, существенно потрепали и вытеснили из Причерноморья и с Северного Кавказа. Отныне эта земля называлась Сарматией. Затем несколько столетий сарматы, то объединяясь в одно государство, то распадаясь на отдельные племена, воевали с Римской империей и даже добились определенных успехов. В конце концов, между Римом и сарматами установились если и не дружественные, то, по крайней мере, союзнические отношения. Сарматы нанимались в состав имперской армии и оказывались в самых разных провинциях – даже в Британии. Помните нашумевший фильм «Король Артур» 2004 года, в котором легендарным королем оказывался римский полководец, а его подчиненные были сарматами? Тогда большинство критиков объявило картину «клюквой», но на самом деле отряд сарматов под римским командованием действительно служил в Бри-

тании. Естественно, что со временем часть сарматских племен растворилась в соседних народах, и уже во втором веке нашей эры аланы остались единственным сохранившимся сарматским народом[7]. Под их контролем находились огромные степные пространства от Крыма до Волги и Кавказа. Многократно воинственные аланы переходили Кавказский хребет и опустошали Закавказье.

Во время гуннского нашествия аланы первыми в Европе попали под удар и были разгромлены. Значительная группа аланских родов признала господство новых завоевателей, и присоединилась к гуннам, но не меньшая часть предпочла поискать себе счастья и воли на новых землях. Часть алан переселилась в Крым, часть на Кавказ, еще одна часть объединилась с готами и откочевала на запад до берегов Дуная. Отныне единого аланского народа не существовало.

Крымские аланы осели в районе современного Бахчисарая, создав там свое государство, и на долгие годы став союзниками византийского Херсонеса. В середине 14 века Крымская Алания была захвачена татарами, а недобитые аланы окончательно смешались с потомками готов и крымских греков.

Аланы, оставшиеся на Кавказе, смогли сплотиться и создать жизнеспособное государство. Сложный горный ландшафт очень помогал им отбиваться от агрессивных соседей. В 916 году кавказские аланы приняли христианство и стали союзниками Византии на Кавказе. В русских летописях кавказских алан называли ясами, а потом осетинами, армяне звали их осы, грузины овсы. В XIII веке по земле алан-осетин прокатилось нашествие монголов. По сведениям источников того времени, страна была разорена, но отступившие в горы аланы еще десятилетия вели войну с монголами, отстаивая независимость. Впрочем, монголы не считали целесообразным тратить силы на войну в горах и предпочитали блокировать алан, дожидаясь, когда те сами подчинятся из-за истощения ресурсов. Еще один удар аланам нанес великий среднеазиатский полководец Тамерлан, завоевавший Золотую Орду и мимоходом устроивший настоящий геноцид немусульманам Кавказа, Донбасса и Крыма. Его воины, не считались с трудностями, и преследуя врага, не боялись углубляться в горы и леса. В результате они буквально вырезали большую часть аланского народа, заставив уцелевших скрываться в бедных, но совершенно неприступных горах. Из немногих уцелевших во время этого погрома алан и вырастет современный осетинский народ.

Часть алан осталась на Дону и его притоках, и со временем была ассимилирована славянами.

Наиболее интересна судьба западной ветви алан. Первоначально они поселились в нижнем течении Дуная. Вместе с гуннами они участвовали в войнах против готов, а затем против Римской империи. Объединившись с вандалами, они с боями прошли всю Европу и в начале пятого века появились в римской провинции Галлия (современная Франция). Римляне предпочли с воинственными пришельцами не ссориться и предоставили им звание союзников римской империи – федератов, а также выделили земли для проживания в современной Бретани. Тут аланское государство существовало вплоть до начала шестого века, когда его покорили франки. Впрочем, далеко не все аланы захотели (или смогли) осесть во Франции. В 409 году совместно с вандалами они вторглись в Испанию и завоевали значительную её часть, но спустя двадцать лет на Пиренейский полуостров вторглись вестготы. Вандалам и аланам снова пришлось сниматься с обжитых мест и отправляться на завоевание себе новых земель. Переправившись через Гибралтар под командованием вандала Гейзериха, конгломерат из вандалов, алан и других народов сумел завоевать Северную Африку (современные Тунис, Алжир и Ливия) и острова Сардиния и Корсика. Королевство ванда-

[7] Некоторые историки считают, что кроме собственно алан их имя приняли и другие сарматские племена, попавшие под аланское влияние.

лов и алан в Африке было провозглашено в 439 году и просуществовало до 534 года. Господствующим народом в нем были вандалы, которые практически ассимилировали алан. Все эти годы вандальские короли занимались в основном пиратством и набегами на приморские земли по всему Средиземноморью. Апофеозом экспансии вандалов стал захват Рима в 455 году. Город, из-за внутренней смуты оставшийся без армии, был взят с налету и методично ограблен. В конце концов, вандальские нападения заставили Восточноримских императоров взяться за решение этой проблемы. В 533 году в Африку был отправлен византийский карательный корпус под командованием Велизария, после чего само имя вандалов исчезло из истории. Очевидно, в это же время были уничтожены или рассеяны последние африканские аланы.

Западная ветвь алан оказала большое культурное и политическое влияние на Европу, но сами аланы, раздробив свои силы и не сумев создать долговечного государства, исчезли.

Еще одним древним народом, о котором стоит сказать хотя бы пару слов, были булгары, потомками которых в той или иной мере являются современные болгары, казанские татары, чуваши и башкиры. Доисторическая родина булгар находилась где-то в Средней Азии, но во время Великого переселения народов они вместе с гуннами переселились на берега Дона, поэтому многие авторы считают булгар одним из гуннских племен. Другие историки считают булгар отдельным, хотя и союзным гуннам народом. Как бы там ни было, но самостоятельную роль булгары стали играть только после распада гуннской империи. В это время они доминируют в Приазовье, ведут кочевой образ жизни и периодически устраивают набеги на границы Византийской империи. Во второй половине шестого века булгары были разбиты пришедшими из Азии аварами и стали их вассалами. Когда авары под нажимом еще одного азиатского народа, тюрок-туркутов, переселились в Панноннию, хан Кубрат сумел объединить булгарские племена. В 632 году он провозгласил независимость от авар и встал во главе объединения, получившего в исторических источниках название Великая Болгария. Её территория занимала Нижнее Прикубанье, Приазовье, часть Крыма и причерноморские степи. После смерти Кубрата сыновья разделили его государство: старший сын Батбаян остался в Приазовье и стал данником хазар, другой сын, Котраг, ушёл со своей частью племени на правый берег Дона, третий сын, Аспарух, увел своих сторонников на Дунай, где объединившись с местными славянами, положил начало современной Болгарии. В конце VIII века часть булгар переселилась в бассейн Средней Волги и Камы, где они вскоре перешли к оседлому образу жизни и создали государство Волжская Булгария. Потомками волжских булгар являются современные казанские татары и чуваши.

Славянская Атлантида

Мало кто помнит, что полторы тысячи лет назад значительная часть современной Германии была славянской землей. Разве что лингвист сумеет услышать в чужих топонимах эхо ушедших времен. Мекленбург – Микулин Бор, Шверин – Зверин, Бранденбург – Бранный Бор… Кто знает, что воспетый в сказках остров Руян (Буян) это Рюген? Сотни исковерканных, переиначенных славянских названий на карте Центральной и Восточной Европы.

При изучении карты Европы возникает странное ощущение: словно идешь по кладбищу и рассматриваешь древние надгробия. Из-под мха проступают имена давно ушедшей родни, а паутинки трещин складываются в знакомые фамилии… А ведь так и есть. С восьмого века на Восток катился непрерывный вал германских завоевателей. Сложно сказать, когда он начался, но его окончание зафиксировано предельно четко – 9 мая 1945 года. Ошибаются те, кто видит в Великой Отечественной лишь борьбу Гитлера и Сталина, противостояние идеологий или крестовый поход против большевизма. Нет, это был последний всполох древнего пожара, катившегося веками на Восток. Тысячелетнее противостояние германцев

и славян завершилось нашей победой. Теперь можно было вздохнуть с облегчением: «Мы устояли!».

А многие устоять не смогли.

В шестом веке нашей эры европейские летописцы фиксируют многочисленные славянские племена, известные под общим названием вендов, на южном побережье Балтики, к востоку от реки Лаба (современная Эльба). Самыми сильными племенами были бодричи (ободриты), лютичи (велеты), лужицкие сербы и поморяне. Причем, первые три племени были центрами мощных племенных союзов. Несмотря на родство бодричи с лютичами были непримиримыми врагами и частенько воевали между собой. Кроме того, сами племенные союзы были непрочны, и периодически вспыхивала борьба разных родов за власть над соседями. Большая часть балтийских славян занималась земледелием, охотой и рыбной ловлей. У приморских племен был неплохой для своего времени флот, использовавшийся как для торговли, так и для пиратства. Вообще, венды были народом воинственным и предприимчивым, а потому своими набегами они доставляли немало проблем соседям.

Уже в восьмом веке у славян начинаются первые войны с немцами-саксами. Вначале борьба шла с переменным успехом. Германцы из Гамбурга нападали на племя бодричей (ободритов), а из Магдебурга – на мотичей. Славяне не оставались в долгу и отвечали набегами на Запад. Когда франкский король Карл Великий начал завоевание Саксонии, бодричи выступили на его стороне, но после того как саксы были покорены, Карл решил обезопасить восточные границы своей империи, для чего в 789 году совершил поход на землю лютичей, убив местного князя Драговита и опустошив этот край. В девятом веке империя, созданная Карлом, начинает рассыпаться и ее правителям становится не до завоеваний новых земель. Хотя и сын Карла Людовик Благочестивый, и его внук Людовик Немецкий, совершили несколько походов против славян за Эльбу, но закрепиться там они не смогли.

Следующая волна немецкого натиска на Восток начнется в начале десятого века и будет вызвана вступлением на престол Восточно-франкского королевства в 919 году талантливого воина и умелого политика Генриха Птицелова. Что удивительно, долгое время саксонский герцог Генрих противостоял королю-франку Конраду и, говоря современным языком, был лидером сепаратистов. Но, умирая, король Конрад завещал трон именно Генриху Саксонскому и передал ему знаки королевского достоинства: меч и венец франкских королей, священное копьё и королевскую порфиру. Этот выбор поддержали наиболее влиятельные франкские князья, и Генрих Птицелов был провозглашен королем. Объединив под своей властью Саксонию, Швабию и Баварию, он создал высококлассную регулярную армию и в 928 году внезапно обрушился на славянское племя гаволян и захватил их столицу, город Бранибор (Бранный Бор и будущий Бранденбург). Затем Генрих повел войска в поход против доленчан. Взяв город Гану, король приказал всех взрослых мужчин казнить, а женщин и детей продать в рабство. Вскоре саксонцы покорили все славянские племена, жившие между Эльбой и Одером, а лужичан и чехов заставили платить дань. При первой же возможности лютичи попытались восстать, но были разбиты, а восемь сотен славянских пленников для устрашения остальных были казнены.

За время своего правления Генрих, по сути, создал из Восточно-франкского королевства новую страну – Германию, объединив германские племена в единую нацию. Умер Генрих в 936 г.

Сын Генриха Оттон продолжил дело отца, присоединив к своим владениям Италию и короновавшись императорской короной. Его государство получило название Священная Римская империя. Несмотря на то, что борьба между славянами-венедами и немцами в приграничных землях империи практически не утихала, для Оттона земли на правом берегу Лабы (Эльбы) особого интереса не представляли, и тут борьбу со славянами вели местные немецкие феодалы исключительно собственными силами. Причем, немцы зачастую вели

себя весьма подло. Так, например, маркграф Геро пригласил к себе на пир тридцать вендских вождей, а когда они охмелели, приказал убить их. Вмешаться в вооруженную борьбу своих вассалов со славянами Оттон был вынужден лишь один раз в 955 году, когда он разгромил войска вендов князя Стройбнева на реке Ракса. После боя по приказу императора было казнено семь сотен пленных.

Будучи ревностным христианином, Оттон прилагал большие усилия для поддержки церкви и католических миссионеров. По его приказу на подвластных славянских землях были созданы несколько епископств. В результате часть бодричей крестилась, хотя уверовали ли они или это был политический расчет, сказать трудно. По крайней мере, вскоре после смерти Оттона славяне подняли восстание, разрушили все церкви на своей земле, перебили немецких священников и сбросили зависимость от Священной Римской империи. С 1002 года венды были и де-факто, и де-юре независимы. Несколько десятилетий практически мирной жизни могли бы дать вендам возможность создать единое государство и уцелеть в борьбе с германским миром, но славяне не смогли воспользоваться таким подарком судьбы.

Разумеется, венды понимали, что единое германское государство сильнее разрозненных славянских племен. Но как только находился вождь, способный объединить всех, амбиции мелких князьков брали верх, и начиналась внутренняя грызня за власть. В конце концов, князь Готшалк сумел силой на некоторое время объединить прибалтийских славян. При нем возникло первое (и одновременно последнее) государство балтийских славян – Вендская держава. Понимая непрочность этого объединения, Готшалк попытался сплотить своих людей, дав им единую религию – христианство, но позиции язычества оказались сильнее. А вскоре сам Готшалк был убит недовольными боярами. Церкви были опять сожжены, а епископ был принесен в жертву богу Сварожичу. На удивление, Вендская держава не распалась, и после короткой междоусобной борьбы князем стал Крут, жестоко подавивший сепаратизм племенной знати.

Князь Крут происходил из племени руян, входивших в племенной союз лютичей и живших на острове Рюген. Руяне[8] были известны своей воинственностью и жестокостью, а также тем, что на их острове находился город Аркона с почитаемым всеми вендами святилищем бога Святовита[9]. Неудивительно, что при новом князе язычество возвращает утраченные позиции. Тридцатилетнее правление Крута стало золотым веком Вендской державы. Ему удалось нанести несколько серьезных поражений немцам, под его руководством дружины ободритов форсировали Лабу и сожгли города Гамбург и Шлезвиг. Крут наводил страх на немцев, но погиб он от руки славянина. Сын покойного Готшалка Генрих, соблазнил жену Крута, убил князя и захватил власть.

Сам Генрих был христианином, но ввести религию силой, как это сделал в Киеве Владимир Красное Солнышко, не смог или не захотел. В результате часть славян крестилась, но большинство остались язычниками. Как только в 1119 г. Генрих умер, Вендская держава распалась на части. Почти десять лет длилась борьба родственников покойного князя и знати за власть. В результате один из сыновей Генриха убил собственного брата, но и сам погиб. Измученная внутренними неурядицами Вендская держава шла к гибели и окончательно распалась около 1129 года, когда молодые князья Прибыслав и Никлот (кстати, тоже выходец из племени руян) поделили государство пополам. Воспользовавшись этим, немцы возобновили свою экспансию на Восток. Первым в 1142 году пало княжество Прибыслава. Чтобы

[8] У вендов не было собственной письменности, поэтому названия их племен дошли до нас в немецком или датском вариантах. Некоторые исследователи называют руян ранами, ругами или русами. Существует версия, что именно выходцы с Рюгена дали имя русскому народу.

[9] Также произносят Свентовит.

закрепить успех, вновь завоеванные земли голштинский граф Адольф стал заселять немецкими и голландскими колонистами.

Спустя пять лет немцы нанесли страшный удар по землям бодричей князя Никлота. Чтобы придать вид законности своим завоеваниям в 1147 году, саксонское духовенство объявило крестовый поход против язычников-славян. Естественно, светская власть охотно откликнулась на голос церкви и под знамена саксонского герцога Генриха Льва собрались искатели добычи со всей Священной Римской империи и Дании.

Ждать, пока немцы соберутся с силами, Никлот не стал и атаковал первым. Ему удалось стремительным ударом захватить и сжечь город Любек, опустошить земли фризов и нанести серьезный урон саксонцам. Затем славяне были вынуждены отступить вглубь своей земли и укрыться в крепости Добрин, взять которую крестоносцам не удалось. Зато они стерли с лица земли все языческие святилища вендов, кроме островной Арконы. В конце концов, крестоносцы были вынуждены заключить мир с Никлотом и отступить. Таким образом, крестовый поход провалился, но было ясно, что долго мир не продлится. Тем более, что сильным западным герцогствам, опиравшимся на поддержку всего христианского мира, противостояли разобщенные языческие племена, несмотря на все усилия Никлота, упорно не желавшие объединяться в единое государство.

В 1160 году началась новая война, причем, в этот раз немцы были явно сильнее Никлота. Проиграв первые сражения, Никлот отошел к крепости Вурле, где попал в засаду и погиб. Победители отрубили князю голову и долго возили по своему лагерю. Так закончилась жизнь славного славянского вождя и полководца. Его сыновья, Прибислав и Вартислав, еще несколько лет пытались вести партизанскую войну, но были разгромлены, и сопротивление славян было окончательно сломлено. Вартислав погиб, а Прибыслав покорился власти немцев, принял христианство и стал вассалом саксонского герцога. Вся бодричская земля была разделена между вассалами саксонского герцога Генриха Льва, причем, Прибыслав возглавил полунезависимое Мекленбургское княжество. Аркона, последняя цитадель балтийского славянства и язычества, пала в 1169 году под ударами датчан. Храм Святовита был сожжен, а накопленные жрецами за века сокровища вывезены в Данию. Так закончилась история прибалтийских славян-вендов, некогда одного из сильнейших славянских народов. Их земли были заселены колонистами немцами, остатки славян были онемечены и растворились среди завоевателей или покинули родину, уйдя к единокровным полякам и русским[10].

Был ли у вендов шанс уцелеть? Сложный вопрос. Скорее всего, да, но для этого они должны были бы принять христианство. Ведь что бы кто ни говорил, но германский натиск на Восток окончился плохо **только** для языческих племен. Принявшие Христа еще в десятом веке предки поляков и чехов уцелели, а вот бодричи и лютичи, упрямо цеплявшиеся за племенных богов, исчезли. Возможно, христианство слишком сильно ассоциировалось с завоевателями, а племенные боги воспринимались как знамя сопротивления? Может быть, собственные боги расценивались как гарантия независимости? Может и так, но язычество славян делало германскую агрессию морально оправданной. Ведь саксонские герцоги не просто завоевывали новые земли, а несли свет Евангелия. Поэтому в Европе находилось достаточно желающих помочь в этом «богоугодном» деле. А противостоять всей Европе раздираемые внутренними усобицами венды при всей своей отваге не могли.

История не имеет сослагательного наклонения, но все же, как жаль, что Готшалк погиб так рано.

[10] Есть мнение, что на заре своего существования Новгород был восточным форпостом вендов.

Глава 2. Истоки государства Русского

Существует огромное количество версий и гипотез о происхождении русского народа в первых веках нашей истории. Какая из них истинная – сказать невозможно. Ясно только, что русская история гораздо более древняя, чем считали историки-норманисты. Еще в дореволюционное время обращали внимание на то, что термин Русь упоминается гораздо раньше начала правления Рюрика в Новгороде. Более того, в различных европейских хрониках есть несколько упоминаний того, что до Киевской Руси существовало некое государство, носившее название русского, во главе которого стоял каган. Этот тюркский титул обозначает единоличного руководителя крупного государства и примерно соответствует западному титулу императора. Это подчеркивает, что Русский каганат был независимым и довольно мощным образованием, способным самостоятельно определять свою политику. Несмотря на это его местоположение до сих пор неизвестно. Часть исследователей полагает, что он находился на Севере Восточно-Европейской равнины, часть ученых считает, что это государство располагалось в районе Азовского моря или среднем Поднепровье.

Так что остается невыясненным вопрос, кем же были русы и какое они имели отношение к славянским племенам. Ведь даже в сравнительно поздние времена Вещего Олега отличие славян от руссов подчеркивается летописцами. Однако это различие никак не поясняется, а потому неясно, русы – это отдельный народ или лишь название людей определенной профессии, как, например, дружинники или более поздние ушкуйники.

Споры о том, кем были русы, и что означает само это слово, длятся уже не одно столетие, и достоверного ответа до сих пор нет. Само это слово с одинаковой вероятностью может иметь корни и в иранских и в кельтских языках, а может восходить и вообще к индоарийской древности. Кроме того, не совсем понятно, «русь» и «рос» – это просто разное произношение одного названия, или изначально были два разных понятия, которые потом слились в одно.

Давайте рассмотрим, какие есть версии происхождения русов.

Фракийская версия.

В начале шестого века византийский автор Захарий Ритор писал о народе рос, жившем у берегов Черного моря, затем упоминание о послах народа рос в девятом веке было сделано французскими монахами в хронике под названием «Бертинские анналы». При этом ни росов Захария Ритора, ни франкских русов невозможно с уверенностью идентифицировать с представителями какого-либо из известных народов. Однако византийский историк седьмого века Феофилакт Симокатта, описывая войну своих соотечественников со славянами, сделал интересное замечание: по его словам, ранее славян называли гетами. Так что, возможно, какое-то из гетто-дакийских племен нижнего Подунавья стало прародителем (или одним из прародителей) славян. Тем более, что среди фракийских племен в античное время существовало одно, носившее имя одрусаи/одрисы (по-гречески Οδρύσαι), от которого и могло произойти племя, имевшее название рус/рос. Из этого можно сделать вывод о том, что в древности фракийские племена росов обитали в низовьях Дуная, а затем оказались разбросаны по всей территории Европы и именно они дали начало славянским (и, в частности, русскому) народам.

Норманская теория.

Согласно этой теории, варяги-русь, призваные в Новгород, были скандинавами, а князь Рюрик – это конунг Рорик Ютландский из датского рода Скьёльдунгов. Имена действительно созвучные, правда, в богатой на войны и приключения жизни конунга не было ничего похожего на приглашение править славянами. Он воевал и правил значительно западнее, на пространствах от Франкского королевства до Дании. Мысль объявить создателей рус-

ского государства скандинавами появилась в Швеции еще в шестнадцатом веке и изначально должна была быть дополнительным аргументом в переговорах с Иваном Грозным. Затем уже в восемнадцатом веке ее подхватили находившиеся на русской службе немецкие историки Готлиб Байер, Герард Миллер и Август Людвиг Шлёцер. Учитывая, что эти господа были не просто любителями старины, а академиками и членами Российской Академии наук, их версия надолго стала господствующей, хотя, как выяснилось впоследствии, ничего общего с действительностью она не имела. Однако, растиражированная историками восемнадцатого и девятнадцатого века, эта небыль продолжает существовать даже в умах некоторых наших современников. Хотя, разумеется, скандинавы в средневековых русских княжествах присутствовали как торговцы и наемники, но никогда они не были властью.

Вендская версия.

В раннем средневековье практически все южное побережье Балтийского моря и добрую половину современной Германии, вплоть до реки Эльба, населяли славяне, известные под общим названием вендов. Со временем среди них выделились мощные племенные союзы: бодричи (ободриты), лютичи (велеты), лужицкие сербы и поморяне. Большая часть балтийских славян занималась земледелием, охотой и рыбной ловлей. У приморских племен был неплохой для своего времени флот, использовавшийся как для торговли, так и для пиратства. Ну а вендские города того времени по богатству, размерам и численности населения не уступали крупнейшим городам Европы. Так, знаменитый немецкий хронист одиннадцатого века Адам Бременский в своих описаниях назвал славянский город Винету (Волын[11]), находившийся у устья реки Одер, крупнейшим в Европе. Богатство этого города вошло в поговорку, а легенды о нем рассказывали даже тогда, когда сам город был уничтожен. Вообще, венды были народом воинственным и предприимчивым, а потому своими набегами они доставляли немало проблем соседям. Однако соседи тоже были не прочь повоевать, и в итоге с восьмого века началась непрерывная война с западными соседями-германцами. Борьба была долгой и кровавой, но постепенно шаг за шагом германцы завоевывали славянскую землю. Первоначально война шла на равных, но к концу девятого века становится понятно, что сплоченные в единую империю королем Генрихом Птицеловом германцы одолевают разрозненные славянские племена. В 928 году германцы захватили Бранибор (будущий Бранденбург) и покорили все славянские племена, жившие между Эльбой и Одером.

Венды будут сопротивляться германцам до середины двенадцатого века, но, в конце концов, будут завоеваны и частично уничтожены, частично онемечены.

Однако в период становления Руси венды были еще на взлете, они активно колонизировали окружающие пространства, основывая поселения-анклавы от современной Голландии на Западе и до Ильменя на востоке. Как показывают археологические данные, север будущего государства Рюриковичей находился под сильным влиянием балтийских славян. Доходит до того, что некоторые исследователи считают поселения Новгородского региона вендскими колониями. Так что, ища себе князя, новгородцы должны были первым делом обратиться к единокровным вендам. К тому же, согласно летописям, Рюрик был внуком новгородского князя, а это тоже говорит в пользу того, что он был славянином.

Кстати, о Новгороде. Если есть Новый город, то должен быть и старый, и он действительно есть. Современный город Ольденбург в земле Шлезвиг-Гольштейн некогда был Старигардом (Старградом), столицей западнославянского племени вагров. Кроме того, само слово «рюрик» – западнославянское и означает сокол, так что человек, носивший его, скорее всего, был вендом. Вдобавок на побережье Балтийского моря в восьмом веке существовал

[11] Созвучие города Волына и региона Волынь на Украине не случайны. В древности славянские роды в поисках лучшего места, или из-за вражеских вторжений разделялись и расходились в разные стороны. В итоге получилось, что существовало племя полян на Днепре, и племя полян на Висле. Народы с названием сербы жили на Балканах и на побережье Балтики, а хорваты – на побережье Адриатики и на склонах Карпат…

крупный славянский город Рерик, разрушенный датчанами в 808 году. Так что логично предположить, что Рюрик и пришедшие с ним воины были западными славянами, носившими прозвище русь.

В пользу вендской версии, помимо археологических данных, есть еще несколько серьезных аргументов. Во-первых, в основанных на средневековых книгах по генеалогии правящих родов земли Мекленбург, изданных в начале восемнадцатого столетия, упоминаются правившие этой землей в конце восьмого века славянские князья Витслав и его сыновья Траскон и Годлиб. У последнего были сыновья Рюрик, Сивар и Трувор, которые отправились в Новгород. К тому же, в начале девятнадцатого века писатель Ксавье Мармье, будучи в Мекленбурге, записал ходившую среди крестьян легенду о короле Годлаве, имевшем было трех сыновей, которые отправились на Восток, где совершили много подвигов, а затем стали королями. Звали этих сыновей: Рюрик Мирный, Сивар Победоносный и Трувар Верный. Таким образом, и в исторических хрониках, и в народной памяти в Мекленбурге, некогда бывшем владением славян-бодричей, остались упоминания об ушедшем на восток князе Рюрике.

Прусская версия.

Михаил Ломоносов считал Рюрика и его варягов славянами из Пруссии. По его мнению, изначально они жили в низовьях Немана, один из рукавов которого назывался Русь. Действительно, в средневековье этот регион (правобережье Немана) часто именовали Русью, а сегодня самый крупный остров на Немане называется Русна.

Литовская версия.

Николай Костомаров соглашался с Ломоносовым относительно расположения древней родины русов на берегах Немана и Балтийском побережье, но считал их не славянским, а литовским племенем. В доказательство этой версии он приводит созвучие известных нам из летописей русских имен времен князей Олега Вещего и Игоря Старого с литовскими словами. Кроме того, он указывал на почитание бога громовержца Перуна-Перунаса и Русью, и литовцами. Впрочем, почитание Перуна и общие слова могли возникнуть еще до разделения индоевропейцев на славян и балтов.

Руги-русы

Еще одна гипотеза происхождения названия Русь связана с племенем ругов, в начале нашей эры обитавших на южном побережье Балтики между Одером и Вислой. Когда на материк переправились готы, руги, которых Иордан называет островными, были разбиты, и им пришлось покинуть родные края и двинуться искать себе новое место под солнцем. После многолетних походов и войн руги осели в римских провинциях, которые располагались на месте современной Австрии. По договору с имперским правительством руги в обмен на эту землю и ежегодные дотации должны были выставлять определенное количество солдат в римскую армию. В 476 году предводитель этих воинов по имени Одоакр сверг последнего римского императора Ромула Августула и тем самым положил конец Западной Римской империи. Затем руги подчинились готам и вместе с ними завоевали Италию, где было создано готское королевство. Однако спустя несколько десятилетий после жестоких войн с Восточной Римской империей (Византией) это государство было уничтожено, а большая часть варваров погибла в боях. Вместе с тем, часть этого племени уцелела, и восьмом веке английский историк Беда писал о живших на побережье Балтики ругах. Затем наступает двухвековой провал, когда название этого народа нигде не упоминалось, а в десятом и одиннадцатом веках сразу в нескольких документах, составленных в разных странах, ругами названы жители Киевской Руси. Хотя никаких стопроцентных доказательств того, что русы являются потомками ругов, нет, но нет и доказательств противного.

В пользу этой версии говорит тот факт, что на землях, некогда принадлежавших ругам и в Прибалтике, и на Дунае, очень скоро после исчезновения ругов историки зафиксируют

славян. Однако все авторы, современники ругов, говорят об их германском происхождении. Хотя возможно, что остатки разгромленных ругов влились в состав молодого славянского народа и растворились в нем, оставив лишь имя.

Приазовская версия.

По мнению некоторых историков, уже упоминавшийся Русский каганат располагался на юго-востоке современной Украины. Так Е. С. Галкина считает, что центр этого государства находился в верховьях рек Оскол, Северский Донец и Дон. Русский историк и философ Сергей Перевезенцев называет это государство Аланской Русью и усматривает его истоки на Дону. Донецкий историк и публицист Алексей Иванов очерчивает границы этого государства по линии Северский Донец – Дон – Азовское море на юго-востоке и Днепром на Западе. По мнению донецкого автора, это было одно из наиболее урбанизированных государств раннего средневековья. Города Русского каганата были центрами торговли и ремесел. Особенно были развиты гончарное и ювелирное дело, металлургия. Русский каганат был торгово-военным государством, через которое проходили важные торговые маршруты из северной Европы в Византию и азиатские страны. Например, один из них начинался на южном побережье Балтики, затем шел по Днепру, Северскому Донцу, Дону и заканчивался на Северном Кавказе. Еще одна важная торговая артерия, которую контролировали русы, – это всем известный путь «Из варяг в греки». Вдобавок, Русский каганат имел выход в море и вел активную морскую торговлю. Основным экспортными товарами были оружие, ювелирные изделия и рабы. Такая активность не могла не раздражать Хазарский каганат, еще одно военно-торговое государство региона, стремившееся к контролю над торговыми путями. Судя по всему, отношения двух каганатов были очень напряженными. Видимо, определенное время сохранялся паритет, и граница проходила по Дону. По мнению Алексея Иванова современная столица Украины также входила в состав этой страны.

Этот предполагаемый «Русский каганат» соответствует известной ученым Салтово-маяцкой археологической культуре. Впрочем, существует версия, что это было не отдельное государство, а часть Хазарии.

Согласно данным археологии, культура каганата была смешанной алано-славянско-тюркской. На первых порах (с 6-го и до начала 8-го веков) главенствовал аланский компонент. Затем территорию лесостепной полосы (ныне Северная часть Донбасса) начинают заселять славяне. Одновременно и аланы двигались вглубь славянских земель. Возникает симбиоз иранцев и славян, и каганат вполне можно назвать славянско-иранским государством. Кроме того, каганат населяли булгары, асы и даже выходцы из Скандинавии. К концу существования Русского каганата славяне составляли доминирующую часть его населения. И, главное, они обладали высоким социальным статусом. Об этом можно судить по тому, что найденные славянские захоронения – это, как правило, богатые могилы.

Теперь, наверное, стоит рассмотреть происхождение термина Русь, русский. Корень «рус» – индоевропейского происхождения и означает «светлый, белый». Это значение оно сохранило в языке до наших дней. Например, в словах «русявый», «русоволосый», «заяц-русак» и так далее. Кроме того, этим термином обозначали знатный или главенствующий род. Вполне естественно, что этим словом в равной степени пользовались две ветви индоевропейцев – иранцы и славяне. Возможно, распространение самоназвания «салтовцев» как «рус», «русы» связано с названием нынешнего Северского Донца, который, по данным арабского источника «Худуа-аль-Алам», называли рекой Рус, то есть светлая или чистая река. Возможно, от наименования реки стали себя так именовать и жители каганата. Есть версия, что каганат получил свое название от аланского рода рухс, потомков сарматского племени роксаланов (светлых аланов) и асов. Согласно этой теории, русы первоначально не были славянами, но были ассимилированы славянами, оставив им свое имя. Это не единственный подобный случай в истории. Вспомним хотя бы болгар, славянский народ, получивший

имя от племени кочевников-тюрок. Погиб Русский каганат в тридцатых годах девятого века, когда его территория была захвачена мадьярами (венграми), которые кочевали здесь до конца девятого века, а затем отправились на Запад. После разгрома каганата часть оставшегося населения отошла на север в леса и ассимилировалась среди славянского племени северян. Часть беглецов переселилась в Приднепровье под защиту уцелевшего Киева.

Но особенно интересна судьба третей группы выходцев из каганата. Вероятно, это были остатки профессиональной дружины. Они закончили свой поход в Прибалтике. Часть исследователей считает, что их новой родиной стало восточное побережье Балтийского моря, а некоторые историки утверждают, что русы осели в Пруссии, где они вместе с местными племенами образовывают племенной союз, который называют Русия. Ну а дальше уже из этой Русии новгородцы приглашают к себе Рюрика, который мог быть выходцем (или потомком выходца) из приазовского Русского каганата. Его ближайшим сподвижником был Вещий Олег. У нас это имя обычно выводят из скандинавского имени Хелег, хотя логичнее его выводить от иранского халег (творец, создатель, князь) или славянского слова льга (облегчение, простор, свобода, воля).

Олег, став в 879 году регентом при малолетнем сыне Рюрика Игоре, организовывает поход на юг по Днепру. В 882 году Олег фактически без боя захватил Киев. Именно тогда и прозвучали слова «Киев – мать городов русских». Согласитесь, звучит более чем странно, если вслед за историками-норманистами считать Олега скандинавом. Но если Олег, как и киевляне, – выходец из Русского каганата, то его поступок логичен. Вещий князь провозгласил начало возрождения своего древнего государства, но уже со столицей в Киеве. Кстати, киевский люд воспринимает приход Олега без особого возмущения. Не было ни бунтов, ни волнений. А ведь когда Рюрик стал княжить в Новгороде, там было восстание Вадима Храброго.

После утверждения в Киеве Олег установил свой контроль над племенами северян и радимичей, которые до этого платили дань хазарам. То есть князь собирал вокруг Киева как раз те славянские племена, которые наиболее тесно контактировали с Русским каганатом. Стараниями Вещего Олега в начале десятого века образуется новое государство, которое объединяет земли Русского каганата и получает прежнее название Русь, а его правитель именует себя каганом. Этот титул перестал употребляться только при Ярославе Мудром.

Князь Святослав завершил начатое Олегом, совершив в 965 году победоносный поход на Хазарию.

***

Какая из версий происхождения Руси истинная – сегодня не скажет никто. Вполне возможно, что могло быть и несколько древних центров со схожими названиями, которые впоследствии слились в государстве Рюриковичей. Но достоверно одно: начиная с конца девятого века наши предки, принадлежавшие к разным славянским племенам, называют свою страну Русью.

С термином «Русь» связан еще один курьез. Во время феодальной раздробленности этим термином стали называть исключительно земли вокруг стольного Киева. Поэтому в летописях появляются курьезные упоминания о войне Руси против Владимира или о путешествии из Новгорода в Русь.

Называть столичный регион именем всей страны впервые придумали не мы, так, к примеру, земли вокруг Парижа именуются Иль-де-Франс, что буквально означает «Остров Франции».

Публицисты независимой Украины, особенно из числа националистов, очень любят козырнуть цитатой из летописи, где именно Украина названа Русью, попрекнув Российскую Федерацию в присвоении чужого имени и прочих смертных грехах, а россиян объ-

явить вообще не славянами. Только они забывают, что сам Киев к возникновению древней Руси имеет мало отношения. Да и из десяти древнейших русских городов, упомянутых в летописях, семь (Старая Ладога, Новгород, Изборск, Белоозеро, Ростов Великий, Муром, Смоленск) расположены в границах современной Российской Федерации, один (Полоцк) – в Белоруссии, и только два (Любеч и Киев) на Украине.

Глава 3. Первые Рюриковичи
Рюрик

Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!
А. К. Толстой

Как мы уже видели, славяне в первых веках нашей эры активно искали свое место под солнцем, захватывая одну область Европы за другой. Иногда славянским родам везло, и они плотно обживали новые земли, иногда закрепиться не удавалось и приходилось уходить в поисках лучшей доли. Логическим завершением этого процесса в Восточной Европе стало создание в девятом веке нашего государства, которое существует уже более тысячи лет. Хочется верить, что и просуществует еще как минимум столько же.

Как, наверное, все понимают, 862 год в качестве даты рождения Руси взят весьма условно, так как уже за несколько сот лет до призвания Рюрика славяне были вполне «взрослым» народом. Но все же именно Рюрик заложил основы той государственности, которая дошла до нас. Так что именно с этого полулегендарного князя началась новая глава славянской книги жизни. Отныне вместо многих племен будет действовать единый русский народ.

Кем же он был?

Сложно сказать точно. Нашим предкам, жившим в районе Ладожского озера, нужен был авторитетный третейский судья, одинаково отдаленный от всех политических группировок того времени. Поэтому, как говорится в Повести временных лет, «*стал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, словяне, кривичи и весь: Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне*».

Тут возникает вопрос, что имел в виду летописец, говоря «за море»? Это явно не Ладожское озеро, а Балтика, но на какой берег Балтики пошли славянские послы? Если на Северный, то это Скандинавия, а если на южный, то в те времена это были славянские земли. Полабских славян помните? Обратим внимание на то, что летописец явно отделяет варягов-русь от варягов-шведов и варягов-англов.

Кстати, а кто такие англы и где они жили в 10 веке? Думаете, это англичане, и речь идет о Британских островах? А вот и не так, вернее, не совсем так. Англы – это германское племя, во время Великого переселения народов разделившееся на две части: одна ушла на Британские острова, вторая осталась жить на юге современной Дании. Севернее их жили даны, юго-западнее саксы, восточнее славяне-ободриты. Очевидно, летописец пишет именно об оставшихся на континенте англах. Таким образом, получается, что летописная Русь – это народ, живущий на берегу Балтийского моря восточнее Дании и не являющийся ни англами, ни шведами, ни норманнами. Кто остается? Правильно, венды, о которых мы уже писали. Из их племен, скорее всего, и происходил род Рюрика. Тем более, что они были практически сво-

ими для новгородцев и по языку, и по вере, и по культуре. Недаром же для великого ученого Ломоносова славянское происхождение Рюрика было непреложным фактом.

Н. К. Рерих. Заморские гости

А как же норманнская теория, согласно которой Рюрик был германцем-скандинавом? Теория, конечно, существует и имеет своих приверженцев, но эта версия нашей истории, выдвинутая немцами в восемнадцатом веке, вызывает массу возражений. Подробно останавливаться на критике норманнской теории нет необходимости, так как существует немало специально посвященной этому вопросу литературы. Обратим только внимание на фразу в летописи: «Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне». Думаю, этого вполне достаточно, чтобы понять, что пришедшая с Рюриком Русь была не германского происхождения. А современные лингвисты доказали, что многие особенности средневекового новгородского диалекта, известного нам по берестяным грамотам, имеют западнославянское происхождение. Точно так же, исследуя результаты раскопок, историки установили, что на заре его истории в Новгород переселилась большая группа выходцев из западных славян, принесших с собой и свой диалект, и свою культуру. Кроме того, жизнь Рорика Ютландского из династии Скьёльдунгов, которого норманисты предлагают считать одним человеком с нашим Рюриком, хорошо известна. Он правил во Фризии (современные Нидерланды), пытался покорить Данию и под конец жизни принес клятву верности королю Восточно-Франкского королевства Людовику Немецкому. Каких-либо контактов со славянами, а тем более, призвания его в Новгород, европейские летописцы не зафиксировали.

Кроме того, в начале XVIII века немецкими учеными был издан ряд генеалогических трудов, посвященных благородным родам Мекленбурга, бывшего некогда землей ободритов. И в этих работах прямо говорится о знатном славянине Рюрике, внуке короля Витислава, отправившемся с братьями на восток в поисках славы.

Есть еще и Иоакимовская летопись. Её оригинал не сохранился до наших дней, но часть текста была переписана В. Н. Татищевым в восемнадцатом веке. Если верить его записям, то Рюрик был сыном варяжского князя и Умилы – средней дочери славянского старейшины Гостомысла. Перед смертью Гостомысл, княживший в неназванном «Великом граде», завещал призвать на княжение сыновей Умилы. Так и произошло. Рюрик с двумя братьями прибыл в «Великий град», которому соответствует либо Старая Ладога, либо город бодричей Велиград, а затем переселился в «Новый град великий» (Новгород) к Ильменю.

Так что не призывали наши предки себе чужеземных владык, а создатель Руси был наших, славянских корней. Умер Рюрик в 879 году, оставив престол малолетнему сыну Игорю, опекуном которого стал Олег.

Вещий Олег

О Вещем Олеге достоверных сведений немногим больше, чем о его предшественнике. Став фактическим правителем при малолетнем сыне Рюрика, он начал активно расширять границы подвластных территорий. Сначала в 882 году покорил Смоленск и Любеч (город в современной Черниговской области Украины), а затем, оставив там своих наместников, отправился к племенному центру полян – городу Киеву. Город к этому времени уже был довольно богатым и мог за себя постоять. Поэтому, чтобы избежать ненужного кровопролития, Олег хитростью выманил киевского князя Аскольда за крепостные стены и там убил. После чего объявил киевлянам, что отныне он в городе главный, и те спорить не стали… Может, потому, что не особо любили Аскольда, а может, потому, что с Олегом приплыла многочисленная и скорая на расправу дружина. Кстати, среди воинов Олега, по словам летописца, были варяги, чудь, словене, меря, весь и кривичи. В общем, на юг шел настоящий северный интернационал под знаменем харизматичного князя.

По достоинству оценив удобное расположение Киева, Олег перенес свою ставку из Новгорода на берега Днепра, объявив: «Да будет Киев матерью городов русских!». Отныне в едином государстве были объединены северный и южный центры восточных славян. Так родилась Киевская Русь. Вся дальнейшая деятельность Олега будет направлена на собирание под его властью всех восточных славян и живших рядом фино-угров. Когда силой оружия, когда убеждением, но к концу свой жизни он подчинил Киеву и заставил платить дань племенные союзы древлян, северян, радимичей, уличей и тиверцев.

Чтобы обезопасить страну, по приказу князя на границах были построены новые города-крепости. Утверждая свою власть в Восточной Европе, Олег много и удачно воевал с соседями. Ему удалось нанести ряд поражений грозному Хазарскому каганату и заставить это хищное государство смириться с независимостью славян. А ведь до этого хазары угрожали полянам и брали дань с северян и радимичей. Попали под раздачу и булгары с мадьярами.

Апофеозом Олега стал поход на Константинополь в 907 году. Богатейший город мира, по праву прозванный славянами Царьградом, манил к себе многих. Но большинство желающих набить карманы византийским золотом даже мечтать не могли о войне со столь грозным противником – слишком уж сильной была империя. Олег не побоялся и, собрав на подвластных землях многочисленную армию, обрушился на Византию. Основная сила русской армии – 80-тысячная пехота, погрузившись на флотилию из двух тысяч ладей, отправилась в поход морем. Путь эскадры пролегал по Днепру, а затем по Черному морю вдоль его западного берега. Кавалерия двигалась по суше. Благополучно дойдя до стен Константинополя, армия Олега разграбила предместья византийской столицы. Грекам, чья армия оказалась неспособной сопротивляться руссам, пришлось выплатить контрибуцию и заключить выгодный для славян торговый договор, дающий льготы русским купцам. Очевидно, наших

купцов в Византии к этому времени уже знали хорошо, так как византийцы при заключении договора особо просили Олега: «*Пусть запретит русский князь указом своим приходящим сюда русским творить бесчинства в селах и в стране нашей… и пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по 50 человек, и торгуют, сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов*»[12]. Видать, наши предки отличались весьма буйным нравом. Так что, когда сейчас русские туристы в отелях Египта или Турции 9 мая загоняют немцев в бассейны – это всё голос крови, а не недостаток воспитания.

Кстати, при заключении договора Олег с соратниками присягали «*по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир*». На этот момент мы обращаем внимание потому, что имена богов явно говорят о том, что русы Олега были славянами, а не скандинавами. Именно после этого похода Олег получил прозвище Вещий. По легенде Олег повесил свой щит на городских воротах Царьграда как символ победы. В 911 году Олег заключил с византийцами новый договор.

Поход 907 года известен только по русским источникам, что заставляет некоторых сомневаться в его реальности. Однако тут, скорее всего, путаница с датировкой похода, так как вся датировка событий ранней истории в Повести временных лет весьма условна. Возможно, что в первом варианте летописи запись о княжении Олега была вообще без каких-либо дат, и лишь позже переписчики датировали события, ставя годы по памяти или рассчитывая их сравнивая с известными событиями того времени. Но то, что поход Руси на Константинополь состоялся в промежутке между 904 и 909 годами, абсолютно доказанный факт.

Когда и как умер Олег, и где его могила, неизвестно. По одним сведениям, он скончался в 912 году от укуса змеи и был похоронен в Киеве, по другим – в 922 году от старости и был похоронен или в Ладоге, или в Новгороде.

Приняв власть в Новгороде и окрестностях, Олег оставил наследникам одну из крупнейших держав Европы, игравшую важную роль в судьбах средневековых государств Запада, Востока и Севера континента. При Олеге сложилась организация войска, просуществовавшая потом несколько столетий. Основой войска были княжеские дружины – «старшая», состоявшая из наиболее опытных воинов, и «молодшая», состоявшая из «отроков». Их усиливали боярское ополчение и пешая рать из крестьян-ополченцев.

Скорее всего, именно при Олеге на Руси стала известна кириллическая азбука, созданная специально для славянского языка братьями-проповедниками Кириллом и Мефодием. В 863 году они в Моравии перевели на славянский язык и записали с помощью изобретенной ими азбуки священные книги, а затем эта письменность распространилась на Сербию, Болгарию и Русь.

На последние годы жизни Олега пришлись набеги руссов на Каспийское побережье. Каспий в те годы был оживленной торговой магистралью, связывавшей Восточную Европу, Среднюю Азию и Ближний Восток, и русские купцы хорошо его знали. Один из торговых маршрутов из северных славянских земель шел по Днепру до Черного моря, огибал Крым и достигал Дона. Затем купцы поднимались вверх по течению и через земли Хазарского каганата переходили на Волгу, по которой караваны спускались до Каспия, выходили в море и могли отправиться в любой порт на его берегах. Нередко купцы пересекали море и затем по суше отправлялись до Багдада.

В 909 году русы на 16 кораблях напали на город Абаскун и разграбили его. В следующем году та же судьба постигла город Сари, но затем русская дружина была разгромлена эмиром Ширвана (сейчас это часть Азербайджана). Какое отношение эти русы имели к князю Олегу, сказать сложно. Скорее всего, это была вольница наподобие викингов северной Европы, совершавшая походы в порядке частной инициативы. Может быть, это были

[12] Повесть временных лет

те славяно-аланские воины из Донских степей, которых чуть позже станут называть бродниками. Хотя, возможно, русов для этого набега наняли хазары, чтобы ослабить мусульман, контролировавших западную и южную часть Каспия.

В 913 году состоялся грандиозный по масштабу поход руссов на Каспий. В нем, по сведениям арабского историка аль-Масуди, участвовало пятьсот кораблей, на каждом из которых было по сто воинов. Может быть, численность русского войска и преувеличена, но, в любом случае, это было огромное войско. Согласно аль-Масуди, войдя в Керченский пролив, русы попросили хазар разрешения пройти по Волге в Каспийское море, предложив за это половину будущей добычи. Те согласились, так как воевали с прикаспийскими исламскими государствами Дербентом и Ширваном.

Войдя в Каспийское море, армия разделилась на отдельные отряды, которые начали грабёж городов на южном и западном берегах. Около Баку состоялось сражение русов с царем Ширвана Али ибн аль-Хайтамом, который был совершенно разгромлен. Вволю пограбив, русы вернулись в хазарскую столицу Итиль к устью Волги, где вручили хазарскому беку его долю добычи.

И тут непобедимую в честном бою армию ждал удар в спину. Состоявшая из мусульман хазарская гвардия заявила о необходимости отомстить русам за пролитую ими кровь единоверцев. Хотя, скорее всего, циничным наемникам была абсолютно безразлична судьба ислама, но это был отличный повод присвоить себе огромные богатства, награбленные русами. К гвардейцам присоединились и простые местные жители, хотевшие под шумок урвать свой кусок. Внезапно на ничего неподозревавшее и ослабленное предыдущими боями русское войско обрушился удар вчерашних союзников. К чести наших соплеменников, они сумели организовать достойный отпор. Три дня шел кровавый и беспощадный бой. В итоге пять тысяч русов сумели прорваться и уйти на кораблях вверх по Волге. Но неприятности уцелевших на этом не окончились. Когда остатки русов сошли на берег в Среднем Поволжье, им пришлось сражаться с волжскими булгарами и буртасами, которые окончательно добили русскую армию. Сколько воинов вернулось к своим домам, да и вернулся ли вообще хоть кто-то, неизвестно. Также неизвестно, кто командовал этим походом и в каких отношениях участники похода были с киевским князем. Повесть временных лет молчит об этом походе, и все сведения об этой странице нашей истории есть только у арабских авторов.

Игорь Старый

Пока был жив Олег, Игорь – сын и наследник Рюрика – находился в тени своего великого опекуна. Поэтому, став князем, он был вынужден сразу же доказывать свою способность править страной, которая, почувствовав отсутствие крепкой руки, стала распадаться. Для начала Игорь усмирил восставших после смерти Олега древлян и в назидание другим сепаратистам обложил их тяжелой данью. Досталось и уличам, которые попытались отделиться. Затем ему пришлось переключиться на внешнеполитические проблемы – к границам Руси прикочевали печенеги. От кочевников можно было ожидать всего, но Игорю удалось заключить с ними мир. В 915 и 920 году печенеги нарушали его и устраивали набеги на Русь, но княжеские дружины отбрасывали их в степь.

Тут надо сделать небольшое отступление. В начале десятого века Русь вышла в ряды серьезных геополитических игроков и включилась во взаимодействие сверхдержав своего времени. Поэтому стоит хоть пару слов сказать об этих странах.

Арабский халифат

После смерти пророка Мухаммеда в 632 году его последователи, вдохновленные идеей новой религии, сумели завоевать огромные территории в Северной Африке и на Ближнем

Востоке. Менее чем за сто лет их империя (Халифат) по своим размерам превзошла Римскую и раскинулась от Испании на западе до Афганистана на Востоке. Словно разжатая пружина, арабы наступали на все стороны света. На западе они прошли всю Северную Африку, пересекли Гибралтар и покорили Испанию, на Востоке они покорили Иран и победным маршем прошли по Средней Азии до Индии, а на Севере в жесточайшей войне отвоевали у Византии земли вплоть до Малой Азии. На некоторое время арабский Халифат стал ведущей мировой силой и казалось что победное шествие ислама остановить не удастся никому. Но всему приходит конец, и сначала во Франции, а затем под Константинополем арабы терпят сокрушительные поражения, и их экспансия останавливается. Постепенно элита Халифата утрачивает то религиозное рвение, которое отличало его создателей. Воины победоносных армий приобретают себе усадьбы и превращаются в помещиков, под влиянием богатства и роскоши арабы теряют свой неукротимый дух. Кроме того, хоть Халифат и называют арабским, но этнических арабов там было не так уж и много. Со временем на первые роли в государстве выходят представители покоренных, обращенных в ислам, но более культурных и многочисленных народов, прежде всего, персов. Наступает золотой век исламского мира: развиваются искусство, наука и ремесла, караваны торговцев свободно перемещаются от Китая до Атлантического океана. Арабский язык становится общеупотребляемым в Азии и Африке. Чеканившаяся в Халифате тонкая серебряная монета под названием дирхем стала самой стабильной и распространенной валютой своего времени. Причем, валютой общемировой, археологи до сих пор частенько находят дирхемы и у нас в России. Дирхемы продолжали ходить по рукам даже тогда, когда сам Халифат канул в небытие. Часто для удобства расчетов монету рубили на половинки или даже четвертинки, которые затем использовались для мелких покупок.

Дирхем из собрания автора

Завоевав Закавказье, арабы столкнулись с еще одним претендентом на региональное лидерство – Хазарским каганатом. И на долгие годы Кавказ стал границей и линией Арабо-хазарского фронта.

Хазария.

История тюркоязычных кочевников хазар теряется во временах Великого переселения народов, когда их предки прикочевали в прикаспийский регион из Азии. В начале седьмого века они уже представляли собой реальную военную силу, а к концу века хазары контролировали большую часть степного Крыма, Приазовье и Северный Кавказ. Центром Хаза-

рии стали земли современного Дагестана. Пытались хазары и расширить свою территорию, совершая рейды в Закавказье, воюя там с Ираном, а затем с Арабским Халифатом. Первое столкновение с хазарами окончилось для арабов плачевно – их войско было разбито, а предводитель убит. Такое оскорбление воины джихада не простили, и с самого начала восьмого века началась непрерывная череда арабо-хазарских войн. Первоначально хазары вполне успешно отбивались и даже наносили противнику ощутимые удары, устраивая рейды вглубь вражеских территорий. Так как в это же время арабы воевали еще и с Византией, то для решения хазарского вопроса у Халифата банально не хватало сил. В 730 году хазары совершили свой самый масштабный набег, разграбив город Ардебиль и уничтожив двадцатипятитысячное арабское войско.

Этот налет исчерпал терпение Халифата и, основательно подготовившись, арабский полководец Мерван ибн Мухаммед в 737 году повел на Хазарию сто двадцать тысяч своих воинов. Тут уж хазары, что называется, попали конкретно. Сначала Мерван взял штурмом крепость Семендер – столицу врага. Как водится по законам военного времени, жителей кого просто ограбили, а кого обратили в рабство. Затем арабы двинулись на север, вглубь хазарских владений, и дошли до некоей «Славянской реки», где захватили в рабство двадцать тысяч славянских семей. Историки до сих пор спорят, о какой реке идет речь: о Доне или Волге[13]. Доходчиво объяснив хазарам, кто в мире главный, арабы отправились обратно на земли Персии. Может, в дальнейшем они и планировали вернуться и закрепиться на Северном Кавказе, но вскоре в самом Халифате началась смута, и им стало не до новых завоеваний. Хазария осталась независимым государством, но после погрома её центр переместился подальше от опасных арабов – в Подонье и Поволжье. В низовьях Волги возникла новая хазарская столица – Итиль, вскоре превратившаяся в крупный торговый центр.

Расположение Хазарии на пересечении торговых путей позволило хазарам собирать обильные пошлины с проходящих торговых караванов. Вторым источником доходов оставалась военная добыча и выплата дани покоренными народами, среди которых были и славянские племена.

В середине восьмого века один из хазарских вельмож по имени Булан со своим родом принял иудаизм, а полвека спустя его потомок Обадия захватил реальную власть в каганате, превратив кагана в «свадебного генерала». Номинально главой государства считался каган, происходивший из древнего царственного рода, но реальная власть была в руках потомков Обадии, которые носили титул беков (иногда их также называют царями или каган-беками). Их опорой стала многочисленная еврейская община, населявшая этот регион со времен разрушения Иерусалима римлянами в первом веке нашей эры.

Сложилась ситуация, когда элита каганата исповедовала иудаизм, а большая часть хазар и подвластных им народов оставалась язычниками. Это привело к внутреннему ослаблению государства, так как между высшим обществом и простолюдинами образовалась непреодолимая пропасть. Более того, часть хазар не приняла новую власть и попыталась с оружием в руках свергнуть Обадию. Восстание было жестоко подавлено, и остатки мятежников покинули родину, переселившись к венграм. Но отныне власть не могла полностью доверять собственным подданным, и иудеям с иудаизированной знатью приходилось больше рассчитывать на наемников, которых в основном набирали среди мусульман на юго-восточном берегу Каспия. Согласно договору эти воины не должны были воевать против соплеменников, поэтому нанимали хазары и язычников-славян. Отныне главной военной силой Хазарии было не ополчение свободных хазар, усиленное отрядами из зависимых народов, а сравнительно немногочисленная наемная тяжелая кавалерия. Чтобы оплачивать

[13] Из-за своей активности в Кавказском регионе арабские писатели того времени оставили много записей о славянах и руссах, с которыми они сталкивались во время войн или при торговле.

чиновников и наемную гвардию, доходов от транзитной торговли не хватало, и пришлось обложить население тяжкими поборами, что вызывало постоянный ропот и недовольство. Из-за всего этого к началу десятого века хазарский каганат неуклонно слабел, но все еще оставался грозной силой. И сила его была не только в армии, но и в наличии опытных дипломатов, умевших лавировать между соседними державами и с помощью подкупа и интриг стравливать врагов Хазарии между собой.

Византия

Несмотря на все потрясения и постоянные войны Восточно-римская империя в девятом веке оставалась самой культурно и экономически развитой страной в Европе. Под властью Константинополя были Греция, Малая Азия, средиземноморские острова. Периодически империя подчиняла себе Болгарию и Сицилию, Южную Италию и Сирию. Форпостом Византии в Крыму был неприступный Херсонес.

После десятилетий кровавых войн сложилось шаткое равновесие сил этих трех держав. Все они были конкурентами и с удовольствием расправились бы с соперниками, но сил на это не хватало. Каждая страна боялась усиления остальных и при случае старалась нанести удар. Тот факт, что население каждого государства исповедовало собственную религию, только придавал борьбе особую ожесточенность.

Еще одной силой, с которой приходилось считаться всем, были кочевые племена, занимавшие огромные пространства Евразии от Дуная до Китая. Более сильное племя в Центральной Азии атаковало и изгоняло своих слабых соседей. Проигравшие отправлялись на запад, где изгоняли местные племена, те, в свою очередь, также отправлялись на запад, и так далее. Мадьяры, булгары, огузы, торки, печенеги, словно в калейдоскопе, приходили из Азии и сменяли друг друга в причерноморских и прикаспийских степях. Все государства стремились иметь кочевников в союзниках, чтобы обезопасить свои границы и направить их агрессию на соседей.

Естественно, что усиление Руси и её экспансия соседям не понравилась. Особенно этим были обеспокоенны хазары, до Аскольда собиравшие дань со славян. Теперь же эта дань шла в казну киевского князя. Более того, Русь становилась конкурентом в международной торговле. Да и славяне явно не испытывали теплых чувств к хазарам. Столкновение молодого русского государства и постаревшего хазарского хищника становилось неизбежным. Чтобы разгорелся пожар войны, нужна была лишь искра.

Такой искрой стали послы от византийского императора Романа, которые с помощью богатых даров убедили русов начать войну с хазарами. И снова в Повести временных лет нет ни слова об этих событиях. Вообще, летописец по непонятным причинам не написал ничего о происходившем на Руси с 915 года и до 941-го.

События этого периода нам известны из восточных источников, а также из письма неизвестного иудея, бывшего подданным хазарского царя Иосифа. Согласно этому документу, известному как Кембриджский Аноним, в 939 году русы, которых вел полководец, чье имя (или титул) на древнееврейском писалось как Х-л-г[14], захватили хазарский город Самкерц, на берегу Керченского пролива. Личность русского вождя до сих пор является загадкой. По одной версии Х-л-г – это собственное имя «Олег», по другой – титул князя Игоря. Были попытки связать этого полководца с князем Олегом, но эта версия не выдерживает критики. Скорее всего, это был военачальник князя Игоря, носивший такое же имя, как и вещий князь.

Против русов и Византии выступил хазарский военачальник Песах, который, переправившись через Керченский пролив, разгромил византийские владения в Крыму, заставив христиан спасаться за стенами неприступного Херсонеса. Затем он победил русов, заставил их признать над собой верховную власть хазар и обязал платить дань. По его требова-

[14] Напоминаем, что у евреев гласные звуки не записывались

нию князь Игорь был вынужден в 941 году начать войну с Византией. Так начался злосчастный поход Игоря на Константинополь, который подробно освещен и в греческих книгах, и в Повести временных лет, причем византийцы гораздо подробнее описали происходившее, что и понятно, учитывая, что они описывали свою победу.

Войско, часть которого шла по берегу, а часть плыла морем, вел сам князь Игорь. Сохранить подготовку к походу в тайне от византийцев не удалось, но основные силы империи в это время были заняты войной с арабами, и столица оставалась практически незащищенной. Однако у защитников Константинополя было неизвестное врагам чудо-оружие – греческий огонь. Пока русы уничтожали мелкие отряды врага и грабили приморские районы Малой Азии, византийцы сумели снарядить флот и 11 июня 941 года атаковали ладьи князя Игоря в море у входа в Босфор, недалеко от города Иерон.

Использование греческого огня. Миниатюра из «Хроники» Иоанна Скилицы. XII век.

Итальянский дипломат Лиутпранд Кремонский оставил подробное описание морского сражения. «*Роман [византийский император] велел прийти к нему кораблестроителям, и сказал им: „Сейчас же отправляйтесь и немедленно оснастите те хеландии*[15]*, что остались [дома]. Но разместите устройство для метания огня не только на носу, но также на корме и по обоим бортам“. Итак, когда хеландии были оснащены согласно его приказу, он посадил в них опытнейших мужей и велел им идти навстречу королю Игорю. Они отчалили; увидев их в море, король Игорь приказал своему войску взять их живьем и не убивать. Но добрый и милосердный Господь, желая не только защитить тех, кто почитает Его, поклоняется Ему, молится Ему, но и почтить их победой, укротил ветры, успокоив тем самым море; ведь иначе грекам сложно было бы метать огонь. Итак, заняв позицию в середине русского [войска], они [начали] бросать огонь во все стороны. Руссы, увидев это, сразу стали бросаться с судов в море, предпочитая лучше утонуть в волнах, нежели сгореть в огне. Одни, отягощённые кольчугами и шлемами, сразу пошли на дно морское, и их более не видели, а другие, поплыв, даже в воде продолжали гореть; никто не спасся в тот день, если не сумел бежать к берегу. Ведь корабли руссов из-за своего малого размера плавают и на мелководье, чего не могут греческие хеландии из-за своей глубокой осадки*».

Хотя потери русского флота были страшными, значительная часть войска уцелела, и война продолжилась. Русы двинулись вдоль побережья Малой Азии, предавая огню и мечу встреченные селения. При этом наши предки устроили тотальную резню местного населения. По словам летописца, «*стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили – одних распинали, в других же, перед собой их ставя, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли*». Особенно жестокая

[15] Тип корабля

расправа ждала священников, из-за чего некоторые историки (прежде всего, Л. Гумилев) считают такую кровожадность русов следствием влияния иудеев-хазар[16]. Впрочем, и греки образцом милосердия не были, так как они пленных русов также казнили.

Разграбление Византии продолжалось до конца лета, пока не подошли греческие армии из Фракии и Македонии. После этого русы решились на отход, но русский флот 15 сентября был обнаружен византийским и разгромлен возле города Килы.

Запись в Повести временных лет говорит только об одном морском сражении, которое состоялось уже после того, как русы были разбиты на берегу и отплыли домой. Поскольку автор молчит о времени сражения и его месте, вероятно, в летописи произошло совмещение данных о разных сражениях. Хотя возможно, что после поражения у Иерона русское войско разделилось, и Игорь с частью дружины вернулся на Русь. Именно его судьба и описана в летописи.

По версии историка Н. Я. Полового, вторая часть войска во главе с уже известным нам Х-л-гу на своих кораблях спаслась на мелководье у побережья Малой Азии, и именно они до осени громили греков. В этом случае становится понятной фраза в Кембриджском Анониме о том, что из-за неудачи похода на Византию Х-л-г будто бы устыдился возвращаться в свою страну и с дружиной отправился морем в Персию, где и погиб вместе со своими людьми. В русских летописях об этом нет ни слова, зато арабские авторы подробно описывают захват русами города Берда, находившегося в междуречье Куры и Аракса на территории современного Азербайджана недалеко от юго-западного берега Кассия. Русов было всего около трех тысяч человек, но они смело кинулись в атаку, взяли штурмом город, рассеяли его защитников и захватили до десяти тысяч пленных. Берда стала опорной базой русов и, похоже, что они собирались здесь основательно закрепиться и превратить эту территорию в свое государство. Правитель Азербайджана Марзубан собрал армию в 30 тысяч чело-

---

[16] Сегодня трудно представить, что все эти зверства творили наши предки, но из песни слов не выкинешь. Разумеется, для национального сознания могут показаться обидным слова о варварстве первых славян. Вспомним, как возмутились многие патриоты, когда в одном из своих выступлений патриарх Кирилл сказал: «*Православная Церковь хранит в своей истории, в своем Предании замечательные имена святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. В каком-то смысле мы Церковь Кирилла и Мефодия. Они вышли из просвещенного греко-римского мира и пошли с проповедью славянам. А кто такие были славяне? Это варвары, люди, говорящие на непонятном языке, это люди второго сорта, это почти звери. И вот к ним пошли просвещенные мужи, принесли им свет Христовой истины и сделали что-то очень важное – они стали говорить с этими варварами на их языке, они создали славянскую азбуку, славянскую грамматику и перевели на этот язык Слово Божие. Эта традиция настолько глубоко живет в нашей Церкви, что для нас все народы равны, среди них нет варваров. Потому что для кого-то и мы были некогда варварами, хотя на самом деле варварами никогда не были. Так вот, все народы равны и ко всем нужно обращаться, причем желательно с использованием их культуры, их языка*.» Из контекста были вырваны слова «*А кто такие были славяне? Это варвары, люди, говорящие на непонятном языке, это люди второго сорта, это почти звери»* и в интернете случилась настоящая буря в стакане. Как только не клеймили патриарха… А между прочим, совершенно зря. Для византийцев мы были настоящими варварами и исчадьями ада, пришедшими их покарать за грехи. И можно понять их, зная как вели себя наши воины при вторжениях на греческие земли. Так чего тут обижаться? Все народы на заре своей истории вели себя мягко говоря, не совсем деликатно. Плохо было бы если бы все так и остались варварами. Но ведь уже через несколько поколений после описываемых событий русы демонстрируют совсем другой стереотип поведения. Они стали гуманнее, цивилизованнее. И это хорошо. Один из оппонентов патриарха в доказательство его неправоты, написал о том, что уже 25 тысяч лет назад славяне были цивилизованным народом. В качестве доказательств, он привел реконструкцию богато украшенной одежды кроманьонца, найденную в погребении у села Сунгирь около современного Владимира. Да, все так. В это время на территории современной Российской Федерации жили какие-то люди, богато украшавшие свои одежды поделками из мамонтовых бивней и жемчугом. Да, судя по скелетам, они напоминали современных европейцев, и скорее всего были в какой-то степени их предками. Но, никаких доказательств того, что эти кроманьонцы имеют хоть малейшее отношение к славянам нет. Точно также как нет никаких свидетельств об истории славян, не говоря уже об их развитой цивилизации, раньше начала нашей эры. Господа хорошие, не надо искусственно удревнять нашу историю. Точно также как не надо приписывать нашим предкам вымышленных заслуг, или отрицать некоторые их поступки. Тем более нельзя воспринимать всерьез книги разнообразных фантастов, рассказывающих о Гиперборее и славянских ведах. Это все фантастика. Зачастую даже ненаучная. Что же касается слов патриарха, то он прав и отрицать «варварство» славян первого тысячелетия, ссылаясь на погребения 25-тысячелетней давности как минимум некорректно. Это все равно, что отрицать дикость ваххабитов, ссылаясь на величие древних цивилизаций Ближнего Востока, потомками которых они как бы являются.

век и попытался отбить Берду, но, несмотря на огромное численное превосходство, разбить русов ему так и не удалось. Целый год русы держали оборону города, теряя людей не столько от вражеского оружия, сколько от болезней. В конце концов, взяв столько добычи, сколько смогли унести, русы покинули город и уплыли в неизвестном направлении. Что с ними стало, никому неизвестно. Гумилев, например, считал, что и этот отряд вероломно перебили хазары. Кто хочет подробнее разобраться в отношениях русов и хазар, может обратиться к книге Льва Гумилева «Древняя Русь и Великая степь», но должен сразу предупредить, что со многими его выводами я не согласен. Слишком уж слабая под ними доказательная база.

***

Вернувшись в Киев после неудачного похода, князь Игорь сразу же начал собирать новую армию для реванша. Помимо собственных подданных он привлек и воинов соседних народов, обещая им часть богатой добычи. Сначала по договору с киевским князем греков атаковали венгры, совершившие рейд по византийской территории вплоть до стен Константинополя. Затем в 944 году на юг двинулись основные силы князя. В его армию, помимо дружин всех подвластных славянских племен, влились отряды наемников: варягов из Северной Европы и печенегов из Причерноморских степей. Так что армия получилась весьма внушительной, и византийцы предпочли не искушать судьбу и решить вопрос без кровопролития. Они послали навстречу Игорю посольство с просьбой о мире, подкрепленное богатыми дарами. Помня о прежней неудаче, русы предпочли не рисковать и взять откупные. «*Сказала же дружина Игорева: „Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, – не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто – кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть“. Послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси*» – отмечает Повесть Временных лет. Между Русью и Византией был заключен новый договор, по которому восстанавливались мирные отношения. Византийцы обязались выплатить крупную денежную сумму Игорю и в дальнейшем ежегодно посылать в Киев деньги. В обмен русы обязались приходить на помощь византийцам в их войнах. Кроме того, византийцы признали владение Русью землями в устье Днепра и на Таманском полуострове.

Также договор регулировал условия пребывания и торговли русских купцов в Византии, определял размер денежных штрафов за различные проступки, определял суммы выкупа за пленников. Сначала договор был подписан императором Романом с русскими послами в Константинополе, а затем византийское посольство явилось в Киев, где князь Игорь и его бояре поклялись в верности договору.

Полный текст договора был включен в Повесть временных лет. Думаю, стоит привести его полностью: «*Прислали Роман, и Константин, и Стефан послов к Игорю восстановить прежний мир, Игорь же говорил с ними о мире. И послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов, и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию. «Мы – от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря; Искусеви от княгини Ольги; Слуды от Игоря, племянника Игоря; Улеб от Володислава; Каницар от Предславы; Шихберн Сфандр от жены Улеба; Прастен Тудоров; Либиар Фастов; Грим Сфирьков; Прастен Акун от племянника Игоря; Кары Тудков; Каршев Тудоров; Егри Евлисков; Воист Войков; Истр Аминодов; Прастен Бернов; Явтяг Гунарев; Шибрид Алдан; Кол Клеков; Стегги Етонов; Сфирка…; Алвад Гудов; Фудри Туадов; Мутур Утин; купцы Адунь, Адулб, Иггивлад, Улеб, Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Туробид, Фуростен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Игелд, Турберн, Моне, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилен, Апубексарь, Вузлев, Синко, Борич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжья,*

и от всех людей Русской земли. И им поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбцем дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими.

Великий князь наш Игорь, и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману, Константину и Стефану, к великим царям греческим, заключить союз любви с самими царями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на все годы, пока сияет солнце и весь мир стоит. А кто с русской стороны замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получат возмездие от Бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи ни от Бога, ни от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами во всю свою загробную жизнь.

А великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим царям греческим корабли, сколько хотят, с послами и с купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные; ныне же повелел князь ваш посылать грамоты к нам, царям; те послы и гости, которые будут посылаться ими, пусть приносят грамоту, так написав ее: послал столько-то кораблей, чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с миром. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему. Если же не дадутся нам и сопротивятся, то убьем их, и пусть не взыщется смерть их от князя вашего. Если же, убежав, вернутся в Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают что хотят. Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в стране нашей. И, когда придут, пусть живут у церкви святого Мамонта, и тогда пошлем мы, цари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут месячину – послы посольскую, а купцы месячину, сперва те, кто от города Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из прочих городов. Да входят они в город через одни только ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по пятьдесят, и торгуют сколько им нужно, и выходят назад; муж же наш царский да охраняет их, так что если кто из русских или греков сотворит неправо, то пусть рассудит то дело. Когда же русские входят в город, то пусть не творят вреда и не имеют права покупать паволоки дороже, чем по пятидесяти золотников; и если кто купит тех паволок, то пусть показывает цареву мужу, а тот наложит печати и даст им. И те русские, которые отправляются отсюда, пусть берут от нас все необходимое: пищу на дорогу и что необходимо ладьям, как это было установлено раньше, и да возвращаются в безопасности в страну свою, а у святого Мамонта зимовать да не имеют права.

Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну царства нашего, и если окажется у святого Мамонта, то пусть возьмут его; если же не найдется, то пусть клянутся наши русские христиане по их вере, а нехристиане по закону своему, и пусть тогда возьмут от нас цену свою, как установлено было прежде, – по 2 паволоки за челядина.

Если же кто из челядинов наших царских или города нашего, или иных городов убежит к вам и захватит с собой что-нибудь, то пусть опять вернут его; а если то, что он принес, будет все цело, то возьмут от него два золотника за поимку.

Если же кто покусится из русских взять что-либо у наших царских людей, то тот, кто сделает это, пусть будет сурово наказан; если уже возьмет, пусть заплатит вдвойне; и если сделает то же грек русскому, да получит то же наказание, какое получил и тот.

Если же случится украсть что-нибудь русскому у греков или греку у русских, то следует возвратить не только украденное, но и цену украденного; если же окажется, что украденное уже продано, да вернет цену его вдвойне и будет наказан по закону греческому и по уставу и по закону русскому.

Сколько бы пленников христиан наших подданных ни привели русские, то за юношу или девицу добрую пусть наши дают 10 золотников и берут их, если же среднего возраста, то пусть дадут им 8 золотников и возьмут его; если же будет старик или ребенок, то пусть дадут за него 5 золотников.

Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будут пленники, пусть выкупают их русские по 10 золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклясться на кресте и взять свою цену – сколько он дал за пленника.

И о Корсунской стране. Да не имеет права князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, но когда попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать, – дам ему, сколько ему будет нужно.

И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег, да не причинят ему ущерба. Если же кто-нибудь возьмет из него что-либо, или обратит кого-нибудь из него в рабство, или убьет, то будет подлежать суду по закону русскому и греческому.

Если же застанут русские корсунцев в устье Днепра за ловлей рыбы, да не причинят им никакого зла. И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья; но с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь.

И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому, чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране.

Если же будет совершено злодеяние кем-нибудь из греков – наших царских подданных, – да не имеете права наказывать их, но по нашему царскому повелению пусть получит тот наказание в меру своего проступка.

Если убьет наш подданный русского или русский нашего подданного, то да задержат убийцу родственники убитого, и да убьют его.

Если же убежит убийца и скроется, а будет у него имущество, то пусть родственники убитого возьмут имущество его; если же убийца окажется неимущим и также скроется, то пусть ищут его, пока не найдется, а когда найдется, да будет убит.

Если же ударит мечом, или копьем, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за то беззаконие пусть заплатит виновный 5 литр серебра по закону русскому; если же окажется неимущим, то пусть продадут у него все, что только можно, так что даже и одежды, в которых он ходит, и те пусть с него снимут, а о недостающем пусть принесет клятву по своей вере, что не имеет ничего, и только тогда пусть будет отпущен.

Если же пожелаем мы, цари, у вас воинов против наших противников, да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем: и отсюда узнают в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и русские.

Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, царей, – на ней есть крест и имена наши написаны, а на другой – имена послов и купцов ваших. А когда послы наши царские выедут, – пусть проводят их к великому князю русскому Игорю и к его людям; и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, на которой написаны имена наши.

Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи в предлежании честного креста и хартии этой соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны – князь ли или иной кто, крещеный или некрещеный, – да не получит он помощи от Бога, да будет он рабом в загробной жизни своей и да будет заклан собственным оружием.

А некрещеные русские кладут свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, что написано в хартии этой, будет соблюдаться Игорем, и всеми боярами, и всеми людьми Русской страны во все будущие годы и всегда.

Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, – да будет достоин умереть от своего оружия и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву.

И если утвердит князь Игорь клятвою договор этот, – да хранит любовь эту правую, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и во все будущие».

Послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали ему все речи царя Романа. Игорь же призвал греческих послов и спросил их: «Скажите, что наказал вам царь?». И сказали послы царя: «Вот послал нас царь, обрадованный миром, хочет он иметь мир и любовь с князем русским. Твои послы приводили к присяге нашего царя, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей». Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото, и присягали Игорь и люди его – сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасынчей беседы и хазар, – это была соборная церковь, так как много было христиан – варягов. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском, и отпустил их».

В этом договоре интересно отметить два момента. Первое – Русь не была еще полностью централизованным государством, поэтому послы были отправлены не только от великого князя, но и от его родственников и вассалов. Во-вторых, посланец *Слуды от Игоря,* ***племянника*** *Игоря,* означает, что у Игоря Рюриковича был брат или сестра, о котором (ой) нам ничего не известно.

Через год после заключения договора с греками Игорь погиб от рук своих своевольных подданных – племени древлян. Вообще, повернись чуть по-другому история, то не киевский князь брал бы дань с древлян, а наоборот. Еще до прихода в Поднепровье Вещего Олега с дружиной древляне уже успели создать собственное княжество с центром в городе Искоростень и ни в чем не уступали своим восточным соседям-полянам, центром которых был Киев. Более того, в летописях встречается упоминание о том, что древляне притесняли киевлян, так что не вмешайся в процесс создания государства северяне, быть бы Искоростеню столицей. Но произошло то, что произошло, и в 883 году Вещий Олег заставил древлян признать свою власть. Правда, на этом этапе их зависимость от Киева ограничивалась необходимостью выплачивать дань и посылать воинов для участия в княжеских походах. После смерти князя Олега древляне попытались выйти из-под контроля Киева, но не получилось. В 945 году князь Игорь, который, несмотря на подарки из Константинополя, остро нуждался в деньгах, попытался собрать дань дважды за год. При этом его дружинники, видать, настолько рьяно взялись за выколачивание налогов и сборов, что древляне взялись за топоры. Князь Игорь еще и подлил масла в огонь, отправив основную часть дружины с собранным добром в Киев. В итоге князь остался в центре многолюдной и недружественной земли лишь с маленьким отрядом телохранителей, чем спровоцировал нападение древлян. Ведь на всю киевскую дружину никто бы не решился напасть, и все недовольство ограничилось бы ворчанием да взглядами из-под бровей. Теперь же киевлян была всего горстка, и горячие головы из древлян решились радикально решить вопрос дани.

Интересно, Игорь сознательно провоцировал древлян напасть, надеясь отбиться, или жадность застелила ему глаза? Как бы там ни было, телохранители князя были перебиты в бою, а его, по легенде, привязали к двум пригнутым до земли деревьям, а затем их отпустили. Так бесславно погиб сын Рюрика.

Кстати, сравнительно недавно вышла книга Льва Прозорова «Святослав Храбрый. Русский бог войны», в которой высказано необычное мнение о причинах смерти Игоря Старого.

Согласно версии автора киевский князь был убит в результате заговора, организованного славянами-христианами.

Лев Рудольфович Прозоров (он же широко известный в узких кругах неоязычников Озар Ворон) – один из талантливых современных популяризаторов истории, однако зачастую, убеждения заставляют его делать очень смелые предположения и выводы из исторических фактов. И в данном случае версия Прозорова тоже не выдерживает критики, но все же рассмотрим её.

Сначала автор приводит запись из Повести временных лет: «*Сказала дружина Игорю: „Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и ты добудешь, и мы“. И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: „Идите домой, а я возвращусь и пособираю еще“. И отпустил дружину свою домой, а сам, с малой дружиной вернулся, желая большего богатства*». Эти строчки Лев Рудольфович называет нелепым карикатурным некрологом и задается вопросом, как это дружинники оказались «наги», если только что Игорь взял в Византии солидные откупные? После чего иронизирует: «*И уж не к древлянам идти после такого откупа. У них ни алмазов, ни золотоносных рек, ни пряностей драгоценных. Летопись опять говорит предельно ясно: „мед и меха“ – все сокровища древлянские. Это после золота и шелков соответственно… Может быть, русы Игоря не имели понятия о настоящих сокровищах?»* После небольшого отступления историк снова продолжает высмеивать летопись: «*…поговорим об еще одной нелепости летописной байки, нелепости, наименее очевидной для современного читателя. Представьте – поход за данью на землях покоренного племени. И правитель говорит дружине: „Поезжайте домой, я вас нагоню“… Нет, я не о том, что приказ самоубийственно глуп, а Игорь вроде бы не самоубийца и уж определенно не глупец. Об этом мы уже говорили. Говорили о том, почему он не мог отдать такой приказ. Но даже если бы и отдал – дружина не могла его послушаться*!»

Затем после цепи рассуждений Прозоров приходит к выводу, что в этом походе в княжеской дружине были недавно присоединившиеся к нему варяги-христиане, которые-де на самом деле и убили Игоря.

Далее к чему-то следует странный пассаж, призванный доказать, что убийцами были именно нанятые Игорем на севере варяги-христиане: «*Византийцы варягов-„варангов“ выводили из „Германии“, как со времен Тацита называли все земли между Дунаем и Балтикой, кто бы там не жил: настоящие германцы, славяне, балты, кельты. К чему здесь говорить об этом? К тому, что современник Игоря, византиец Лев Диакон, которого мы уже вспоминали и еще не раз вспомним, пишет, будто Игоря убили… „германцы“. Между прочим, христианство на берегах Варяжского моря называли тогда… „Немецкой верой“. Слова „варанг“ в Византии тогда еще не знали. Зато знали древлян-„дервиан“, и германцами их никто не звал, напротив, ясно называли „славинами“. Итак, не просто поведение дружины Игоря предельно подозрительно, но даже сохранилось свидетельство современника, позволяющее обвинить новых дружинников в убийстве вождя… Как все же погиб Игорь? Лев Диакон говорит, что „германцы“ его привязали к согнутым верхушкам двух деревьев и, отпустив их, разорвали надвое. Это не случайное убийство в угаре, скажем, пьяной ссоры. Месть „поганым“ за распятия в Византии, за орду степных дикарей в православной Болгарии*».

Ну а дальше по версии Прозорова убийцы «*едут в Киев, рассказывают нелепую историю – и она входит на страницы летописи. Это не простые наемники, и в Киеве их ждали те, кто достаточно влиятелен, чтоб заставить остальных поверить их рассказу и в то же время не настолько, чтобы видеть в варягах-христианах пешку, сделавшего свое*

дело мавра. Кто?» – задается вопросом автор. И тут же находит ответ – верхушка христианской общины и дружина христиан-варягов. Ну а княгиня Ольга вольно или невольно помогла им, устроив резню древлян, которые могли рассказать правду и тем самым замела следы преступления. «*Ольга, приняв на себя месть за мужа, становится в глазах киевлян его преемницей. И еще крепче привязывает себя к заговору. И спешит, спешит – к подходу из Новгорода Святослава и Асмунда все должно быть готово*[17]. *Свидетели и соучастники убийства – уничтожены, Ольга в глазах киевлян – стать мстительницей за мужа и государя, а отношения с древлянами доведены до той степени, когда никто не станет доискиваться истины. Но была или не была Ольга убийцей своего мужа – это именно ее деяния увековечили клевету на него. И это в ее имя чернили государя-язычника иноки-летописцы последующих веков. Дабы оттенить тусклую звездочку ее „премудрости“, заволакивали туманами лжи ясное солнце его государственного и полководческого гения*» – подводит итог Лев Рудольфович.

Ну что же, давайте разберем версию Прозорова. Во-первых, совершенно непонятно, чем руководствуется автор, утверждая, что под «германцами» Диакон подразумевал именно христиан. Полностью эта запись у греческого историка звучит так:

«*Сфендослав (*Святослав – прим. автора*) очень гордился своими победами над мисянами (*болгарами – прим. автора*); он уже прочно овладел их страной и весь проникся варварской наглостью и спесью. Объятых ужасом испуганных мисян он умерщвлял с врожденной жестокостью: говорят, что, с бою взяв Филиппополь, он со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и обуздал всякое сопротивление и обеспечил покорность. Ромейским послам Сфендослав ответил надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами». Император Иоанн, получив такой ответ от скифа (т. е. Святослава – прим. автора), снова отправил к нему послов, поручив им передать следующее: «Мы верим в то, что провидение управляет вселенной, и исповедуем все христианские законы; поэтому мы считаем, что не должны сами разрушать доставшийся нам от отцов неосквернённым и благодаря споспешествованию Бога неколебимый мир. Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзьям, тотчас же, без промедления и отговорок, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. ... Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингор, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не упоминаю я уж о его жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя, – ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один факелоносец*[18] *не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи».*

Итак, перед нами пересказ посланий двух врагов, каждый из которых стремиться посильнее задеть и унизить своего оппонента, а никак не установить истинные обстоятель-

[17] А вот запись Повести временных лет прямо противоречит этой фразе: «Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, и воевода был Свенельд, тот был отец Мстиши». Кому верить, Повести или Прозорову оставляю на суд читателей.

[18] Армию древней Спарты в походах сопровождал жрец-факелоносец, считавшийся неприкосновенным. Гибель такого жреца означала полное уничтожение войска. Так что император иносказательно обещает гибель всем воинам Святослава, если они не одумаются.

ства гибели Игоря. Кроме того, где тут хоть один намек на христиан-убийц? Более того, Цимисхий говорит, что Игорь шел походом **против** германцев, а не **с** германцами.

Следующая логическая неувязка в версии Прозорова – зачем Ольге устраивать поход на древлян, в котором будет участвовать сотни если не тысячи людей. Ведь этим кровопролитием следов не заметешь, наоборот многие узнают о том, что древляне не причастны к смерти князя. Гораздо проще было бы не обвинять древлян, а тихонько удавить или отравить Игоря и списать его гибель на несчастный случай или смерть по естественным причинам. Мол, конь испугался – понес, и князь о дуб голову разбил.

Ну а сомнения в необходимости сбора дани выглядят просто странно. Полюдье было обязательным ежегодным процессом, князь не только собирал дань, но и судил и, возможно, совершал религиозные обряды. Кроме того, своим появлением он демонстрировал и подтверждал свою власть. Кстати, дань к приходу князя уже была собрана местной элитой, и Игорь брал себе ее часть в установленных местах, а не бегал с дружиной по избам и амбарам. Вопрос размера дани был в том, в какой пропорции ее делить между Киевом и родовой знатью данников.

Так что не мог Игорь не пойти в полюдье, как не может сейчас президент заявить, что-то в роде: «Этот год был удачным благодаря высоким ценам на нефть, так что налоги собирать не будем». И новую дань князь наложил именно потому, что перед этим удачно сходил на Византию и тем самым усилился. Ну а то что он с малой дружиной пришел, так ведь не военный же поход был. Кто же знал, что древляне решат не договариваться, а пролить кровь? Князь просчитался и поплатился за это своей головой. Вечная ему память.

Княгиня Ольга

О воспетой летописцами, поэтами и писателями вдове князя Игоря, мудрой Ольге, достоверно известно очень немного. Особенно о первых трех четвертях жизни, пока она не была вынуждена встать у руля государства. Сомневаюсь, что после смерти Игоря многие верили, что безутешная вдова сможет удержать власть до тех пор, пока не подрастет их сын – Святослав. Слабая женщина на престоле распадающейся страны – что еще нужно претендентам на власть? Но Ольга не просто удержала княжескую власть, но и заметно её усилила, а сделанного ею за пятнадцать лет правления хватило бы с лихвой и на двух мужчин.

Родилась она в псковской земле на северо-западе Руси в начале десятого века. По одной версии, Ольга была из незнатной семьи, а по другой – приходилась дочерью самого Вещего Олега. Впрочем, есть и совсем экзотичная версия о происхождении будущей княгини из болгарского города Плиска, название которого на древнерусском языке писалось так же, как и название Пскова – *Пьсков или Плесков.* Кстати, у язычника Игоря вполне могло быть несколько жен, но летопись сохранила память лишь об одной Ольге.

Согласно Повести временных лет, после убийства Игоря древляне отправили в Киев посольство, которое объявило Ольге: «*Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие… пойди замуж за князя нашего за Мала*». Дальнейшее известно даже тем, кого история не интересует абсолютно.

Недобро прищурилась княгиня, и словно ледяным стал ее взгляд. Следующим же утром горе-послов закопали в их же лодье живьем в землю. И*, склонившись к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?». Они же ответили: «Горше нам Игоревой смерти»*[19]. Не теряя времени, княгиня посылает к князю Малу гонца с требованием прислать за ней свиту из наиболее знатных людей древлянской земли, если они хотят видеть её в Искоростени. Ничего не зная о судьбе первого посольства, древлянская знать отправилась в Киев. А ведь наверняка были те, кто предупреждал, что это плохая идея, что не стоит рисковать…

[19] Повесть временных лет

Но, видать, поверили в свое счастье лесные люди, не ждали вероломства от женщины… А зря. Это посольство киевляне в полном составе заперли в бане да и сожгли, недолго думая. А вы как хотели? Времена были жестокие, о демократии и толерантности еще и слыхом не слыхивали. Брали кровь за кровь, и мстили обидчикам, пока сил хватало.

Затем княгиня, еще раз воспользовавшись неинформированностью древлян о судьбе их посланцев, с малой дружиной отправилась к Искоростеню, где совместно с древлянами провела тризну над могилой мужа, после чего приказала вырезать захмелевших хозяев. По летописным данным, под мечами дружинников полегло пять тысяч человек.

Интересно отметить, что рассказ о мести Ольги имеет неожиданные параллели в погребальных обрядах руссов, зафиксированных в восточных источниках. Своими действиями княгиня словно воспроизводила ритуал похорон, которого был лишен её муж. Ведь сначала покойного с оружием и имуществом должны были положить в ладью, а потом сжечь. Вот и вдова казня первых послов, заставляет их отправиться в вечность вслед Игорю на ладье. Вторые послы сжигаются – тем самым имитируется погребальный костер. И в заключение княгиня справляет тризну, на которой гибнут знатные древляне.

Вернувшись в Киев, Ольга собрала всю дружину, взяла малолетнего сына Святослава и начала поход на древлян. Теперь речь шла уже не о мести, а о наведении порядка в мятежной земле. Дружинники методично, село за селом, усмиряли древлян, налагая новую дань и уничтожая непокорных. Что стало с князем Малом – неизвестно, но, зная суровый нрав Ольги, думаю, что ничего хорошего его не ждало. Хотя некоторые историки полагают, что детьми Мала могли быть Малуша и Добрыня, служившие при дворе Ольги. Впоследствии Малуша родила сына Владимира от князя Святослава, сына Ольги.

Покорив древлян, Ольга с дружиной отправилась в поездку по Руси, во время которой были заново установлены размеры и сроки уплаты оброков и дани. Также она определила места, где происходил сбор податей – погосты. Подвластные Киеву земли были поделены на отдельные административные единицы, в каждую из которых назначался княжеский администратор-тиун. Княгиня смогла на несколько десятилетий обеспечить мир и порядок в своей большой по тогдашним меркам стране.

До самой своей смерти в 969 году Ольга правила от имени сына и пользовалась заслуженной любовью и уважением подданных. Она же первой из правителей-рюриковичей приняла христианство, причем, для этого отправилась в Византию, где по легенде её крестил сам Константинопольский патриарх, дав ей имя Елена. Умирая, она запретила справлять по себе языческую тризну и была похоронена христианским священником на месте, ею самою выбранном.

Со смертью княгини Ольги закончился первый период в истории Руси. За это время князьям удалось объединить под властью Киева огромные территории вдоль Балтийско-Черноморского торгового пути. Русы, которых привел с собой Рюрик, брали жен на новом месте жительства, и уже в следующем поколении они практически растворились в местном населении, оставив лишь свое имя. Сначала русами стали называть элиту общества – дружину и ближайшее окружение князя, потом земли, подчиненные новой столице – Киеву, стали именовать русской землей. А со временем и весь конгломерат славянских и финно-угорских племен превратился в единый русский народ.

При первых князьях Русь хоть и находилась под властью одного правителя, но все же была объединением полунезависимых княжеств, подчинявшихся великому князю Киевскому, пока тот был силен, и пытавшихся освободиться, когда центральная власть слабела. Кстати, киевских князей, до Владимира Великого включительно, называли каганами – восточным титулом, соответствующим европейскому императору. На западе же правителей Руси, как правило, именовали королями, так как считали Русь равной самым сильным державам своего времени.

Киевский князь не был самодержавным правителем, скорее, первым из многих. Он был самым богатым, сильным и удачливым, и именно поэтому ему подчинялись князья и бояре других славянских племен. Это хорошо заметно в договорах с греками, во время заключения которых в Константинополь посылались послы не только от великого князя, но и от остальных князей.

Весь десятый и часть одиннадцатого века у подвластных Киеву племен сохранялись местные князья, которые обязаны были выставлять войска в поддержку киевской дружины во время больших походов, а также признавать право киевского правителя на сбор с их владений дани-полюдья. В остальных вопросах они были практически независимы от столицы. Естественно, что Рюриковичи по мере сил урезали полномочия местных князей, а при возможности и заменяли их своими наместниками, но это был длительный процесс. Например, древлянская автономия была уничтожена Ольгой, а последнего полоцкого князя сместил лишь Владимир. Еще одним центром власти на Руси было вече – собрание свободных граждан города, которое формально имело высшую власть. Правда, в Киеве, где была резиденция великого князя и стояла его дружина, вече было явно слабее, чем, к примеру, в Пскове или Новгороде, которые со временем превратились в своеобразные республики.

Памятник княгине Ольге в Киеве. фото автора

Основной задачей киевского князя была защита Руси от внешних врагов и обеспечение безопасной торговли с соседями. Наиболее важными торговыми путями были Балтийско-Черноморский (Путь из варяг в греки) и Волжский (Персидский путь), а также путь в германские земли через Чехию. При этом сам князь зачастую выступал в роли купца, сбывавшего собранный в качестве дани и военной добычи товар за рубеж. Именно стремлением обезопасить для русских купцов торговые пути на Восток и Юг объясняется большая часть внешних военных походов Олега и Игоря. Для этих же целей князья стремились овладеть стратегически важными территориями – устьем Днепра, устьем Дуная, Керченским проливом.

Глава 4. Бог войны по имени Святослав

Князь Святослав Храбрый, сын Ольги и Игоря, пожалуй, самый любимый писателями и художниками герой ранней Руси. Его по праву сравнивают с Александром Македонским и Цезарем, о его жизни написана масса книг, картин, песен. Причем, он одинаково почитаем христианами и неоязычниками, русскими и украинцами. В честь князя в уже независимой Украине была отчеканена серебряная десятигривневая монета, вскоре ставшая нумизматической редкостью.

Князь на украинской монете

Отлитый в металл памятников Святослав стоит в Киеве, Запорожье, Новгороде и Белгороде.

В год 6454 (946) Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило коня по ногам, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Этими скупыми строками начинается описание жизни Святослава в Повести временных лет. Летописцу не до сантиментов, он не собирается описывать, что творится в душе лишившегося отца ребенка, не говорит о его мыслях и переживаниях. Он только зафиксировал событие, а мы уже сами можем представить, как это было. Или могло быть.

Обратим внимание на слова Свенельда: «Князь уже начал». Не княжич, не наследник, но полноправный князь. У него отобрали детство и, едва научившись ходить, Святослав должен был нести бремя власти. Понятно, что княгиня Ольга и дружинники отца Свенельд и Асмуд взяли на себя большую часть работы по непосредственному управлению страной, но все же и Святослав должен был соответствовать своему высокому званию.

Под руководством наставников из числа старых дружинников молодой князь начинает осваивать военную науку, закаляет тело постоянными тренировками, учится верховой езде и бою на мечах. Одновременно воеводы Икмор, Свенельд, Сфенкел готовили своего воспитанника к роли полководца. Чуть повзрослев, Святослав собирает вокруг себя ватагу подростков, которые становятся его товарищами по играм, а впоследствии станут дружинниками. Раз за разом доказывая в потешных поединках свою силу и ловкость, Святослав готовится к великому будущему. А это будущее он для себя определил сам. Его отец был разбит хазарами, которые отобрали у Киева земли вятичей, – значит, Святослав отомстит за то поражение Руси и разгромит каганат. Игорь проиграл в войне с греками, поэтому его сын покарает надменных византийских императоров. Завершить дела отца и даже превзойти его станет целью жизни князя.

Так в тренировках тела и духа, окруженный профессиональными воинами-дружинниками, рос юный князь в Вышгороде, под Киевом, чтобы через восемнадцать лет явить себя миру.

В 964 году Святослав начинает свой первый военный поход. Его целью стали земли вятичей, которые раньше подчинялись Киеву, а теперь были данниками Хазарского каганата. Дружина киевского князя прошла по землям между Волгой и Окой без боя, самим фактом своего присутствия заставив вятичей, а также волжских булгар и мордву, признать главенство Киева. Святослав не стремился выжать из вновь приобретенных земель максимум добычи, потому что эти территории он рассматривал не как источник обогащения, а как удобный плацдарм в предстоящей войне с Хазарией. Для вятичей же не имело значения, кому платить дань, раз уж все равно приходилось её платить. Главное, что Святослав не лез во внутренние дела новых подданных, не ущемлял вятичскую знать…

Целую зиму провел Святослав в новых землях, обеспечивая себе надежный тыл для хазарского похода. За это время его дружина была пополнена новыми людьми, был заключен союзный договор с кочевниками-печенегами, подготовлены суда для перехода по Волге к Итилю, хазарской столице. Летописец так описывает молодого князя в этот период: «*Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус*[20]*, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, – такими же были и все остальные его воины, И посылал в иные земли со словами: „Хочу на вас идти“».*

Когда-то посланцы хазар потребовали дань у славян, и те дали им как дань свое оружие – мечи. Посоветовавшись, хазарские мудрецы сказали воинам: «Это плохая дань. Ибо мы взяли её саблями – оружием односторонним, а у славян мечи двусторонние. Придет время, и они будут брать с нас дань». В 965 году это пророчество сбылось. Святослав вел своих воинов не в набег, не в поход за добычей, он шел, чтобы начать войну на истребление и стереть Хазарию с политической карты мира. Святослав считал, что двух хозяев в Восточной Европе быть не должно, поэтому должен был выжить или хазарский каган, или русский князь. Вместе с русскими шли и их новые союзники – печенеги.

Как говорилось в одной телерекламе девяностых годов: «И был огонь, и была победа!». Победил Святослав. Удивительно, что этот поход и противостояние поистине эпического

[20] Леопард

масштаба в летописях были отражены крайне скупо. «*В год 6473 (965) пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов*». И больше ни слова. А ведь последствия победы были грандиозными: ушла в небытие средневековая сверхдержава, державшая в страхе окрестные народы. Кардинально изменился расклад сил в Восточной Европе и Средней Азии. Кроме того, после уничтожения иудейской верхушки каганата больше не было препятствий для распространения христианства в Северном Причерноморье.

Почему же так лаконична запись в летописи? Вероятно, для летописца, составлявшего Повесть спустя почти полтора века после Хазарского похода, эти события казались только прелюдией к дальнейшим войнам Святослава. Зато арабский географ Ибн Хаукаль в своих сочинениях подробно остановился на гибели Хазарии под ударом русов, хотя он нигде не назвал имени русского полководца. Вероятно из-за того, что Ибн Хаукаль не упоминает Святослава, мне пришлось как-то услышать в нашем краеведческом музее версию, будто Итиль был взят не Святославом, а какими-то бродячими шайками викингов. Хотя это смешно. Итиль, как и другие города Хазарии, несомненно, был взят именно дружиной Святослава. Причем взят так, что до сих пор археологи разыскивают место, на котором он стоял. После взятия хазарской столицы, которую, кстати говоря, защищал неназванный в летописи по имени каган, а не царь-иудей Иосиф, Святослав двинулся к среднему течению реки Терек, где его воины захватили и разграбили богатый торговый город Семендер, который по словам Ибн Хаукаля, славился своими виноградниками и многочисленностью жителей. Если верить арабскому писателю, число жителей этого города достигало сорока тысяч человек, что для средневековья было очень много. Однако особого сопротивления город не оказал, так как его жители предпочли заранее бежать к Дербенту. Затем, разгромив алан и черкесов (ясов и касогов), Святослав отправился через кубанские степи на Дон, где еще оставалась непокоренной хазарская крепость Саркел.

Как мы помним, политическая система Хазарии была такой: номинальный правитель каган-тюрок и реальный властитель бек-иудей. Каган защищал Итиль и, скорее всего, погиб под стенами своего города, а вот, что случилось с беком, неизвестно. Некоторые современные авторы пишут, что он со своими приближенными и наемниками бежал в Саркел, но это лишь предположение. Зато эта версия нравится авторам художественных книг. Как минимум, в двух романах приходилось читать, как отчаянно оборонялся в Саркеле царь Иосиф, а потом, чтобы не попасть в плен, спрыгнул с вершины башни. Есть даже картина Михаила Иванова, где изображен этот момент: черноволосый правитель стоит на стене между зубцов, а у его ног отбиваются от русских дружинников последние два защитника. Красивая картина, красивое описание, но это лишь художественный вымысел. Такой же, как и кочующее из книги в книгу описание битвы при Итиле, по которому хазары строятся по канонам арабского боевого искусства в четыре линии: утро псового лая, день помощи, вечер потрясения и резерв, а русские атакуют их пешим клином с конными союзниками-печенегами на флангах. Так действительно могло быть. Но могло быть и совершенно иначе. Нам не известен ход битвы, нам известен только её результат: безоговорочная победа русского оружия.

Среди прочих перед Святославом открыл свои ворота и стратегически важный город Таматарха на Таманском полуострове, переименованный русскими в Тмутаракань. Из всех захваченных городов только Тмутаракань и Саркел, переименованный в Белую Вежу, оставит князь Святослав под своим контролем. Вокруг них возникнут русские княжества – анклавы и форпосты Руси в великой степи. Сложно сказать, почему Святослав даже не попытался удержать устье Волги и остальные земли Хазарии. Скорее всего, он посчитал, что создание военной и торговой базы у развалин Итиля обойдется слишком дорого, ведь маленький русский гарнизон мог быть уничтожен окрестными кочевниками, а держать вда-

леке от Руси сильную армию было экономически невыгодно. Вопрос контроля над нижней Волгой мог бы быть решен путем переселения на эти земли большого количества выходцев из собственно русских областей на Днепре, но людей в Киевском княжестве было еще не настолько много, чтобы начинать колонизацию новых земель. К тому же, степи между Волгой и Днепром уже были заняты многочисленными и воинственными печенежскими родами.

После взятия Саркела дружина Святослава благополучно вернулась на Русь. Чтобы оценить грандиозность этого похода можете попытаться на http://maps.yandex.ru/ отложить путь, пройденный русским войском за время этой войны. У меня получилось, что, начиная с похода на Оку, княжеская дружина прошла больше пяти тысяч километров. Даже по нынешним меркам более чем солидное путешествие, а ведь это был не туристический маршрут, а путь, полный стычек и боев.

Тех, кто захочет более подробно узнать о Хазарии, её отношениях с Русью и уничтожении этого государства, отсылаю к работам Льва Гумилева. Например, можно почитать его книгу «Древняя Русь и Великая Степь». Только должен сразу предупредить, что версия истории Льва Николаевича красивая, но очень спорная. Слишком широкие он проводит аналогии, слишком свободен полет его мысли. Особенно, когда он говорит о событиях в промежутке от великого переселения народов до правления Святослава. Благо, что там простор для домыслов огромный. А уж описываемые им пассионарные толчки ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно. Остается верить или не верить. Читая его книги, понимаешь, что он слишком много унаследовал от своего отца-поэта. Уж очень поэтичны и пафосны гумилевские строчки.

Святослав. Скульптор Е. Лансере, 1886 г. Третьяковская галерея. фото автора

Некоторые любители Хазарии упрекают Святослава в том, что уничтожив каганат, он открыл доступ в причерноморские степи, а значит, к границам Руси, еще более диким кочевникам: печенегам и половцам. А хазары-де были культурным народом, и от общения с ними Русь выигрывала. Ну что же на это ответить? Во-первых, с печенегами русы столкнулись еще при отце Святослава, князе Игоре, а во-вторых, Хазария уже не контролировала свои степи,

и мадьяры и печенеги проходили сквозь владения кагана как нож сквозь масло. А о якобы высокой культуре Хазарии, которую стоило перенимать русским, говорить тяжело по причине отсутствия каких-либо следов этой самой культуры.

Но вернемся к Святославу. Вернувшись из Хазарии, он не собирался почивать на лаврах и уже в 966 году снова пошел с дружиной в земли вятичей. Двумя годами ранее, готовясь к большой войне против Хазарского каганата, он не стал озлоблять вятичей требованиями дани. Теперь же он решил наверстать упущенное и окончательно подчинить свободолюбивое племя Киеву. Вятичи попытались сопротивляться, но шансов справиться с княжеской дружиной у них не было. Так что пришлось им склониться перед силой и регулярно платить дань, хотя еще не раз они попробуют освободиться от киевской опеки. Окончательно вятичи покорятся центральной власти только к концу одиннадцатого века.

Едва покорив вятичей, Святослав уже ищет новую войну, в которую можно ввязаться. Вообще складывается такое впечатление, что ему буквально не сидится в стольном граде Киеве, и он ищет повод отправиться в новый поход. Возможно, это связано с тем, что хоть формально, он и стал князем, но до сих пор в Киеве гораздо большей властью пользуется его мать, княгиня Ольга. А двум медведям в одной берлоге не ужиться. Буйный и воинственный Святослав не мог быть в подчиненном положении, пусть даже и у собственной матери, а добровольно Ольга власть бы не уступила. Тем более, что за ней стояла влиятельная и многочисленная христианская община, да и прочие горожане скорее поддержали бы мудрую хозяйку Ольгу, а не скорого на расправу боевика Святослава.

За Ольгой стояло осторожное и не склонное к риску старшее поколение, а за её сыном – молодежь, искавшая славы, приключений и быстрого богатства. Первые хотели мира, вторые рвались на войну. Так что Святослав предпочел сбросить большинство «мирных», рутинных обязанностей правителя на свою мать, чтобы сосредоточиться полностью на войне.

Как известно, тот, кто ищет, всегда найдет. Вот и Святославу вскоре выпала возможность повоевать с размахом.

В Киев прибыл византийский патриций Калокир, хорошо знавший русов, их язык и обычаи, так как в свое время служил вместе с русскими наемниками на Крите и в Сирии. Прибыл он, разумеется, не с пустыми руками, а с солидным количеством золота для подарков княгине Ольге, князю Святославу и его окружению. Главной целью его миссии было отвести русскую угрозу от крымских владений империи, а легче всего это было сделать, заинтересовав Святослава другой целью. Такой целью стала Болгария, тем более, что она была врагом Византии. Поэтому, склонив русов к нападению на Болгарию, греки убили сразу двух зайцев: обезопасили Херсонес и заставили потенциальных врагов империи русов убивать реальных врагов империи болгар. Киевский князь согласился с радостью и повел свою дружину на Дунай. Константинопольский император Никифор Фока мог быть довольным: его посланник Калокир выполнил свою задачу. Теперь одни северные варвары будут убивать других, а византийцы смогут сосредоточиться на войне с арабами в Сирии. Весной 968 года княжеская дружина на ладьях приплыла в устье Дуная и обрушилась на болгар. Патриций Калокир участвовал в этом походе вместе со Святославом.

У Святослава в этом походе было около десяти тысяч своих пеших воинов, а также с ним в поход шла союзная печенежская кавалерия. Сравнительно небольшие силы русской армии объясняются тем, что у этого похода была локальная цель: захватить устье Дуная с городом Переяславец и укрепиться там. Потом, подтянув на этот плацдарм основные силы из Руси, можно было и развивать наступление, но болгары оказались слабым противником, и Святослав смог сразу оккупировал Болгарию вплоть до Филипполя (Пловдива). Болгарский царь Петр умер, и болгары, пусть и без особой охоты, но подчинились киевскому князю.

Когда-то римляне на своих дунайских границах построили сеть крепостей, потом эта земля стала болгарской и новые хозяева использовали доставшиеся им укрепления по назначению. Всего за несколько месяцев Святослав захватил 80 (восемьдесят!) таких крепостей.

Теперь Святослав контролировал основные торговые пути Восточной Европы: по Дунаю, Днепру, Дону. Не зря же он скажет своей матери: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Кроме того, Черное море все увереннее становилось русским, ведь теперь у нас были две морские базы: Тмутаркань на востоке, у Керченского пролива, и Преславец на западе, близ устья Дуная… Если бы ему удалось закрепиться на захваченных землях, то всемирная история пошла бы совсем другим путем.

Византийцы явно не рассчитывали, что Святослав так быстро и легко покорит Болгарию и окажется у границ империи. Такая ситуация была слишком опасна для Константинополя: вдруг Святослав решит повторить поход князя Олега на Царьград? Получалось, что самое сердце византийской империи оказалось под постоянной угрозой нападения. А тут еще и Калокир снова обратился к Святославу с очередным заманчивым предложением: «Императора Никифора в империи не особо любят, так почему бы его не сместить руками русской дружины? А на освободившийся трон посадить самого Калокира?» В качестве платы за такую услугу патриций обещал признать за Святославом все завоевания на Балканах и выплатить ему огромную сумму из константинопольской казны.

Этот план вполне мог быть реализован: действующего императора не любили, основные части императорской армии воевали в Сирии, а сами русы в этом случае рассматривались бы жителями уже не как завоеватели, а как наемники знатного византийца, одного из претендентов на трон. В таком случае и особо ожесточенного сопротивления им бы никто не оказывал.

Император Никифор Фока, то ли узнав о заговоре Калокира, то ли просто заранее решив подстраховаться, приказал укрепить Константинополь, установить на его стены катапульты, а вход в гавань перегородить цепью. Кроме того, он начал переговоры с болгарскими вельможами, недовольными Святославом, обещая им поддержку в борьбе с русами.

В этот же момент печенеги вторглись на Русь и осадили оставшийся без князя Киев. Действовали ли они по наущению византийцев или просто решили воспользоваться уходом княжеских дружин, неизвестно, но вполне возможно, что их набег был спровоцирован именно посланцами Константинополя.

Кстати, в это же время воины части печенежских родов были вместе со Святославом на Дунае. С ситуацией, когда часть степняков находятся в союзе с Русью, а часть воюет против неё, мы будем сталкиваться и в дальнейшем.

Осада Киева печенегами хорошо описана в летописях. *Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга со своими внуками – Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях, и стояли на том берегу, и нельзя было никому из них пробраться в Киев, ни из города к ним. И стали тужить люди в городе, и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, – сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?». Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего, И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл, Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать, На том берегу заметили*

это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенеги же решили, что пришел князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один к воеводе Претичу и спросил: «Кто это пришел?», А тот ответил ему: «Люди той стороны (Днепра)», Печенежский князь спросил: «А ты не князь ли?». Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?». Услышав это, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о перенесенном от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в степь, и наступил мир.

Интересно отметить, что юный киевлянин свободно проходит через печенежский лагерь, и никто не заподозрил в нем чужака. Объяснение этому может быть только одно: по внешнему виду печенеги не отличались от русских.

И еще одно интересное замечание летописца: «*Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев».* То есть, как минимум, часть русской дружины составляли всадники. Это первое упоминание о собственно русской кавалерии в летописи, ведь до этого наши предки передвигались на ладьях и сражались исключительно пешими.

Задерживаться долго в Киеве Святослав не планировал. Он собирался снять осаду с города, жестоко наказать печенегов за нападение и снова мчаться на Дунай. Но пока он устраивал в степи облавные охоты на печенегов, заболела его мать. Предчувствуя свою смерть, Ольга просила сына оставаться около неё, и он не мог ослушаться. Вскоре она преставилась, и Святослава ничего больше не удерживало на Руси. Раньше в его отсутствие страной управляла Ольга, теперь же он разделил Русь между тремя сыновьями. Ярополку достался в управление Киев, Олегу – древлянская земля, а Владимиру Новгород.

Князь Святослав. Мозаика в киевском метро. фото автора

За время отсутствия Святослава на Дунае произошли серьезные изменения. Из Константинополя, где он был в качестве пленника, вернулся сын покойного болгарского царя Петра Борис, который объявил себя самодержцем и поднял восстание против русских. Так как основные части русов ушли вместе со Святославом, восставшим удалось быстро захватить ключевые города страны. Узнав обо всех этих происшествиях, киевский князь осенью 969 года собрал многочисленную армию и двинулся в Болгарию. По данным византийского историка того времени Льва Диакона, он вел шестьдесят тысяч человек. Болгары смогли выставить вдвое меньше воинов. Под крепостью Доростол произошло ожесточенное сражение, в котором болгары были разгромлены. После этого, князь устроил кровавую бойню, уничтожая по всей стране восставших. Если верить Льву Диакону, то, взяв город Филипполь, Святослав приказал посадить на кол двадцать тысяч повстанцев. Даже если грек и преувеличил число казненных, то все равно картина получается жуткой, ведь не только там он казнил восставших. Устрашенный болгарский царь заключил вынужденный союз со Святославом, признав его своим господином.

В декабре 969 года в Византии произошел дворцовый переворот, в результате которого император Никифор Фома был убит, а на престол взошел Иоанн Цимисхий, решительный, жесткий и циничный полководец. Он не собирался терпеть русов у границ империи и сразу же начал готовиться к войне против Святослава. Понимая, что столкновение неизбежно, он сначала попытался убрать Святослава из Болгарии дипломатическим путем. Его посольство потребовало, чтобы русские ушли из завоеванных земель, взамен получив денежную компенсацию. В противном случае Цимисхий грозил русам войной. В ответ Святослав пообещал сам прийти со всей армией под Константинополь.

Следующей весной Святослав вторгся в Византию. Вместе с его дружиной в бой шли союзные болгарские, венгерские и печенежские отряды.

Византийская империя с военной точки зрения была серьезным противником. Она обладала многочисленной и хорошо вооруженной и подготовленной армией. Возможно, в то время это были самые лучшие вооруженные силы в мире. Император мог отправить в поход до 100 тысяч воинов, вооруженных, в том числе, и солидным парком различных метательных машин. Кроме того, Византия постоянно воевала, а значит, её полководцы и солдаты обладали превосходным практическим опытом. Сама армия делилась на регулярные и территориальные (фемы) части. Первые состояли из профессиональных воинов, живших за счет своей службы, вторые были укомплектованы призывниками-ополченцами из определенных административных единиц и, по сути, были хоть и боеспособными, но все же вспомогательными воинскими единицами. Кроме того, существовала еще и императорская гвардия, которая комплектовалась как гражданами империи, так и иностранными наемниками. Основной ударной силой была кавалерия и, прежде всего, тяжеловооруженные всадники – катафрактарии. Византийские катафрактарии были гораздо более дисциплинированы, чем европейские рыцари, организованы в постоянные части и даже имели элементы униформы: плащи и плюмажи на шлемах красились в определенные цвета, чтобы показать принадлежность воина к определенному подразделению. За свою службу катафрактарии получали от императора земельные наделы. Неплохой была и имперская пехота.

Враг был силен, но лучшие силы Византии воевали в Азии, и быстро перебросить их в Европу было практически невозможно, поэтому у Святослава было преимущество. Его закаленные в боях дружинники легко сметали с пути византийских ополченцев и быстро продвигались к Константинополю.

Пока император стягивал войска со всей империи к столице, опытный полководец Варда Склир должен был задержать продвижение русской армии. Он честно пытался выполнить свой долг, но это ему удавалось плохо. Проводники-болгары вели русские дружины по тайным тропам, поэтому воины Святослава каждый раз появлялись неожиданно для противника, а легкая печенежская кавалерия постоянно кружилась вокруг греческих отрядов, изматывая их и заранее обнаруживая все засады. Византийцы несли потери и вынуждены были отступать.

Наконец основные силы Варды и Святослава встретились у города Аркадиополь в 120 километрах от Константинополя. По данным византийского автора Льва Диакона, а он оставил самые подробные записи об этой войне, против Варды сражалась не вся русская армия, а лишь её часть, численностью в тридцать тысяч человек.

Вообще, большая часть знаний о войне Святослава против Византии базируется на описаниях двух греков, Иоанна Скилицы и Льва Диакона, а также русской Повести временных лет. При этом записи в нашей летописи скорее напоминают героическую былину, чем документальную хронику. Автор объединил в одной записи события, происходившие на протяжении двух лет и трех военных кампаний: завоевания Болгарии, похода русов против Византии и ответного похода греков против Святослава. Летописец не упоминает ни об одном поражении русов, зато описывает, как Святослав с десятью тысячами воинов разбивает стотысячную греческую армию и доходит практически до Константинополя. Там якобы разгромленные и испуганные греки откупились богатыми дарами, и Святослав вернулся в Болгарию. Скорее всего, летописец, живший в двенадцатом (!) веке, добросовестно записал устный рассказ о Святославе, ходивший в то время на Руси. Отсюда и некоторая размытость записи, и умолчание о целом ряде деталей. Есть, правда, и еще одна летопись, но о ней мы поговорим чуть позже.

Лев Диакон, бывший современником Святослава и, возможно, участником событий, оставил нам детальное описание войн императоров Никифора и Цимисхия, хотя, конечно, он стремился приукрасить своих соплеменников. Это нужно учитывать, особенно читая о гигантских потерях русов и малых потерях греков.

Иоанн Скилица, византийский сановник одиннадцатого века, писал, опираясь на различные, более ранние источники, благодаря чему упоминает о деталях, неизвестных ни Повести временных лет, ни Диакону, но зачастую он жертвует точностью описания ради эффектности. Например, чтобы показать доблесть греков, он на порядок увеличивает войско Святослава и пишет о трехстах тысячах вторгшихся в Грецию воинов.

Не желая рисковать, Варда Склир со своим отрядом сначала укрылся за стенами Аркадиополя, и несколько дней не выводил свои войска на бой. Он надеялся, что русы кинутся на штурм города, где понесут большие потери, но те разбили лагерь и стали выманивать греков на открытое пространство. Когда византийцы несколько дней не выходили из города и позволили воинам Святослава безнаказанно разграбить окрестности, русы перестали считать Варду опасным противником. Наши предки настолько поверили в трусость неприятеля, что утратили всякую осторожность, за что вскоре и поплатились.

Дождавшись подходящего момента, византийский полководец начал действовать. Ночью тайно он вывел из крепости часть своих воинов и спрятал их в засаде. Еще один конный отряд под руководством Иоанна Алакаса он послал совершить налет на русский лагерь, завязать бой, а потом притворным бегством заманить русских в засаду. Русское войско расположилось тремя различными лагерями: собственно русско-болгарским, венгерским и печенежским. Именно на последний, печенежский лагерь, и налетел Алакас. Нанеся первый удар, он развернулся и помчался обратно. Раззадоренные печенеги кинулись вдогонку. Чтобы их замысел не разгадали, византийцы отступали, держа строй, периодически разворачиваясь и вступая в бой. В результате печенеги, сходу влетели в засаду и оказались окруженными со всех сторон. Это был даже не бой, а избиение. Хоть печенеги и были хорошими воинами, жившими за счет военной добычи, но они были конными стрелками с легким вооружением. Поэтому вступать в бой с тяжеловооруженным противником для них было безумием. Их действия должны были укладываться в схему: «Укусил и убежал». Практически никто из этой засады вырваться не смог. Вот так из-за собственного азарта и недисциплинированности погибли печенеги.

Для Святослава это стало тяжелым ударом, ведь его победы были обусловлены грамотным взаимодействием легкой печенежской конницы и тяжелой русской пехоты. Теперь же в глубине чужой земли его дружина буквально осталась без глаз.

Пока греки добивали незадачливых печенегов, русское войско построилось и приготовилось к битве. Варда двинул свою фалангу вперед. Русские не стали дожидаться, и их кавалерия атаковала врага, но прорвать плотный греческий строй не удалось. Когда греки отразили первый конный удар, наша кавалерия отступила и укрылась среди пехоты. Теперь началось основное сражение. О его ожесточенности говорит тот факт, что греческий полководец сам был вынужден сражаться и даже зарубил одного из русов. Позже Скилица напишет, что почти все выжившие греки были ранены в том бою. Это был упорный и кровавый бой, исход которого долго не мог определиться. Да и чем закончился бой, мы сегодня не можем сказать. Оба греческих автора пишут о победе своих соплеменников, русская летопись пишет о нашей победе.

Давайте разберемся. С одной стороны, Святослав после этого боя повернул назад. Вроде победили византийцы, но русский князь по-прежнему обладает мощной армией, так что он явно не разгромлен. Кроме того, летописец пишет о богатой дани, взятой Святославом с греков. Так, может, он и победил? Да нет, до Константинополя всего три дня пути от поля боя, и если бы Святослав победил, то он обязательно подошел бы к имперской столице. Хотя бы для того, чтобы иметь лишний козырь при переговорах.

Скорее всего, битва закончилась ничьей. Ни одна сторона не смогла победить, но ни одна и не проиграла. Так что оба полководца имели право объявить о своей победе, действуя по логике: раз не проиграл, значит выиграл. Учитывая, что после этого сражения на какое-

то время война Святослава с Византией прекратилась, можно сделать вывод о заключении мира. И, скорее всего, летопись права: Святослав, действительно, получил денежную компенсацию от греков.

После битвы у Аркадиополя Святослав вернулся в Болгарию, а императору Иоанну Цимисхию пришлось срочно перебрасывать войска Варды Склира в Малую Азию, где против него вспыхнуло восстание. Но было понятно, что такое положение дел не удовлетворяло ни одну сторону. В летописи Святославу приписаны такие слова: «Пойду на Русь, приведу еще дружины», так что, скорее всего, князь-полководец собирался воспользоваться временем перемирия, чтобы пополнить поредевшую дружину. Цимисхий тоже стремился усилить свою армию. Кстати, сложившуюся ситуацию миром можно было назвать весьма условно, так как по словам Льва Диакона, как только армия Варды ушла, отряды русов начали устраивать набеги на византийскую провинцию Македонию. И, судя по жалобам грека на разорение и опустошение провинции, наши молодцы изрядно там набедокурили.

К ноябрю 970 года мятеж в Малой Азии был подавлен, и в европейскую часть империи вернулись войска Варды. Всю зиму в Константинополе шли приготовления к новой войне. Не надеясь на уже имеющиеся войска, греки собрали новую армию. Из дальних гарнизонов вызывались отряды, вербовались наемники, призывались ополченцы. Император лично следил за набором и обучением новобранцев, кроме того, по его приказу из числа лучших воинов империи был сформирован особый отряд, бойцы которого получили название бессмертных. Эти воины стали личной гвардией Цимисхия. Одновременно со всего Средиземноморья к столице стягивались боевые корабли и транспорт, благодаря чему к весне в Черном море был сосредоточен мощный флот в три сотни кораблей. В общем, император позаботился обо всем необходимом, чтобы его войско не имело ни в чем недостатка.

Вообще, в лице нового византийского императора у Святослава появился серьезный соперник. Иоанн Цимисхий, проведший всю жизнь в непрерывных войнах, не уступал русскому князю ни в боевом опыте, ни в храбрости. Лев Диакон оставил подробное описание этого правителя. Несмотря на низкий рост, новый император отличался огромной силой и ловкостью. Он мог в одиночку напасть на вражеский отряд и, убив нескольких врагов, невредимым вернуться к своему войску. О его силе говорит такой факт: он выстраивал в ряд четырех скакунов, а затем перепрыгивал трех из них и садился на последнего. Кроме того, император мастерски метал дротики и прекрасно держался в седле. Для своих соратников он не жалел золота и своей щедростью привлекал многих на свою сторону. Правда, был у Цимисхия и недостаток, о котором Диакон не смог умолчать, скромненько отметив: «*Недостаток Иоанна состоял в том, что он сверх меры напивался на пирах и был жаден к телесным наслаждениям*». Проще говоря, пил Иоанн по-черному и до женщин был охоч сверх меры. Умный и амбициозный, расчетливый и одновременно циничный император не умел проигрывать. Русам предстояло тяжелое испытание.

Как только позволила погода, греки возобновили войну. В апреле 971 года Иоанн Цимисхий повел свое войско в поход в Болгарию, где зимовали русские. Одновременно греческий флот отправился блокировать устье Дуная.

Император с лучшими воинами сходу захватил горные перевалы, отделяющие Болгарию от Фракии. Это было рискованное решение, ведь если бы наши предки успели отреагировать, то в узких горных проходах они могли уничтожить лучшие греческие силы по частям. Многие греческие полководцы не желали рисковать, но император лично повел своих «бессмертных» и еще 15 тысяч пеших воинов и тринадцать тысяч всадников вперед. Остальное войско, отягощенное обозом с припасами, медленно двигалось следом. К удивлению греков, горные перевалы не охранялись, и их войска беспрепятственно прошли через опасные места.

Кстати, в этой войне печенеги уже не были союзниками Святослава. Почему так случилось, неизвестно. Может, их перекупили греки, может, они не простили ему неудачи под

Аркадиополем, где в греческой засаде погибли их братья. Как бы там ни было, в 971 году у русов практически не было кавалерии. Поэтому наша тяжелая пехота, бывшая основным родом войск, осталась без кавалерийского прикрытия и была очень уязвима.

12 апреля 971 года греки подошли к болгарской столице, городу Преславу, где был крупный русский гарнизон во главе с воеводой Сфенкелом. Некоторые считают, что этим именем греки называли Свенельда, но это только предположение. Тут же жили признавший русскую власть болгарский царь Борис и патриций Калокир, спровоцировавший поход русов на Дунай. Основная русская армия во главе со Святославом в это время располагалась у города Доростол на Дунае.

Увидев греков, русы по версии Льва Диакона, вышли в поле и первыми атаковали врага. По версии Скилицы, первыми напали греки, причем напали неожиданно на русов, которые занимались военными упражнениями (т.е. тренировкой) в поле. Как бы там ни было, началось сражение, в котором русские храбро сражались, но греческая тяжелая кавалерия стремительной атакой смяла наш левый фланг. Сражение было проиграно, и остатки русской армии отошли за крепостные стены Преслава.

Ночью Калокир бежал из осажденного города, а утром греки пошли на приступ. Русы, прячась за зубцами стен, встретили их камнями, дротиками и стрелами. Византийцы в ответ стреляли из камнеметов и луков, не давая защитникам выглянуть. По десяткам штурмовых лестниц греки устремились на стены и вскоре ворвались в город. Несомненно, русские дружинники дорого продавали свои жизни, но греков было больше. Намного больше… В конце концов на стенах не осталось живых руссов, и греки открыли крепостные ворота. Сметая все на своем пути, византийская армия ворвалась в город и принялась его грабить, из-за чего уцелевшие русские и сочувствовавшие им болгары успели перегруппироваться и запереться в хорошо укрепленном дворцовом комплексе. Один из входов они оставили открытым, и когда туда заходили греки, их убивали. Так погибло несколько сот греческих воинов. Узнав об этом, Цимисхий бросил в атаку свою гвардию, но в узких воротах византийцы были лишены своего главного козыря – численного преимущества. Воодушевленные победой на стенах, гвардейцы яростно кидались в атаку, но каждый раз откатывались, оставляя убитых. Такой отпор стал холодным душем для греков. В конце концов, византийцы подожгли дворец, и русам ничего не оставалась, как выйти из пылающего здания и атаковать греков. Шансов уцелеть у русских воинов было немного, но, очевидно, враги не ожидали такого яростного натиска. Всем на удивление, части русов во главе со Сфенкелом удалось прорубиться сквозь вражеские ряды и вырваться из города.

В Преславе вместе с женой и двумя малолетними детьми был схвачен греками царь Борис. Цимисхий формально признал его правителем Болгарии, но держал в качестве почетного пленника.

Оставив в городе гарнизон, Цимисхий двинулся к Доростолу, городу на Дунае, где его уже ждал Святослав с шестьюдесятью тысячами своих воинов. У стен этого города должна была решиться судьба Византии и Руси. По пути греки разграбили часть городов, а часть добровольно признала имперскую власть.

В сражении за Преславу болгары сражались на стороне русов, и Лев Диакон отметил, что множество из них погибло. Но, очевидно, была среди болгар и сильная прогреческая партия. Эти люди могли нанести удар в спину русам, поэтому Святослав казнил около трех сотен знатных болгар. Он не мучился вопросом, виноваты они или нет. Они могли предать, поэтому их стоило казнить. Жестоко? Да, но Святослав вообще кротостью не отличался, и чем хуже шли его дела, тем легче и обильнее он лил кровь. Диакон так описал этот момент: «*Он созвал около трехсот наиболее родовитых и влиятельных из их числа и с бесчеловечной дикостью расправился с ними – всех их он обезглавил, а многих других заключил в оковы и бросил в тюрьму. Затем, собрав все войско, – около шестидесяти тысяч, он выступил про-*

тив ромеев». Обратим внимание, Святослав **созвал** болгарскую знать. На пир или на совет звал своих жертв князь, грек не уточняет, но болгары ничего не подозревали и пришли… Так что приписывая киевскому князю исключительное благородство, отечественные неоязычники немного лукавят.

Впрочем, и Цимисхий ничего предосудительного в кровавых расправах не видел. Так, по его приказу были изрублены на куски русские пленные, захваченные по пути к Доростолу.

Наконец два правителя-полководца встретились у Доростола. Греков было больше, их армия лучше снабжалась продовольствием и военными припасами. Кроме того, в море был их флот, способный перебрасывать свежие подкрепления. Византийцы могли забирать раненых и лечить их вдали от опасности. Святослав же опирался на мощные стены Доростола, за которыми он был в относительной безопасности, но его запас продовольствия был ограничен, поэтому он не мог запереться в городе и сидеть в осаде длительное время. Кроме того, русский князь был лишен возможности пополнять свою армию. Да и не в его духе была оборона, так что он тоже стремился решить исход противостояния в открытом сражении.

Греки первым делом позаботились о своей безопасности и сразу же разбили хорошо укрепленный рвами и валами с частоколом лагерь. Между этим лагерем и городом было поле, на котором 23 апреля 971 года состоялся первый бой основных армий Руси и Византии.

Выйдя из города, воины Святослава построились в глубокую фалангу и двинулись на врага. Греки свою армию выстроили так: в центре была тяжелая пехота, на флангах кавалерия, а легкая пехота (лучники, пращники, метатели дротиков) шла впереди основных сил.

Тут, наверное, снова стоит привести обширное описание из книги Льва Диакона: «*На следующий день тавроскифы вышли из города и построились на равнине, защищенные кольчугами и доходившими до самых ног щитами. Вышли из лагеря и ромеи, также надежно прикрытые доспехами. Обе стороны храбро сражались, попеременно тесня друг друга, и было неясно, кто победит. Но вот один из воинов, вырвавшись из фаланги ромеев, сразил Сфенкела, (почитавшегося у тавроскифов третьим после Сфендослава*[21]*), доблестного, огромного ростом мужа, отважно сражавшегося в этом бою. Пораженные его гибелью, тавроскифы стали шаг за шагом отступать с равнины, устремляясь к городу. Тогда и Феодор, прозванный Лалаконом, муж непобедимый, устрашающий отвагой и телесной мощью, убил железной булавой множество врагов. Сила его руки была так велика, что удар булавы расплющивал не только шлем, но и покрытую шлемом голову. Таким образом, скифы, показав спину, укрылись в городе. Император же велел трубить сбор, созвал ромеев в лагерь и, увеселяя их подарками и пирами, побуждал храбро сражаться в предстоящих битвах*».

Так началась трехмесячная кровавая Доростольская эпопея. Русы периодически выходили на поле, атаковали греков, храбро сражались, а затем, устав, отходили в город. Византийцы даже не пытались штурмовать крепость, предпочитая обстреливать её из камнеметов. Обе армии в этих боях медленно перемалывали друг друга, неся большие потери, но ни на шаг не приближаясь к победе.

Правда, дважды русам удавалось нанести грекам болезненные удары, одержав тактические победы. Первый раз русские дружинники устроили вылазку и сожгли надоевшие им осадные машины врага. При этом они умудрились не только сжечь камнеметы и разогнать их обслугу, но заодно и зарубить императорского родственника магистра Иоанна Куркуаса, отвечавшего за инженерные машины в византийском лагере. Причем, погиб этот военачальник не в честном бою, а, скорее, курьезно. В момент нападения он был пьян и просто свалился с седла под ноги русам. Те, недолго думая, изрубили грека на кусочки, насадили его голову на копье, водрузили ее на башне и стали потешаться над врагами, крича, что они закололи императора, как жертвенного барана. Императором они его посчитали потому, что

[21] Так грек называет Святослава

на нем было нацеплено множество украшений, и даже сбруя коня была покрыта золотом. Естественно, что когда это ослепительно разряженное чудо налетело на русов, те церемониться не стали.

После того, как в Дунай вошли византийские корабли с «греческим огнем», русы вытащили на берег свои ладьи, и реку отныне полностью контролировали греки. Как только в городе стали подходить к концу запасы продовольствия, русы выбрали ночку потемнее и под самым носом у греческого флота, спустив на воду ладьи, отправились поискать по окрестностям, чего бы можно позаимствовать съестного. Византийцы эту вылазку не заметили, и наши благополучно набрали припасов, сколько смогли найти. Уже возвращаясь, русы заметили на берегу греческий обоз. Обозники, ничего не подозревая, поили лошадей, запасали дрова, в общем, занимались совершенно мирным трудом. Наши тихонько высадились на берег, обошли византийцев с тыла и показали им, где раки зимуют. Затем, погрузив все, что можно было забрать у перебитых обозников, на ладьи, дружинники благополучно вернулись в Доростол.

Утром в императорском шатре ничего не знавших о случившемся византийских моряков ждала настоящая буря. Цимисхий в выражениях не стеснялся и костерил своих адмиралов до хрипа. Напоследок он пообещал флотоводцам устроить знакомство с палачом, если хоть одна русская лодка покажется на воде. Думаю, он был весьма убедителен, так как после этого разноса моряки стали выполнять свои обязанности с завидным рвением.

Тем временем осада тянулась своим чередом. Византийцы плотно обложили город и ждали, пока голод ослабит русов, а те ежедневно делали небольшие вылазки, вырезая греческие аванпосты. Если бы Цимисхий был просто полководцем, то он мог бы как угодно долго осаждать Доростол, но он был еще и правителем огромной и неспокойной страны. Длительное отсутствие императора в столице уже привело к одному мятежу, правда, быстро подавленному, так что Иоанн должен был параллельно с ведением войны заниматься и прочими государственными делами. А каждый лишний день, проведенный в чужой стране, ослаблял его позиции дома, в Константинополе. Так что, раз не получалось уничтожить всех русов, то он решил нанести удар Святославу.

Иоанн Цимисхий послал князю вызов на личный поединок, чтобы хоть так решить исход войны. Мы никогда не узнаем, собирался ли император честно биться на мечах или задумал какую-то ловушку. И тот, и другой варианты одинаково возможны, ведь он был не только хорошим воином, не раз лично убивавшим своих противников, но и циничным и коварным политиком, не брезговавшим никакими средствами для достижения цели.

Святослав предложение отклонил, заметив, что сам знает, что делать и в подсказках не нуждается, а «если император не желает больше жить, то есть десятки тысяч других путей к смерти; пусть он изберёт, какой захочет».

Но вечно отсиживаться в крепости было нельзя, и 20 июля Святослав вывел свою армию из города для большой битвы. Построившись, русы первыми атаковали греков. Интересно, как, описывая это сражение, Лев Диакон пишет, что в этот день русскую армию «ободрял и побуждал к битве некий знаменитый среди скифов муж, по имени Икмор, который после гибели Сфангела пользовался у них наивеличайшим почетом и был уважаем всеми за одну свою доблесть, а не за знатность единокровных сородичей или в силу благорасположения». Из этих строчек можно сделать вывод, что нашу армию в бой вел не Святослав, а богатырь Икмор, даже не упомянутый в русских летописях. Странно, если действительно так было, то чем это вызвано? Святослав поручил командование соратнику? Или Икмор лишь шел на острие русского удара, ведя за собой дружинников, а Святослав командовал всей армией? Этого мы уже не узнаем.

Как бы там ни было, но один из телохранителей императора по имени Анемас сумел зарубить Икмора. Диакон описал роковой для русского богатыря удар: «Анемас… ударив его

мечом в левое плечо повыше ключицы, перерубил шею, так что отрубленная голова вместе с правой рукой упала на землю». После гибели Икмора русы дрогнули и начали отступать. Вскоре отступление превратилось в бегство. Сражение было явно проиграно, греки преследовали Святослава до крепостных стен, но в город ворваться не смогли.

Вряд ли для византийцев это была легкая победа. Ведь если в бою участвовал императорский телохранитель, то русы, видать, прорвались почти к самому Цимисхию. Еще одно интересное свидетельство о том дне оставил нам Скилица. Снимая после боя доспехи с убитых русов, греки с удивлением обнаружили среди погибших женщин, которые сражались вместе с мужчинами. Это воистину бесценное свидетельство, так как об этих русских амазонках не сохранилось практически никаких исторических сведений. Зато во многих былинах встречаются нам образы богатырш-поляниц, предпочитавших оружие и войну прялке и прочим мирным женским занятиям. Если бы не пара строчек в греческой книге, так и гадали бы мы, были ли на Руси женщины-воины или это только легенды. Теперь знаем – действительно были.

Пока греки праздновали победу и обирали павших на поле боя, в Доростоле Святослав с приближенными мучительно искал выход из сложившейся ситуации. Перспективы у русского войска были нерадостные: дружина понесла страшные потери и восполнить их нельзя, припасы кончаются, и пополнить их негде, помощь не придет…

Можно попытаться представить себе этот совет. В коптящем свете факелов они спорили хриплыми голосами. Звучали, обсуждались и отвергались разные предложения: биться до конца, договориться, тайно сбежать… Но за Святославом было последнее слово. Это была тяжелая ночь для русского князя. Наверняка, поутру прибавилось морщин на его лбу да появилась седина в чубе. Что он должен был сделать? Рискнуть всем и еще раз попытаться лихим отчаянным ударом переломить ход судьбы и снова выиграть? Кинуться сломя голову в последнюю атаку в надежде сокрушить и разгромить имперскую армию или погибнуть с честью? А, может, начать переговоры? Византийцы ведь тоже устали, да и русские мечи собрали богатую жатву среди воинов императора? Цимисхий будет сговорчивым.

Большинство дружинников хотели мира, но Святослав решает рискнуть и начать новую битву. Что же, мертвые сраму не имут… И дружина пойдет за своим предводителем в новый бой. Но сначала нужно было почтить своих павших и достойно проводить их в вечность.

Когда наступила ночь, русы вышли на равнину и начали подбирать своих погибших. Павших они сложили у крепостной стены, затем разложили гигантские костры, на которых и сожгли тела. Но перед этим над погребальными кострами русы принесли богам обильные человеческие жертвы[22]. Грекам, которые наблюдали со стороны за этим действом, эта ночь, наверняка, запомнилась до конца жизни. Ревущее в темноте пламя костров, полные ужаса крики убиваемых пленных и неизвестность. Что дальше ждать от русов? Может, они снова пойдут в бой? Так что не спалось византийцам, и взглядами, полными тревоги и тоски, они следили за войском Святослава.

Через день русы вышли из крепости для последнего боя. Когда вся русская армия вышла в поле, Святослав приказал запереть городские ворота Доростола, чтобы никто и не думал спасаться бегством. Построившись в плотные шеренги, прикрывшись щитами и выставив копья, русы атаковали. Каждый знал, что сегодня решается его судьба, поэтому дрался на пределе сил. Началась битва, которая шла сперва на равных, но затем греки стали отступать. Видя это, Цимисхий со своими «бессмертными» лично бросился в бой и спас

[22] Лев Диакон записал: «И вот, когда наступила ночь, и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили [несколько] грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра». Истр – это Дунай. – прим. С.Б.

положение. Снова русы и византийцы дрались, не уступая друг другу. Уже знакомый нам критянин Анемас, убивший накануне Икмора, сумел сойтись в поединке с самим Святославом, но в этот раз удача оставила его. Он сумел нанести князю удар такой силы, мечом по ключице, что тот упал с коня на землю, но его спасли от смерти кольчужная рубаха и щит. На Анемаса тут же бросились русские дружинники, которые сначала убили его коня, а потом подняли на копья и самого грека. Так погиб «бессмертный», которого, по словам Льва Диакона, «никто из сверстников не мог превзойти воинскими подвигами». Учитывая силу византийца, Святослав в этом поединке, скорее всего, был ранен[23]. Если кольчуга и не разорвалась под лезвием меча, то такой удар вполне мог переломать князю кости.

Тем временем битва продолжалась. Видя, что в лобовом столкновении победы достичь не удастся, Цимисхий приказал своим войскам начать медленно отступать, чтобы русские отошли подальше от города. А затем отдельный отряд конницы под командованием Варды Склира должен был обойти поле боя и ударить в тыл русам. Этот план удался, но русы продолжали отчаянно сопротивляться, даже сражаясь на два фронта.

В этой битве наши предки по праву заслужили славу лучших воинов мира. Вдумайтесь: пешие русы выдерживали таранный удар тяжелой кавалерии! Ничего подобного история Европы не знала еще многие века. Даже после появления огнестрельного оружия панцирная кавалерия будет играючи громить пешие отряды. Лишь в пятнадцатом веке швейцарцы научатся сопротивляться рыцарской кавалерии, для чего им придется создать глубокие построения пехоты, вооруженной многометровыми пиками. У дружинников Святослава копья были короче, и они не могли подобно швейцарцам создать непроходимый частокол из лезвий. Но ведь дрались же наши с тяжелой кавалерией, и еще как дрались! Периодически отбрасывая её. Чтобы нагляднее представить, что должны были чувствовать дружинники, выйдете на дорогу и попытайтесь плечом остановить летящий на вас мотоцикл. Скорость и вес мотоцикла и боевого коня, конечно, не равны, но впечатление будет похожее. Добавьте, что вы практически не можете увернуться, так как сбоку вы зажаты другими воинами… Захотелось убежать? А предки не бежали! Точнее, бежали, но только вперед! Весь день русские атаковали превосходящего по силе врага. Вот в очередной раз они опрокинули греков, и снова Цимисхию пришлось лично останавливать бегство своих солдат. Казалось, еще чуть-чуть, и победа снова улыбнется русским воинам. Но тут произошло нечто, что в корне изменило ситуацию.

Внезапно разразилась буря, которая ударила в лицо русам, ослепляя их градом и поднятой пылью. А перед строем греков вдруг из ниоткуда возник воин на белом коне. Став перед войском, этот незнакомец поскакал в атаку на русов и, по словам Диакона, чудодейственно рассекал и расстраивал их ряды. Греки, воспрянув духом и почувствовав прилив сил, кинулись следом за этим нежданным героем. И русское войско, словно вмиг утратило победный дух, дрогнуло и побежало. Победа византийцев была полной. Святослав с остатками дружины с трудом пробился обратно в Доростол. Если верить Льву Диакону, то сам Святослав, израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен.

Что же касается «светлого» воина, то никто не видал этого всадника в греческом лагере до битвы, никто не видел его после сражения, хотя император и разыскивал его, чтобы достойно одарить и отблагодарить за то, что он свершил. После греки стали говорить, что в этот бой их вел святой Федор Стратилат, которому перед битвой молился император.

Это было одно из немногих неоспоримых, виденных тысячами глаз чудес. Кто еще назовет пример такого явного прорыва из тонкого мира в наш, материальный? Словно вернулись времена Троянской войны, когда боги бились среди смертных.

[23] Хотя об этом ни Диакон, ни Скилица не упоминают.

Современный автор-неоязычник Лев Прозоров, в своей посвященной Святославу книге написал так[24]: «*Помните загадочного всадника на белом коне, явившегося в буре и грозе и обрушившегося на полки русов под Доростолом? Ромеи увидели в нем Федора Стратилата. А кого могли увидеть в нем русы? Кто он, Воин на белом коне, скачущий впереди бури? Уж не сам ли Метатель Молний? В скандинавском эпосе есть немало примеров тому, как Бог – покровитель героя, с оружием в руках встает против него в сражении. И это означает одно – срок, отведенный Пряхой земной жизни героя, окончен. Валгалла, Покой Павших, ждет его. Есть схожий сюжет и в русском эпосе, в сюжете с выразительным названием „Отчего перевелись богатыри на Руси“. После страшной, но победоносной битвы с врагами молодые богатыри начинают хвастать, что способны одолеть даже небесную силу. И небесное воинство принимает вызов. Бессильные против воителей небес, богатыри скрываются в пещерах, окаменевают, уходят в монахи – проще говоря, уходят в другой мир. Так не было ли и здесь того же? Может, оттого и идет Святослав в ловушку столь хладнокровно и бесстрастно, что знает – его срок настал? Говорят, герои былых времен знали свою судьбу. Может быть, Святослав уже увидел приближение времени в глазах Всадника под стенами Доростола».*

А вот, как один из современных мистиков[25] объясняет чудесное появление небесного воина: «*Битва, произошедшая в Болгарии, заслуживает определенного внимания. То, что наблюдали солдаты во время боя, историки связывают с помощью всадника, появившегося из «ниоткуда» и повлиявшего на ход событий.*

Действительно, звучали молитвы о помощи, и были они настолько сильны, что концентрированная общая мысль позволила притянуть из пространства светлый вихрь, вобравший в себя сильную энергию. Эта мысль, направленная к Господу, породила как бы своеобразную воронку, втянувшую в себя необходимые энергии. Господь смилостивился над солдатами, послав в эту воронку благодатный луч. В результате был сформирован своеобразный вихревой поток, материализовавший этого воина.

Был ли это Федор Стратилат, как считают некоторые? Нет, такого ответа дать нельзя, ибо этот воин вместил в себя качества не одного человека. Он был соткан из света, но на время обрел видимость плоти. Главная его заслуга заключалась в том, что он создал поле, в котором воины обретали силу. Он заряжал их своей энергией, позволяющей утраивать, удесятерять их силы.

Поражал ли он противника сам? Здесь нет однозначного ответа, ибо основной его задачей было создание мощного энергетического поля, умножающего энергию солдат. Эффект его личного участия в бою создавался за счет некоторой иллюзии, эйфории участников сражения. Они видели несущегося на лошади человека, обладающего недюжинной силой – и укреплялись сами, что дало им возможность выиграть битву.

Почему помощь пришла именно к ним, а не к противоположной стороне, т.е. к русским? Потому что они смогли создать необходимое молитвенное поле, сила которого достигла критической отметки для достижения указанного эффекта.

Во время Великой Отечественной войны русские воины сталкивались неоднократно с подобными явлениями, только господствующая идеология не позволяла их обнародовать. Однако единичные случаи явления Богородицы и святых на поле боя все же зафиксированы. Сила мысли человека позволяет притянуть те светлые энергии, которые обеспечат необходимый эффект – разумеется, если это не идет вразрез с Божьим замыслом и заповедями. В противном случае помощь может идти из темных слоев».

[24] http://www.arya.ru/biblio/ozar/svyatoslav/15.htm

[25] http://www.liveinternet.ru/users/1590566/post114188433/

Как бы там ни было, византийцев в бою спасло чудо. А на следующий день к ним явились послы от Святослава с предложениями мира. Русские соглашались отпустить пленных и покинуть Болгарию, если греки снабдят их продовольствием и не нападут на них в море. Кроме того, киевский князь обещал быть другом греков и в дальнейшем соблюдать мир между странами. С заключением мира восстанавливались торговые отношения на довоенных условиях.

Греки, естественно, согласились. После этого состоялась единственная мирная встреча русского князя и византийского императора. Иоанн в роскошных позолоченных доспехах в окружении пышной свиты подъехал верхом к условленному месту на берегу Дуная. Вскоре к берегу подошла ладья, на которой среди гребцов был и Святослав. Этот момент любят изображать художники, хотя у них обычно Святослав сидит в какой-то крохотной, чуть ли не рыбачьей лодочке. На самом деле это была боевая ладья с полусотней отборных воинов на борту, ведь он не на дружеский пикник ехал, но не это главное. Византийцев поразило, что великий полководец абсолютно не отличался одеждой от простых воинов и греб наравне со всеми, да и весь облик князя для них был диким. При этой встрече было составлено единственное дошедшее до нас описание русского князя.

Встреча Святослава с византийским императором Цимисхием на берегу Дуная. Художник К. Лебедев

Опять же спасибо Льву Диакону. «*Умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми, бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одеяние его было белым и отличалось от одежды, его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал*».

Бритую голову Святослава греки особо отметили неспроста, ведь у них самих свободные люди остригали волосы только при трауре, а византийские мужчины (кроме моряков) не носили серьги.

Итак, мир был заключен на весьма почетных условиях. Русы увозили с собой всю добычу, да еще получили примерно по двадцать килограммов зерна на человека. До Белобережья (берег Черного моря между Днестром и Днепром, или современный остров Березань) русская армия дошла (доплыла) без приключений. А дальше начинается что-то непонятное. Вместо того, чтобы подняться по Днепру до Киева, Святослав остается зимовать на берегу Черного моря. Официальная версия истории говорит, что он не решился подниматься к своей столице, так как на днепровских порогах его ждали печенеги. Он-де опасался их нападения и поэтому решил переждать, пока они уйдут. Да, печенеги были в состоянии войны со Святославом, но не думаю, что из-за них князь отказался идти в Киев. Вместе со Святославом из Доростола вышло двадцать две тысячи воинов. По крайней мере, именно на такое количество бойцов греки выдали продовольствие. Многие из них были ранены и ослаблены, но за время похода к Днепру раненых вполне можно было вылечить, а отощавших откормить. Пусть часть раненых умерла, но все равно под княжеским стягом должно было остаться тысяч двадцать закаленных ветеранов. В нашей летописи, правда, есть момент, описывающий, как князь обманул греков при получении дани, вдвое завысив численность своей дружины. Святослав, согласно Повести временных лет, взял дань для двадцати тысяч человек, когда их было десять. Но относится этот эпизод к началу войны. Да и греки, наверное, сумели бы заметить такую разницу между заявленной численностью русов и реальной. Ну да ладно, пусть будет десять тысяч человек. Чтобы понять, что означает эта цифра, нужно вспомнить, что даже спустя пару веков армия английского короля редко насчитывала более десяти тысяч человек, а в Столетнюю войну (а это уже 14 век) действующие армии и Франции и Англии редко превышали пять-шесть тысяч человек. Так что, несмотря на все потери армия Святослава по средневековым меркам была очень сильной. Тем более, что у всех его воинов должны были быть прекрасные доспехи и оружие. Русы прошли бы как нож сквозь масло, тем более, что бой мог быть только в одном месте – у порогов. Часть воинов перетаскивала бы ладьи, а вторая просто прикрывала бы их непреодолимой стеной щитов. Легкая печенежская кавалерия была бы тут бессильна. Максимум, обстреляла бы русскую армию из луков, но и дружинники стреляли не хуже степняков. Перейдя по суше пороги,

войско снова село бы на ладьи и на центре Днепра стало недоступным для печенегов. Кроме того, можно было идти не по Днепру, а обойти опасное место степью через земли тиверцев в долине Буга. Именно так пойдет в Киев Свенельд со своими дружинниками и дойдет без потерь. Так что не печенеги (или, по крайней мере, не только они) заставили Святослава отказаться от возвращения в Киев. Почему же Святослав в свою последнюю зиму ведет себя словно затравленный зверь?

Возможно, Святослав имел основания рассчитывать в Киеве на весьма холодную встречу. Ведь отношение киевлян к своему князю было двойственным: с одной стороны, конечно, хорошо иметь такого защитника, а с другой, и обязанности он свои не особо ревностно выполняет, и буйным нравом отличается, и киевлян ни во что не ставит. Так что многим киевлянам, которые знали слишком хорошо, что от него можно ждать, князь был не по нутру. Тем более сейчас, когда по вине Святослава погибли тысячи молодых русичей, и их родители вполне могли спросить у князя ответа. Ведь в своих походах Святослав загубил целое поколение славян. Как Наполеон французов. Начиная Доростольскую эпопею, князь имел под началом шестьдесят тысяч человек, а вернулся лишь с третью от этого числа. Была и еще одна причина: в Киеве уже была мощная православная община, созданная его матерью. Святослав же после своего поражения буквально обезумел в религиозном вопросе. Он впал в языческий фанатизм и начал обвинять в своём поражении христиан. И раньше князь милосердием не отличался, но после разгрома армии и собственного ранения он стал по-настоящему кровожаден.

Как бы там ни было, Святослав решает зимовать с армией в лагере на Белобережье. Все бы хорошо, но вскоре русское войско съело выданные византийцами припасы хлеба, и начался голод. «И был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову», – пишет летописец. Правда, совершенно непонятно, кому платили. То ли русы покупали мясо у местного населения (славян и тех же печенегов), то ли у собственных товарищей, которые вели с собой коней из самой Болгарии.

Во время этой зимовки в русском лагере произошли странные и страшные события. Повесть временных лет коротко сообщает, что воевода Свенельд оставил своего князя и на конях отправился в Киев. Причины такого поведения старого воина, начавшего службу еще при князе Игоре, из летописи непонятны. Как непонятно и то, сколько воинов пошло с ним, а сколько осталось со Святославом. Ответ на эти вопросы находится в Иоакимовской летописи.

Тут нужно сделать небольшое отступление и сказать пару слов об этом документе. Свое название летопись получила по имени её предполагаемого автора – первого новгородского епископа Иоакима, скончавшегося в 1030 году. В её тексте речь шла об истории Руси с седой старины и до крещения Новгорода. Так как автор летописи жил в Новгороде, то и в его описании более полно дана история Северной Руси, в том числе, и её период до Рюрика, чем у киевской Повести временных лет. Кроме того, в Иоакимовской летописи есть моменты, по каким-то причинам пропущенные или просто неизвестные автору Повести. До нашего времени сама летопись не сохранилась, и мы с её содержанием знакомы только по выпискам, сделанным с её поздней копии историком восемнадцатого века Татищевым. Древнего оригинала этой летописи никто не видел, поэтому некоторые историки считают записи Иоакимовской летописи малодостоверными, а представленный Татищевым документ мистификацией. Хотя, учитывая сколько старинных документов погибло в огне во время войн или сгнили в заброшенных монастырях, пропажа оригинала летописи не удивительна. Кто может сказать, сколько мы потеряли бесценных книг в сгоревшей Москве в 1812 году, не говоря уже о библиотеке Иоанна Грозного, сгинувшей в годы первой Смуты?

Итак, слово Татищеву[26]: «*Тогда диавол возмутил сердца вельмож нечестивых, начал клеветать на христиан, бывших в войске, якобы это падение войск приключилось от прогневания лжебогов их христианами. Он же настолько рассвирепел, что и единственного брата своего Глеба не пощадил, но разными муками томя убивал. Они же с радостию на мучение шли, а веру Христову отвергнуть и идолам поклониться не хотели, с веселием венец мучения принимали. Князь же, видя их непокорение, особенно на пресвитеров ярясь, якобы те чарованием неким людям отвращают и в вере их утверждают, послал в Киев, повелел храмы христиан разорить и сжечь и сам вскоре пошел, желая всех христиан изгубить. Но Бог ведал, как праведных спасти, а злых погубить, ибо князь всех воинов отпустил полем к Киеву, а сам с немногими пошел в ладьях, и на Днепре близ проторча (порогов) напали на них печенеги и со всеми, бывшими при нем, убили. Так вот и принял казнь от Бога*».

Я считаю эту версию событий вполне достоверной, так как сразу снимается целый ряд вопросов. Во-первых, понятно, почему князь не спешит в Киев, во-вторых, названа причина раскола в стане Святослава, и появляется объяснение гибели русской армии на днепровских порогах. Если со Свенельдом ушла часть войска, а тем более, большая его часть, то понятно, причина смелости печенегов. Найден ответ на вопрос, как мог погибнуть грозный Святослав с соратниками – их просто было слишком мало, чтобы отбиться. Также становится ясно, почему киевляне не помогли своему князю. Кто же захочет помогать маньяку (а как еще он должен был выглядеть после убийства брата и приказа сжечь киевские церкви и перебить христиан)? Этими своими действиями Святослав подписал себе приговор. Киевляне, богатевшие на торговле, вовсе не хотели, чтобы их город превратился в аналог кровавой Арконы или в базу для разбойничьих набегов, в какие стремительно превращались города полабских славян. Если бы Святослав победил киевлян, то и русов ждала бы судьба лютичей и бодричей, потерявших свой генофонд в бесконечных войнах между собой и с соседями. А вот языческой империи, о которой любят порассказывать неоязычники, не сложилось бы.

Интересно упоминание о брате Святослава – Глебе (иногда пишется Улебе). Был ли это его родной брат, сводный по отцу или просто побратим, уже установить нельзя, но говоря об Игоре, мы видели, что в летописи попадали далеко не все Рюриковичи. Так что Святослав вполне мог и родного брата замучить.

Кстати, в версию Иоакима укладываются и строчки цитированного выше современного автора[27]: «*Битва под Доростолом, где появился «воин» на белом коне, обеспечила Святославу возможность вхождения в поле христианства. Тот вихревой поток, который был создан благодаря молитвам греков, затронул и Святослава, создав предпосылки для его крещения, а соответственно, и крещения Руси. Однако в тот период князь был под серьезным влиянием волхвов, и их черно-магические действия удерживали его сознание от позитивных изменений. Более того, после битвы под Доростолом у князя усилились тенденции примыкания к христианству. Однако чернокнижники применили специальные техники, обеспечившие одержание Святослава. В таком состоянии он и прибыл на зимовку. Задача чернокнижников заключалась в удержании князя от неразумных, с их точки зрения, поступков, связанных с принятием христианства.*

Одержимый князь руководствовался в своих поступках только желанием смерти, крови и т. п. Отсюда – повальные жертвоприношения. Волхвы, окружавшие его, обеспечили создание черного круга вокруг Святослава, который не пропускал Божественный свет. Бесы поедали его плоть и тонкую структуру, выпивали энергию и, в конечном итоге, подвели к кровавому жертвоприношению, в котором жертвой оказался сам Святослав.

[26] В. Н. Татищев «История Российская. Часть первая, 4 гл. «Об истории Иоакими, епископа Новогородского».

[27] http://www.liveinternet.ru/users/1590566/profile/

Если бы одержания не произошло, то крещение Руси могло бы случиться раньше. Одержание было спровоцировано духовными ошибками князя после Доростола, чрезмерным доверием к чернокнижникам и неумением самостоятельно оценить сложившуюся ситуацию, с точки зрения мистических законов.

– Что значит «подвели князя к кровавому жертвоприношению?»

– Князь был обречен на смерть. При одержании бесы выпивают из человека энергию, после чего он становится им неинтересен. Отсюда – смертельные болезни, смертельные травмы и т. п. В данном случае князь Святослав был подставлен как жертва не на земном плане. Его исход был предрешен, и не нужно было устраивать специальных засад, нападений. Если бы его не убили печенеги, он бы утонул в реке, умер от заражения крови и т. п. Он был энергетически истощен, и на нем сформировалась структура смерти. Волхвы просто подвели его к гибели, как любой черный маг может подвести человека к смерти при помощи ритуальных техник.

– Что значит «Бесы поедали его плоть?»

– Святослав страдал от кровавых язв, от горловых кровотечений. Он начинал задыхаться, т. е. проявлялись астматические компоненты. В связи с болезнями волхвы рекомендовали ему совершать все новые и новые жертвоприношения, которые на время давали облегчение. Но потом болезни наваливались на него снова».

В марте 972 года Святослав с оставшимися при нем дружинниками начал подниматься по Днепру в Киев, но на порогах попал в печенежскую засаду и погиб. Из его черепа победители сделали чашу, из которой вожди этого народа пили на брачном ложе, чтобы их сыновья были похожи на Святослава. Вот так закончилась жизнь действительно великого полководца. В этот момент ему было тридцать лет.

Вместе с ним закончилась целая эпоха в нашей истории. Отныне русские князья будут больше заботится о доставшейся им земле, а не о завоеваниях далеких стран. Но спустя века русские войска вновь пройдут по следам Святослава на Балканы и снова почти дойдут до Царьграда, который уже превратится в турецкий Истамбул. И снова чуть-чуть не хватит сил, чтобы победителями войти во Второй Рим…

Глава 5. Владимир Великий

Как мы уже говорили, уходя в свой последний поход, князь Святослав разделил русскую землю между своими тремя сыновьями. Пока он был жив, все понимали, что юные княжичи – только наместники грозного отца. Но после смерти князя неизбежно должен был возникнуть вопрос: а кто на Руси главный? Каждый Святославич контролировал большую территорию, за каждым стояли собственные советники и дружинники. Формально главой рода Рюриковичей, а значит, и всей Руси становился сидевший в Киеве князь Ярополк. Но вряд ли он был для своих братьев непререкаемым авторитетом. А тем более, для их взрослых советников, у каждого из которых были свои резоны и амбиции. За Владимиром, правившим в Новгороде, стояли его дядя Добрыня и новгородские купцы. За Ярополком – Свенельд и богатые киевляне. Кстати, Владимир был для Ярослава сводным по отцу братом, и мы не знаем, были ли Олег и Ярополк братьями по матери. Так что особой теплоты друг к другу братья могли и не испытывать. А вскоре между князьями и вовсе пробежала черная кошка.

Согласно летописи, в 975 году Олег на охоте встретил сына Свенельда и убил его. Учитывая, что Свенельд был наиболее влиятельным человеком в Киеве, такое никому не могло безнаказанно сойти с рук. Мы уже никогда не узнаем, зачем Олег так поступил. Возможно, он считал Свенельда виновным в гибели отца, возможно, просто искал повод досадить киевскому князю. Вариант мести наиболее вероятный, ведь у Олега, не знавшего всего, что случилось в Балканском походе Святослава, неизбежно должен был возникнуть вопрос: «А почему ближайший помощник отца вернулся живой и невредимый, да еще с дружиной, когда сам князь погиб?» И мысль о том, что Свенельд просто бросил Святослава, вполне могла вылиться в расправу над сыном Свенельда.

Узнав о случившемся, Ярополк был оскорблен, ведь брат убил **его** приближенного, тем самым бросив вызов. Свенельд же своим требованием мести подлил масла в огонь разгоравшейся вражды.

В итоге вражда братьев, подогреваемая древним противостоянием древлян и киевлян, вылилась в вооруженное столкновение. Учитывая, что под стягами Ярополка были уцелевшие дружинники Святослава – профессиональные, закаленные многими битвами бойцы, исход борьбы был предрешен. Дружина Олега и древлянское ополчение в первом же бою у города Овруч были смяты и побежали. Как и большинство средневековых городов, Овруч был окружен рвом, через который к городским воротам шел мост. Когда объятые паникой беглецы добрались до моста, на нем началась давка, и спешащие укрыться за стенами люди просто сталкивали друг друга вниз. «Много людей падало, и кони давили людей», – замечает по этому поводу летописец.

После того как воины Ярополка ворвались в город, древляне массово стали сдаваться на милость победителей. Князя Олега удалось найти не сразу. Наконец, во рву под мостом-входом в город нашли тело князя. Очевидно, он пытался остановить бегущую толпу, но был сброшен вниз, а потом на него сверху падали тела новых беглецов и коней. В общем, под этим весом юный князь или задохнулся, или был раздавлен. Дружинники Ярополка полдня вытаскивали трупы изо рва, пока не добрались до тела Олега.

По словам летописца, киевский князь плакал над телом брата и в сердцах бросил подошедшему Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел?!». Что ответил старый воин, да и ответил ли вообще – неизвестно. Но, думаю, он не сильно сокрушался, ведь слишком много смертей видел воевода за свою жизнь, чтобы скорбеть по убийце сына. Ярополк же действительно горевал, ведь братоубийство вовсе не входило в его планы. Он лишь собирался наказать зарвавшегося Олега, поставить младшего братца на место. Но сделанного не исправить,

и Ярополк присоединяет к своим землям бывшие владения брата. Самого же Олега с честью похоронили в поле недалеко от места смерти.

Битва при Овруче стала последним упоминанием о Свенельде в летописях. Может быть, свершив свою месть он, отошел от дел? Или умер? Как бы там ни было, но в дальнейших событиях он уже не участвовал. Но и так Свенельд оставил свой след в нашей истории, ведь он был воеводой и правой рукой у князей трех поколений рода Рюриковичей: деда-Игоря, сына-Святослава и внука-Ярополка. Завидное долголетие для его времени и рода занятий.

Узнав о смерти Олега, третий сын Святослава, Владимир, посчитал, что и его может ждать такая же судьба. Поэтому он покинул Новгород и бежал, по словам летописца, «за море», а на его место прибыл наместник от Ярополка. Так вся Русь снова оказалась под властью одного человека – князя Ярополка Святославича.

Новый князь сумел заключить союз с печенежским ханом Илдеи, вел дипломатические переговоры с Римом и Константинополем. Возможно, что при нем в Киеве были отчеканены первые русские монеты. По крайней мере, сейчас известно около десятка экземпляров монеты, напоминающей арабский дирхем, которую историки называют псевдодирхемом и связывают с князем Ярополком. Кроме того, Ярополк вполне лояльно относился к жившим на Руси христианам. В общем, был совсем неплохим князем, хотя летопись не зафиксировала за ним больших ратных достижений.

Спустя три года после бегства в Новгород вернулся Владимир, который выгнал наместников брата и объявил ему войну. Понятное дело, что вернулся он не один, а с набранной за морем варяжской дружиной, в которой были воины со всех прибалтийских регионов – от Дании до Новгорода. Так, например, Владимиру служил будущий норвежский король Олаф Трюггвасон. Кстати, впоследствии при дворе Владимира, а затем и его сына Ярослава жили еще три норвежских короля: Святой Олаф II Харальдссон, крестивший свою страну, Магнус I Олафссон и лихой вояка Харальд III Сигурдссон, за свою жизнь успевший послужить киевскому князю и византийскому императору, стать королем на родине и попытаться завоевать Англию.

Обосновавшись в Новгороде и пополнив дружину, Владимир принялся расширять свою территорию. Первой целью князя стал богатый торговый город Полоцк, бывший перевалочным пунктом на важных торговых путях в Западную (по реке Двине) и Северную (часть Пути из варяг в греки) Европу.

Сначала князь попытался решить дело миром и посватался за Рогнеду – дочь Полоцкого князя Рогволода. Тот, видимо, еще не решил, кого из братьев – Владимира или Ярополка – поддерживать в назревающей войне, и поэтому предоставил дочери самой решить свою судьбу. Лучше бы он этого не делал… Гордая княжна заявила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка». Видать, очень уж хотелось ей быть первой леди на Руси. Рогволод перечить дочери не стал и этим подписал себе приговор, ведь она не просто отказала, а нанесла Владимиру и его сватам смертельное оскорбление, назвав его мать рабыней. Кстати, сватов возглавлял никто иной, как Добрыня, дядя Владимира и брат его матери. Так что и ему было нанесено оскорбление. Несомненно, что вернувшись в Новгород, он подсказал племяннику, как надо действовать.

Владимир воистину был сыном своего буйного отца, поэтому не мешкая собрал войско и обрушился на Полоцк. Город был взят, Рогволод и его сыновья перебиты, а дерзкую девчонку князь все равно взял в жены и по преданию дал ей имя Гориславa. Вскоре её девичья мечта сбудется: Владимир убьет Ярополка и станет правителем Руси, а она станет женой Киевского князя… Такая вот усмешка судьбы.

Рогнеда родит убийце своей семьи четырех сыновей и нескольких дочерей, а когда Владимир примет христианство и распустит свой гарем, княжна предпочтет принять мона-

шество, чтобы не становиться снова чьей-то женой. Полоцким княжеством будут править потомки Рогнеды и Владимира, которые превратят его в практически независимое от Киева государство, а затем княжество и вовсе обособится от остальной Руси. А один из её сыновей войдет в историю как великий князь Ярослав Мудрый.

Кстати, некоторые исследователи называют Рогволода скандинавом, хотя о его происхождении нам вообще ничего неизвестно, а о жизни известно немногим больше. Летопись говорит, что пришел он из-за моря и стал править в Полоцке. Вот и все. Был ли он чужеземцем или просто долго был за морем по своим делам – неизвестно. Да и его имя, которое в Лаврентьевской летописи передано как Рог**о**волод, скорее славянское. Тем более, что вторая часть имени князя «Волод» встречается в целом ряде русских имен, например, Всеволод. У его дочери вторая часть имени «Неда» – это славянское имя, сохранившееся на Балканах до наших дней. Слово «рог» также было в древнерусском языке и означало скипетр, символ власти. Так что, скорее всего, князь был славянином.

Покорив Полоцк, уверенный в своей победе Владимир двинулся на Киев с собранной со всей Северной Руси дружиной. У Ярополка же дела обстояли не лучшим образом. Опытного и авторитетного Свенельда с ним уже не было, дружина уступала войскам брата в численности, а новый воевода с говорящим именем Блуд больше думал о собственной выгоде, чем о победе своего князя.

Не решаясь дать открытый бой, Ярополк заперся в Киеве, надеясь на защиту его стен. Хотя еще в античности говорили: «Осёл, груженый золотом, перешагнет любую стену». Вот и Владимир предпочел не терять людей в кровопролитном штурме, а попросту перекупил вражеского полководца. Посланники князя соблазнили Блуда, и тот стал подставлять своего бывшего благодетеля. Блуд сумел убедить Ярополка в том, что киевляне готовы впустить врага в город и уговорил князя бежать в неприступную (по его словам) крепость Родня в устье реки Роси. В опустевший Киев мгновенно вошел Владимир. Киевляне не сопротивлялись. В конце концов, какая им разница как зовут князя, если он будет хорошо выполнять свои обязанности: защищать торговлю и вершить суд?

Ярополк бежал лишь с немногочисленными сторонниками и вроде бы не представлял опасности для брата, но Владимир решил не рисковать. Он знал, как переменчива удача, ведь и сам он всего несколько лет назад был жалким беглецом. Поэтому Владимир идет по следам брата и берет Родню в осаду. В городе быстро кончились запасы еды и начался голод. Пользуясь этим, Блуд уговорил Ярополка начать переговоры с осаждающими. Возможно, он убедил Ярополка, что брат не тронет брата, а удовлетворится лишь тем, что вышлет Ярополка из Руси, а то и даст в управление какой-нибудь незначительный удел.

В милосердие Владимира верили не все, дружинник по имени Варяжко предлагал бежать в степь к союзникам-печенегам, собрать войско и попытаться отвоевать стольный город. Однако Ярополк предпочел лично с несколькими приближенными отправиться на переговоры к Владимиру. Лишь только он вошел в терем к брату, как Блуд захлопнул за ним дверь, чтобы свита не могла вмешаться, а два воина Владимира пронзили Ярополка мечами. Поняв, что их предали и заманили в засаду, Варяжко кинулся в бой, но когда увидел, что его господин мертв, прорубился сквозь врагов и бежал. Он отправился в степь, где его радушно приняли печенеги. Степняки, когда-то обещавшие поддержку Ярополку, даже после его смерти не изменили своему слову и начали войну с Владимиром.

Эта борьба будет тянуться десятилетиями, и много лет подряд Варяжко будет стараться отомстить за своего князя, устраивая набеги кочевников на Русь.

Владимир же стал единственным правителем Руси. Было это или в 978, или в 980 году. Ученые до сих пор спорят. Чтобы подчеркнуть преемственность своей власти, он стал жить с беременной женой (гречанкой, которую в свое время захватил в плен Святослав) своего убитого брата. Вскоре у нее родился ребенок, названный Святополком – сыном двух отцов.

Победа в междоусобице Владимира стала вторым случаем вооруженной победы Северной, Новгородской, Руси над южной, Киевской Русью. И в дальнейшем, всю нашу историю столкновение русского севера с югом всегда будет заканчиваться поражением последнего. Подчеркиваю – всегда! Прямо какая-то закономерность просматривается. Сначала Олег, потом Владимир, потом Ярослав, затем Владимирские князья и Московские цари будут брать под свой контроль Киев. Император Петр с легкостью подавит выступление Мазепы, Екатерина Великая разгонит Запорожскую Сечь, и после 1917 года опереточную украинскую державу шутя поломают идущие с севера большевики. Кстати, по большому счету, в Гражданскую войну большевистский Север вел борьбу против Юга, представленного как украинскими самостийниками, так и белогвардейцами Деникина и казаками Краснова. Над этим фактом, наверное, стоит задуматься современным украинским националистам, всячески поддевающим Российскую Федерацию.

Впрочем, вернемся к Владимиру. Ему вскоре пришлось решать проблему, созданную собственными дружинниками. Наемники-варяги посчитали себя в состоянии диктовать условия князю и потребовали собрать для них в качестве выкупа с каждого киевлянина по две гривны, мотивируя это тем, что раз они город захватили, то значит и вправе его ограбить.

Князь попросил месяц отсрочки для сбора денег, но когда пришел срок расплачиваться, вокруг Владимира уже сложилась сильная русская дружина, готовая расправиться с взбунтовавшимися наемниками. Тем более, что те не были едины – Владимир загодя отобрал из них лучших и привлек на свою сторону. В итоге оставшимся без денег и предводителей варягам было предложено отправиться куда подальше. Например, в Византию. Они и поплыли наниматься в Константинополь. Правда, князь послал византийцам свои рекомендации по обращению с варягами: «*Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного*». Византийцы совета послушались.

Своих дружинников князь холил и лелеял, понимая, что от их рвения и, главное, преданности зависит не только его успех, но и жизнь. Например, когда на пиру кто-то обиделся, что ему дали есть деревянной ложкой, Владимир тут же повелел изготовить серебряную посуду, сказав: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра».

Избавившись от варяжской вольницы, молодой князь начинает наводить порядок на Руси. Где силой оружия, где переговорами он приводит к покорности Киеву отпавшие за время смуты окраины: в 981 году он отвоевывает у поляков червенские[28] города, в следующем году покоряет вятичей, в 983 – ятвягов, в 984 – радимичей. Причем ополчение радимичей на реке Пищане было буквально разогнано воеводой Владимира по имени Волчий Хвост. Этот полководец вел авангард княжеской дружины, и, увидев врага, сразу бросился в бой, не дожидаясь подхода основных сил. Когда к месту событий подоспел Владимир, всё уже было кончено. В итоге этого столкновения на Руси появилась поговорка «Пищанцы волчья хвоста бегают», которой даже спустя десятилетия дразнили радимичей.

После этого киевский князь попытался покорить волжских булгар, но они оказались не по зубам лихому князю. Впрочем, если бы Владимир поставил себе такую цель, то, скорее всего, он покорил бы Булгарию, но это потребовало бы слишком больших усилий. Князь пришел к выводу, что овчинка выделки не стоит. Так что война закончилась с ничейным счетом.

[28] Города на левобережье Западного Буга, по её верхнему течению и притокам Хучве и Луге, а также по верховьям реки Стырь.

Понимая, что единство Руси держится на силе и авторитете правящего князя, Владимир начинает искать пути превращения конгломерата княжеств, уделов и земель в единое государство. Он решает объединить религиозные культы разных славянских земель в единую религию. Создание общего пантеона богов должно было со временем привести к созданию единого, однородного русского общества. Говоря современным языком, князь хотел интегрировать все подвластные ему земли.

Раз уж зашла речь о религиозной реформе Владимира, то необходимо хоть вкратце описать, что собой представляло славянское язычество. Эта тема достаточно сложна по двум причинам: из-за недостатка достоверных сведений и обилия версий и откровенных выдумок, распространяемых современными неоязычниками.

Все, что мы знаем о славянских языческих верованиях, дошло до нас либо в изложении иноземных авторов, либо в антиязыческих полемических работах христианских книжников. Ни одного документа, писания, связного текста, созданного волхвами, нам не известно. Все «славянские веды», «велесовы книги» и подобные издания, обильно представленные в книжных магазинах, – это лишь современные художественные произведения. Некоторые пережитки язычества остались в народных обычаях и былинах, но это именно пережитки. Археологические находки, а сейчас раскопано более семидесяти славянских капищ, тоже не дают целостной картины. Достоверно известно, что разные славянские племена чтили разных богов, и зачастую племенные культы весьма разнились. Кроме того, нужно помнить, что верования менялись во времени.

К первым векам русской истории часть славян покланялась богам, изображаемым в виде идолов, а часть не персонифицировала свои божества. По мнению одного из лучших специалистов по данному вопросу академика Б. А. Рыбакова, изначально славяне верили в существование добрых и злых духов природы, которые не имели человекоподобных черт. Потом наступила эпоха грозных великих богов, личностей, напоминающих человека. По мнению Б. А. Рыбакова, в этот период на первый план вышел бог Род. Он считался отцом всего и создателем вселенной. Со временем Род был оттеснен новыми культами, самым важным из которых в Прибалтике и на Руси стал культ Перуна, бога грозы и войны, покровителя князя и дружины.

Святовит. Константин Васильев

Недостаток знаний о культах древней Руси заставляет искать данные в истории других славянских групп, в основном ободритов и лютичей. У полабских славян были свои культы, о которых нам известно больше, чем о собственно русских. Во-первых, католические германские священники оставили подробные описания своих грозных противников. Святилище бога Святовита в городе Аркона было подробно описано Саксоном Грамматиком в «Деяниях даннов» и Гельмольдом фон Бозау в «Славянской хронике», о верованиях вендов писали Адам Бременский и Арнольд Любекский… Во-вторых, у северо-западных славян язычество сохранялось почти до конца двенадцатого века, так что оно, естественно, оставило больше следов в памяти. В итоге мы гораздо больше знаем о святилищах Ругевита и Святовита в городах Коренице и Арконе на острове Руян (Рюген) и Редегаста Сварожича в Ретре, чем о киевском пантеоне. Есть мнение, что Святовит (Свентовид, Святовид, Свантовит…) – божество, тождественное нашему Сварогу.

Неудивительно, что к вендским культам обращаются современные авторы, заинтересованные славянским язычеством. Вспомним хотя бы замечательную картину «Святовит[29]»

[29] С этой картиной связана одна загадка. Её название не соответствует изображению, так как фигура на холсте гораздо больше напоминает средневековое описание другого бога – Радегаста-Радигоста. Почему так случилось сегодня уже никто

нашего великого художника Константина Васильева. Несколько раз мне удавалось посетить музей этого творца в Москве, и каждый раз именно «Святовит» производил на меня сильнейшее впечатление.

Впрочем, если русское язычество при первых князьях напоминало вендское, то нужно признать, что это были весьма мрачные культы. Ведь вопреки распространенному мифу об отсутствии в славянском язычестве кровавых жертв, жрецы всех полабских славян приносили своим богам именно такие жертвы. Конечно, до кровавого безумия ацтеков им было далеко, но все же кровь регулярно окропляла идолов. Так, ежегодно Святовиту приносили в жертву человека, которого выбирали по жребию. Запомним эту особенность, она нам еще встретится. Кроме этой ежегодной жертвы были и другие, и для других богов.

«Когда жрец, по указанию гаданий, объявляет празднества в честь богов, собираются мужи и женщины с детьми и приносят богам своим жертвы волами и овцами, а многие и людьми – христианами, кровь которых, как уверяют они, доставляет особенное наслаждение их богам. После умерщвления жертвенного животного жрец отведывает его крови, чтобы стать более ревностным в получении божественных прорицаний. Ибо боги, как многие полагают, легче вызываются посредством крови. Совершив, согласно обычаю, жертвоприношения, народ предается пиршествам и веселью», – отмечается в Славянской хронике. Немецкий хронист десятого века Титмар Мерзебургский, описывая славянскую город-крепость Ретру, писал, что её жители считали, будто гнев богов можно смягчить человеческой жертвой.

Еще одной особенностью, которую мы видим у полабских славян, было огромное влияние жречества на жизнь общества. Доходило до того, что остров Руян-Рюген был, по сути, теократической монархией, где у жреца было больше власти, чем у князя. Разумеется, этот остров был одним из наиболее значимых сакральных центров, поэтому и жрецы имели там такую власть, но и в остальных славянских землях служители богов должны были иметь немалое влияние. О русском жречестве, волхвах, нам практически ничего не известно, из-за чего некоторые авторы считают, что эту функцию могли выполнять и князья. Но, учитывая, что мы знаем о полабских славянах, жречество на Руси должно было обладать достаточной силой, хотя княжеская власть у нас была сильнее, чем у вендов.

Вернемся теперь в Киев. Из летописи нам известны имена двух главных богов, которых почитали наши предки при Олеге и Игоре. Это были Перун и «скотий бог» Велес, именами которых русы клялись при заключении мира с греками. По велению нового киевского князя рядом с его резиденцией были установлены идолы шести богов, имена которых сохранила для нас Повесть временных лет: Перун, Хорс, Даждьбог, Стрибог, Симаргл и Макошь. Верховным божеством отныне объявлялся воинственный бог войны и молний Перун, идол которого был вырезан из дерева, имел серебряную голову и золотые усы. А вот кумира Велеса князь почему-то не поставил. Также не удостоились своих статуй Род и Сварог, Лада и Леля и другие боги, чьи имена нам известны. Мы уже не узнаем, чем руководствовался Владимир, отбирая богов для своего пантеона, но это, несомненно, было очень продуманное решение. Скорее всего, поскольку новое капище было в основном предназначено для молитв самого князя и дружинников о победах и добыче, первое место и занял бог войны. Затем шли небесные боги Хорс, Дажьбог, Стрибог, а мирные духи плодородия Макошь с Симарглом и вовсе были на последнем месте. Кстати, среди богов Владимира нет ни одного скандинавского, так что это еще одно свидетельство против норманнской теории рождения Руси. Зато в именах нескольких богов прослеживается явный иранский след, который мог сохраниться еще со скифско-сарматских времен. Во-первых, это крылатый пес Симаргл, отвечавший за семена и посевы. Между прочим, единственный бог, не имевший

не даст ответ.

человеческого образа в пантеоне и скорее бывший дополнением к образу Макоши. Во-вторых, вероятно иранские корни имело и имя Хорса – бога солнечного диска. Кроме того, считается, что Стрибог и Даждьбог – тоже ираноязычные имена. Интересно, что в пантеоне было два солнечных бога: Хорс и Даждьбог, но их сферы деятельности были разделены. Первый был богом только самого светила, а второй был более всеобъемлющим духом, по словам академика Рыбакова связанным с солнечной стороной природы, с годичным солнечным циклом. Соответственно в языческой иерархии Хорс был ниже, чем Даждьбог. Интересно, что за тысячу с лишним лет до этого греки тоже различали двух солнечных богов с аналогичными функциями: Гелия и Аполлона.

Жертвоприношения, по-видимому, завершались ритуальными пирами. Недаром же былинный князь Владимир постоянно пирует с дружиной, а его прозвище – Солнышко, в более поздних вариантах Красно Солнышко, – скорее всего, сохранилось именно с языческих времен, когда словосочетание «князь-солнце» могло быть титулом верховного правителя. Добрыня, отправленный Владимиром в качестве наместника в Новгород, установил идол Перуна в северной столице на берегу Волхова.

Учитывая, что Ярополк, как минимум, не препятствовал христианам, то резкое усиление языческой части русов при Владимире стало своеобразной реакцией, во время которой крещенным пришлось испытать гонения. Так, в 983 году после победы над ятвягами[30] языческим богам князем были принесены человеческие жертвы, во время которых погибли христиане. Повесть временных лет так описывает произошедшее: «*И сказали старцы и бояре: „Бросим жребий на отрока и девицу, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам“. Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался сгубить его окаянный и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: „На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, так принесем же жертву богам“. И сказал варяг: „Не боги это, а дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны руками из дерева. Бог же один, ему служат греки и поклоняются; сотворил он небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека и предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам“. Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же, взяв оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сенях с сыном своим. Сказали ему: „Дай сына своего, да принесем его богам“. Он же ответил: „Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?“. И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили*».

Сегодня сложно сказать, были ли человеческие жертвоприношения на Руси нормой или же это был единичный случай. Современные неоязычники очень не любят князя Владимира и рассказывают, что это он-де первым ввел кровавые жертвы, чтобы опорочить язычество. А раньше-то славяне были сугубо мирными, жертвовали только мед да зерно… Это не совсем так. Наши предки не были ни кровожадными дикарями, ни ангелами. Мы, русские, такие же, как и остальные, потому как практически все народы на заре своей истории совершали человеческие жертвоприношения. Жрецы всех народов до прихода Христа знали, что пролитие крови – это наиболее действенный способ докричаться до тонкого мира. Знали и использовали. Даже считавшиеся эталоном цивилизованности античные греки и римляне в своей ранней истории практиковали человеческие жертвоприношения. В Риме человеческие жертвы были запрещены постановлением сената только в 97 году до Рождества Хри-

[30] Балтоязычное племя Прибалтики, родственное пруссам.

стова. Ни кельты, ни германцы, с которыми тесно взаимодействовали славяне, не отказывали себе в возможности задобрить богов человеческой кровью. А на фоне поистине кровожадных культов народов Центральной Америки или древнего Ближнего Востока наши предки вообще были достаточно кроткими и человеколюбивыми. И жены русов следовали в загробный мир за погибшими мужьями в основном добровольно…

Но вернемся к Владимиру. Удивительно, сколько злобы и обвинений вызывает этот незаурядный правитель у определенных людей. Допустим, что правы неоязычники, и это действительно сын Святослава и Малуши (которую без каких-либо доказательств упорно объявляют то иудейкой, то хазаркой), преследуя тайные замыслы погубить русов, ввел на Руси человеческие жертвоприношения. А теперь вспомним, что в учебниках по истории этот период называется военной демократией, и подумаем, а как отреагировали бы окружающие на подобные нововведения? Правильно, отреагировали бы вооруженным восстанием, как это сделали новгородцы при попытке их крещения. Было такое? Не было! Вдобавок внимательно перечитаем Повесть: «*И сказали* ***старцы*** *и* ***бояре***». То есть не всевластный деспот с похмелья приказывает подручным отрубить кому-то голову ради забавы, а лучшие люди общества совместно решают провести ритуал. Заметим, что автор говорит о двух группах элиты: боярах – военной знати, и о неких старцах, под которыми, скорее всего, следует понимать или волхвов – знать религиозную, или старейшин – знать родовую.

Так что неоязыческая версия критики не выдерживает. Но современные неоязычники – народ особый, и если уж они решили, что Владимир агент мирового сионистского заговора, то будут это доказывать с сектантским рвением. Вообще, пообщавшись с язычниками вживую и почитав в СМИ творения всевозможных родноверов, я пришел к выводу, что большая часть из них – это просто еще одна версия живущих в своем выдуманном мирке толкиенистов. Есть, конечно, и приятные исключения, но таких единицы.

Древнеславянский идол. современная копия в Киеве. фото автора

Так что, скорее всего, события 983 года были не единичным случаем, но Повесть временных лет сохранила запись именно об этом происшествии, так как погибли христиане – единоверцы летописца.

Пройдет всего пять лет после смерти христианских мучеников, и Владимир круто переложит руль государственного корабля и решит не только сам креститься, но и крестить свой народ. Кто может сказать, чем руководствуется человек в своих поисках Бога? С чем связано такое решение? Искал ли он выгоды для государства или заботился о спасении души? Кто вообще может сказать, чем руководствуется человек в своих поисках Бога? Можно сказать только одно: приняв христианство, князь определил дальнейшее развитие русского народа на тысячелетие вперед.

Повесть временных лет сохранила рассказ о прибывших ко двору киевского князя миссионерах различных конфессий: иудеев, мусульман, православных и католиков. Выслушав аргументы каждой стороны, Владимир посылает доверенных людей, которые должны были посетить богослужения разных народов и, вернувшись, рассказать все увиденное. Когда те возвратились «*…созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», – и обратился к послам: «Говорите перед дружиною*»». То есть снова князь не единолично решает, а держит совет со своей дружиной. В итоге было принято решение креститься по греческому обряду: «*сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей*».

По мнению большинства историков, события происходили немного не так, а рассказ об испытании вер появился в летописи довольно поздно и под влиянием устного предания, склонного упрощать события. Достоверно не известно даже то, где и в каком году крестился князь: в 887 в Киеве или год спустя в Херсонесе.

Руины Херсонеса и князь Владимир на украинской валюте

Крещение князя было тесно связанно с военным союзом с Византией. Взошедшие на константинопольский престол в 976 году молодые братья-императоры Василий Второй и Константин Восьмой вынуждены были крутиться как белки в колесе: ведь со всех сторон империи угрожали враги, а собственные полководцы устраивали мятежи. Приходилось вести и внешнюю и гражданскую войну одновременно. Младший брат Константин практически не интересовался политикой, и вся ответственность за империю пала на плечи Василия. Чтобы расправиться с мятежниками, он принял решение опереться на иноземных наемников и обратился за помощью к киевскому князю Владимиру. Тот согласился, и в Грецию

отправился шеститысячный русский отряд, который и решил исход гражданской войны. Мятежники, которых возглавлял уже известный нам полководец Варда Фока, были разбиты в конце 988 года у Хрисополя в Малой Азии, а в апреле следующего года русско-имперские войска добили восставших под Абидосом, где сложил свою голову и Варда. Затем русские отряды и дальше служили императору, а часть из них влилась в его варяжскую гвардию. Усидевший благодаря русским мечам на троне император Василий проживет долгую и славную жизнь, будет любим армией и народом. За свои победы над болгарами он получит прозвище Болгаробойца и запомнится современникам как аскет, заботящийся о воинах больше, чем о себе.

Владимиру же платой за эту помощь станет императорская сестра Анна, которую отдадут ему в жены. Этот династический брак поднимет русских князей в средневековой иерархии монархов на недосягаемый соседям уровень. Ведь отныне Второй Рим официально признавал Русь равной себе державой. Понятное дело, что византийская принцесса не могла стать женой язычника, так что князь должен был креститься хотя бы для того, чтобы получить такую жену.

В 988 году Владимир с войском отправился походом на византийский город Херсонес (Корсунь) располагавшийся на месте нынешнего Севастополя. До сих пор нет единого мнения, почему князь атаковал город своих союзников-греков. По одной версии, Херсонес поддержал мятежников, поэтому Владимир атаковал его, выполняя союзнические обязательства. Во второй версии невеста не особо спешила в Киев, и таким образом правитель Руси намекнул, что пора и поторопиться со свадьбой.

Херсонес был основан в шестом веке до нашей эры выходцами из греческого города Гераклеи и за свою долгую историю не раз подвергался нападениям различных врагов. Но взять его силой смог только один полководец – наш князь Владимир Красное Солнышко. Недаром на первых одногривенных купюрах независимой Украины на одной стороне был изображен портрет великого князя, а на другой – руины Херсонеса. Впрочем, руины не на совести Владимира, город он не разрушил, хотя и реквизировал из него все ценное. Херсонес медленно угасал вместе со всей Византийской империей и окончательно обезлюдел в пятнадцатом веке.

Наконец Анна с подобающей свитой и священниками прибыла в Херсонес, где её встретил заждавшийся жених. Уже вместе они двинулись в Киев, где по прибытию князь приказал разрушить языческие капища. Особенно досталось Перуну, которого он «*приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил 12 мужей колотить его палками. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, – чтобы принял он возмездие от людей. „Велик ты, Господи, и чудны дела твои!“. Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: „Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его“. Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как зовется она и до сих пор*».

Затем Владимир послал глашатаев объявить горожанам, что завтра они должны прийти на реку и креститься, а кто не придет, тот будет врагом князю. Естественно подавляющее большинство киевлян на следующий же день крестилось. Вскоре началось массовое крещение всей Руси. Вопреки мифам о жестокости обращения русского народа ко Христу, власть предпочитала побуждать население к принятию новой веры больше своим авторитетом, а не грубой силой. Первыми принимали христианство горожане, и лишь затем оно проникало в сельские угодья. Поэтому принятие православия на Руси затянулось на века,

и еще в двенадцатом веке в города могли явиться волхвы, а пережитки язычества сохранились и до девятнадцатого века. Так что никакого кровавого крещения Руси не было. Например, очень долго оставались языческими города Муром и Ростов, и князьям-христианам приходилось с этим мириться. Разумеется, были в то время и вооруженные столкновения между княжескими посланцами и местным населением, но кто скажет, были ли они связаны с новой верой или с усилением централизации, когда Владимир давил остатки местного сепаратизма.

А последнее открытое выступление волхвов против православия произошло аж в 1227 году, когда, по словам Никоновской летописи «*явились в Новгороде волхвы, ведуны, потворницы, и многие волхвования, и потворы, и ложные знамения творили, и много зла сделали, и многих прельстили. И собравшиеся новгородцы поймали их и привели на двор архиепископа. И мужи князя Ярослава вступились за них. Новгородцы же привели волхвов на двор мужей Ярослава, и сложили великий огонь на дворе Ярослава, и связали волхвов всех, и бросили в огонь, и тут они все сгорели*». Неправда ли интересно, что дружинники князя, должного насаждать христианство, пытаются спасти волхвов, а простые горожане, наоборот, казнят их?

Впрочем, чтобы лучше прочувствовать время крещения, стоит, наверное, обратиться к классике. Алексей Константинович Толстой посвятил одно из своих стихотворений крещению славян. И хоть его героями были балтийские славяне, но если заменить Ругевита на Перуна, Свена на Владимира, то описание вполне подходит и для киевского крещения.

Над древними подъемляся дубами,
Он остров наш от недругов стерег;
В войну и мир равно честимый нами,
Он зорко вкруг глядел семью главами,
Наш Ругевит, непобедимый бог.

Курился дым ему от благовоний,
Его алтарь был зеленью обвит,
И много раз на кучах вражьих броней
У ног своих закланных видел доней
Наш грозный бог, наш славный Ругевит.

В годину бурь, крушенья избегая,
Шли корабли под сень его меча;
Он для своих защита был святая,
И ласточек доверчивая стая
В его брадах гнездилась, щебеча.

И мнили мы: «Жрецы твердят недаром,
Что если враг попрет его порог,
Он оживет, и вспыхнет взор пожаром,
И семь мечей подымет в гневе яром
Наш Ругевит, наш оскорбленный бог».

Так мнили мы, – но роковая сила
Уж обрекла нас участи иной;
Мы помним день: заря едва всходила,
Нежданные к нам близились ветрила,

Могучий враг на Ругу шел войной.

То русского шел правнук Мономаха,
Владимир шел в главе своих дружин,
На ругичан он первый шел без страха,
Король Владимир, правнук Мономаха,
Варягов князь и доней властелин.

Мы помним бой, где мы не устояли,
Где Яромир Владимиром разбит;
Мы помним день, где наши боги пали,
И затрещал под звоном вражьей стали,
И рухнулся на землю Ругевит.

Четырнадцать волов, привычных к плугу,
Дубовый вес стащить едва могли;
Рога склонив, дымяся от натугу,
Под свист бичей они его по лугу
При громких криках доней волокли.

И, на него взошед с крестом в деснице,
Держась за свой вонзенный в бога меч,
Епископ Свен, как вождь на колеснице,
Так от ворот разрушенной божницы
До волн морских себя заставил влечь.

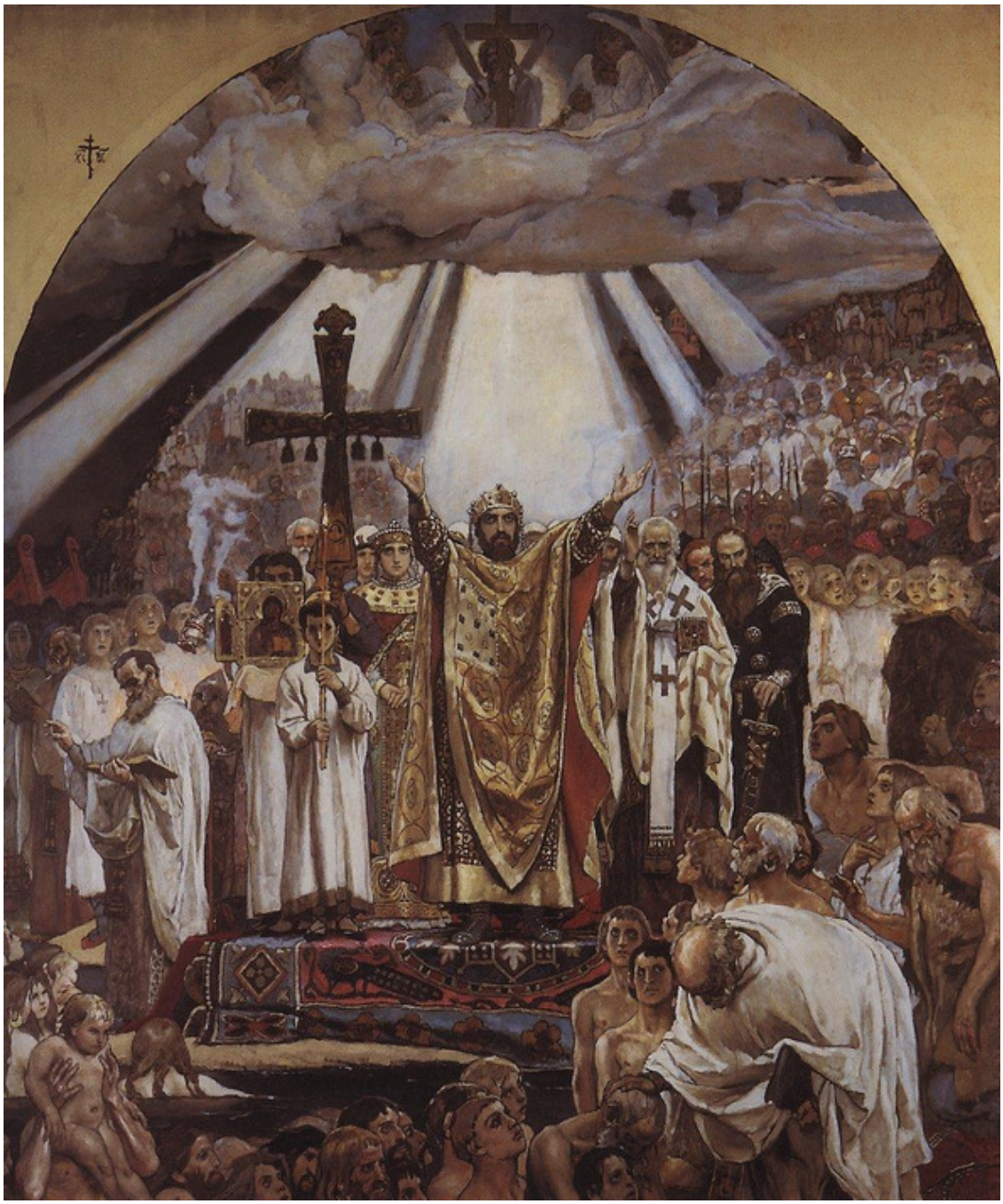
И к берегу, рыдая, все бежали,
Мужи и старцы, женщины с детьми;
Был вой кругом. В неслыханной печали:
«Встань, Ругевит! – мы вслед ему кричали, —
Воспрянь, наш бог, и доней разгроми!»

Но он не встал. Где об утес громадный
Дробясь, кипит и пенится прибой,
Он с крутизны низвергнут беспощадно;
Всплеснув, валы его схватили жадно
И унесли, крутя перед собой.

Так поплыл прочь от нашего он края
И отомстить врагам своим не мог,
Дивились мы, друг друга вопрошая:
«Где ж мощь его? Где власть его святая?
Наш Ругевит ужели был не бог?»

И, пробудясь от первого испугу,
Мы не нашли былой к нему любви
И разошлись в раздумии по лугу,
Сказав: «Плыви, в беде не спасший Ругу,
Дубовый бог, плыви себе, плыви!»

Приняв христианство, великий князь сильно изменился в лучшую сторону, он стал спокойнее и милостивее. Из своего кармана он много помогал бедным, старикам и калекам, сиротам и вдовам. Кроме того, Владимир распустил свой гарем, сказав, что отныне у него должна быть только одна жена – Анна. При Владимире в Киеве был построен роскошный каменный храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, на содержание которого князь выделил десятую часть своих доходов, из-за чего его часто называют десятинной церковью.



Крещение Руси (1890) Виктор Васнецов

Значение крещения Руси

Несущим элементом любой культуры является религия. Ведь это не просто вера в существование нематериального мира или система обрядов – это образ жизни и определенная система идей, верований, представлений о человеке и его месте в мире. Древние славяне, как и большинство их соседей, были язычниками, что вполне отвечало потребностям отдельных родов и племен. Но неизбежно наступал момент, когда язычество становилось тормозом в развитии, ведь племенные культы мешали созданию единого государства. И вот оказавшись в окружении сильных, централизованных государств с объединяющей всех жителей религией, славяне встали перед выбором: принять новую веру или нет. Полабские славяне остались язычниками, и мы уже знаем, что из этого вышло. Наши предки оказались счастливее, и вот уже больше тысячи лет Русь является православной страной. Почему именно православие, а не католицизм по примеру германцев и западных славян, не иудаизм по примеру хазар или не ислам по примеру волжских булгар? Однозначного ответа нет. Вероятно, совпал целый ряд факторов: и сакральных, и абсолютно материальных. Среди последних отметим, что принятие христианства восточного обряда чрезвычайно тесно связывало Русь с Византией, нашим главным источником доходов. Отныне для свободного доступа наших купцов на Константинопольский рынок не нужно было прикладывать титанических усилий. Кроме того, богатейшая культура империи, имеющая за плечами многовековой опыт развития, явно выигрывала конкуренцию у варварской Западной Европы и у почти диких хазар. Так что, как учителя, греки были явно предпочтительней. Поэтому крещение, проводимое по воле князя, и не вызвало серьезных возмущений среди славян. Новая вера органично вписалась в мироощущение нашего народа и стала базой для развития нашей цивилизации.

Киев Храм Успения Богородицы (Пирогищи) современный вид. фото автора

Естественно, говорить, что равноапостольный князь Владимир принес своим соплеменникам абсолютно новую веру, нельзя. Православие приникало на нашу землю достаточно долго. Сначала от купцов и воинов, побывавших в Византии, стало известно о существовании веры в распятого, а затем воскресшего Христа. Потом начались единичные случаи обращения, а затем и создание христианских общин. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) говорил о трех крещениях Руси, бывших еще до Владимира Великого: при князе Аскольде, княгине Ольге, а также крещение в это же время 200 славянских семейств южной Руси святым Кириллом. Недаром же в европейских и даже византийских хрониках крещению Владимира уделено до обидного мало внимания – просто

к 988 году соседи уже давно считали Русь крещеной страной, в которой просто сильны еще пережитки старины.

В нашей историографии первая христианизация Руси во времена Аскольда и сама фигура этого князя оказались на заднем плане. Князь Владимир затмил его в летописях и народной памяти, но все же, именно Аскольд заложил фундамент для последующей христианизации русичей. Став киевским князем, Аскольд создал достаточно сильное государство в Среднем Поднепровье, в которое входили земли полян, древлян, дреговичей и части северян с центрами в Киеве, Чернигове и Переяславле. Это позволяло более-менее на равных вести политические и торговые дела с сильными южными государствами: Хазарией, Болгарией и Византией. Чтобы подчеркнуть свои политические претензии, Аскольд принял титул кагана, который равнялся императорскому.

С Хазарией и кочевниками Аскольд поддерживал мирные и даже союзнические отношения, зато земли Восточного Крыма и Прикубанья он стремился подчинить и сделать плацдармом для проникновения в Закавказье и прикаспийские владения Арабского Халифата. Русские дружины этого князя устраивали набеги вплоть до южного берега Каспия. Главным же и наиболее выдающимся внешнеполитическим достижением Аскольда были его походы против Византии и договоры, заключенные с нею. Помимо золота и серебра, награбленного или взятого в виде откупных, воины привезли на Русь из-под Константинополя и знания о новой вере[31]. Более того, сам каган и его приближенные крестились, а вслед за ними должны были креститься и многие другие киевляне. Произошло это в 860-х годах, когда далеко на Севере укреплял свою власть князь Рюрик.

После гибели Аскольда распространение православия на сто с лишним лет оказалось приостановленным, но не угасло. Княгиня Ольга сохранила его, хотя её собственный сын, великий полководец Святослав, остался язычником. Зато внук Владимир не только принял веру бабки, но и своей волей обратил подданных ко Христу.

Впрочем, о воинственном язычестве Святослава стоит сказать особо. Неоязычники любят приписывать ему фразу «Вера христианская – уродство есть». Однако вынужден буду их разочаровать – это слова не князя, а автора Повести временных лет. Поскольку саму Повесть мало кто читал, то вкратце напомню этот эпизод. Ольга склоняла его к крещению, но он отговаривался. При этом, когда кто-нибудь из его приближенных хотел креститься, князь не препятствовал этому, ограничиваясь лишь насмешками над новообращенным. И комментируя этот момент, летописец отмечает «Ибо для неверующих вера христианская юродство есть», что является практически прямой цитатой из Первого послания коринфянам: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых – сила Божия». Вообще летописец обильно цитирует Священное писание при любом удобном случае, или, как говорят сейчас журналисты, ставит раскавыченные цитаты.

Из этого следует, что Святослав достаточно долго относился к христианству не враждебно, а как минимум нейтрально, с некоторой долей сарказма и юмора. Как говорится, почувствуете разницу. Его мнение изменилось после поражения у Доростола, когда у князя от шока и отчаяния, похоже, начались изменения в психике. Проще говоря, он буквально озверел и в порыве ярости казнил часть своих воинов-христиан. Но было ли это зверство вызвано их религиозной принадлежностью или они просто попали под горячую руку, сказать точно нельзя.

Крещение Руси при Владимире стало событием абсолютно логичным и ожидаемым. Крестившись с приближенными в захваченном Херсонесе (Корсуни), Владимир по возвращении в Киев приказал уничтожить языческих идолов, а горожанам без лишних слов объ-

[31] Справедливости ради отметим, что далеко не все походы Аскольда были удачными, и крещение произошло в результате мира, заключенного именно после неудачного похода.

явить: «Кто не крестится, тот враг князю». По словам летописца, киевляне рассудили, что если бы христианство было плохо, то его не приняли бы князь и бояре, поэтому все пошли с радостью. Сегодня сложно сказать, насколько радость была искренней, а насколько её простимулировали княжеские дружинники, но никаких возмущений в Киеве не было.

Современный автор Егор Холмогоров в одной из своих статей[32] обратил внимание на интересный момент. «*Христианство приносится на Русь как военный трофей, как княжеская добыча, взятая в походе на Корсунь. Крещение киевлян начато было с триумфа, проведенного в лучших римских традициях. Мраморные и литые изваяния, святые иконы и изображения, наконец, греческая царевна, – все это составляло часть княжеского трофея, как дар нового Бога, принятого князем и частью дружины. И крещение, о котором распорядился князь, воспринималось как приобщение к княжеской удаче и соучастие в принесенном им драгоценном трофее. «Повеление пришло креститься всем – и все стали креститься, ни один не стал противиться, как будто издавна наученные, так и устремились, радуясь, к крещению», – говорит Нестор в «Чтении о житии и о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», описывая крещение киевлян. Совсем иной характер носило крещения Новгорода, не видевшего княжеского триумфа, там оно носило фактически характер завоевания, лишившего город равного с Киевом статуса.*

Знаменитое «Слово о законе и благодати» Киевского митрополита Иллариона имеет психологическую подоплеку восприятия благодати как «удачи». Илларионову идею можно понять так, что в отличие от других народов русским повезло с христианством, оно стало для них удачной благодатной добычей, приобретенной святым Владимиром. Неоднократно отмечавшаяся в исследовательской литературе атмосфера «эсхатологического оптимизма», царившая на Руси приблизительно до XIV века, связана не с незрелостью христианского религиозного сознания, не с атмосферой двоеверия, как часто полагают, а именно с восприятием благодати и христианского благословения как «удачи», стяженной Русью усилиями её святого крестителя и закрепленной мученическим подвигом Бориса и Глеба и непрестанной молитвой Печерских преподобных. Соучастие в приобретенном святыми «трофее» веры Христовой было той скрепой, которая держала Русь, несмотря на политические разъединения и конфликты князей».

Лишь в своевольном Новгороде, всегда стремившемся испытать на прочность верховную власть, крещение вызвало беспорядки. Как только стало известно о требовании креститься, боярские роды воспользовались этим, как предлогом, и под знаменем защиты отчей веры попытались выйти из государства Владимира. Это был сепаратизм чистой воды, который поддержали далеко не все новгородцы. Все помнят фразу «Крестил Путята мечом, а Добрыня огнем», только мало кто знает, что было до этого. Вообще, посланный Владимиром в Новгород со священниками Добрыня для новгородцев был почти своим человеком, он когда-то был там воеводой, защищал новгородские владения от набегов литовцев. Именно в Новгороде стоял дом, в котором жили его жена и дети.

Как, наверное, помнят любители истории, Новгород делится рекой Волхов на две части, которые в то время назывались Торговой и Детинной[33]. Первый район был торгово-ремесленным, где жил простой люд, второй – элитным с дворами местной знати. Торговая сторона спокойно приняла посланцев великого князя, а вот на второй стороне Добрыню встретила вооруженная толпа с криками: «Не дадим наших богов в обиду!». Два дня он ждал, пока смутьяны успокоятся. За это время поставленный в Киеве для Новгорода епископ Иоаким Корсунянин и прибывшие с ним священники крестили желающих с Торговой стороны. В то же время на противоположном берегу реки тысяцкий Угоняй и волхв Богомил,

[32] Е. Холмогоров «Историческая судьба русской нации». Спецназ России №3 2005г.

[33] Впоследствии её называли Софийской

по прозвищу Соловей, собирали своих сторонников. По их приказу фанатичная толпа сожгла дом Добрыни и растерзала его жену, дочерей и всех домочадцев воеводы. Заодно бунтовщики разграбили и дома новгородских христиан. И вот только после этого со стороны христиан началось насилие. Путята с отрядом воинов ночью переправился через Волхов и захватил зачинщиков мятежа, но отойти без боя ему не удалось. Драка длилась до утра, когда реку форсировал с основными силами сам Добрыня. Он приказал поджечь стоявшие на берегу постройки, и бой мгновенно угас. Забыв про вражду, новгородцы кинулись тушить пожар, чтобы он не распространился по всей мятежной Детинной стороне. Как послы к Добрыне вышли знатнейшие бояре с просьбой о прощении и примирении. Добрыня ответил: «Каменных кумиров своих разбивайте, деревянных жгите, а потом все идите креститься – и будете помилованы», а на просьбу пощадить идолов, Добрыня ответил: «Нечего вам жалеть о тех, кто себя защитить не может, какой пользы вам от них ждать?» В результате новгородцы крестились и больше никогда не возвращались к былому идолопоклонству.

Если оставить в стороне сакральные приобретения, то что получила Русь, приняв православие? Во-первых, новые технологии. Например, камнерезному делу и архитектуре русичей учили греческие мастера. Именно с этого момента над зданиями появляются купола. С христианством пришла и письменность на славянском языке, созданная Кириллом и Мефодием. Благодаря этому стали создаваться рукописные книги. При монастырях возникали школы, и вырос уровень грамотности. Дошло до того, что даже простолюдины научились писать и читать. Через Византию Русь познакомилась с наследием античного мира. Новая вера изменила нравы и мораль, ведь Церковь учила любви, запрещала кровавые жертвоприношения, боролась с работорговлей… Кстати, и практиковавшееся ранее многоженство ушло в прошлое.

Но самое главное, принятие христианства привело к сплочению восточнославянских племен в единый древнерусский народ. На смену сознанию племенного единства пришло осознание общности всех русских вообще.

Печенежская гроза

Решив проблему объединения Руси под своей властью, Владимир бросил все силы на отражение серьезной внешней угрозы – набегов печенегов, которые станут постоянной головной болью для князя и его сыновей.

Ко времени Владимира печенеги уже почти столетие кочевали в причерноморских степях и были хорошо известны русским. Прийдя из Азии, они в девятом веке изгнали венгров из Приволжья, взяли под свой контроль земли от Дуная до Дона, попытались закрепиться в Крыму. В следующем веке они вместе со Святославом воевали против хазар и греков, потом воевали и против самого Святослава, а затем заключили мир и союз с его сыном Ярополком. Когда этот князь погиб, его соратник Варяжко бежал к печенежскому хану Ильдею. С этого момента и началось многолетнее жестокое противостояние степняков и русичей. У печенегов появился прекрасный повод для войны – они мстили за смерть своего союзника.

Еще одной причиной для войны с Киевом было то, что печенеги не могли жить без грабительских набегов на соседей, но нападать на самую лакомую цель – Византию без могучего союзника было слишком рискованно. При князьях Игоре и Святославе этим союзником была Русь. Но Владимир большой войны с Константинополем не планировал, а значит, и как союзник для печенежских ханов не подходил. Так что степные головорезы попытались компенсировать неполученную от грабежа Балкан выгоду за наш счет.

Печенеги были опасным противником. Во-первых, их было много, во-вторых, война была для них обыденным делом. При этом из-за многоженства никакие самые страшные потери в боях не могли надолго подорвать мощь кочевников. Ведь даже если из сотни ушед-

ших в набег воинов возвращался десяток, то на следующий год в орде все равно рождалось сто детей. Выжившие мужчины просто брали вдов своих товарищей в жены. Печенежская конница наносила стремительный удар, если удавалось достичь эффекта неожиданности, они грабили все, до чего могли дотянуться, а затем исчезали в степи. Учитывая, что печенеги были кочевниками, найти их становища, а затем нанести удар возмездия было крайне затруднительно. Пока русские разведчики найдут орду, вернутся к князю, тот соберет дружину и выступит в степь, степняки откочуют на сотню километров, и снова ищи ветра в поле.

Сказать, что именно Русь была главной целью для печенегов, нельзя. Они воевали за добычу, поэтому были готовы обрушиться на любой народ, который можно было ограбить. В богатых поселениях оседлых народов можно было славно поживиться, поэтому степные головорезы стремились нападать именно на соседей-земледельцев. Болгарам доставалось не меньше, чем русским, а со временем печенеги в своих набегах дойдут и до Византии.

Печенеги не были единым народом и состояли из восьми, а по другим данным, из тринадцати крупных племен-орд, которые в свою очередь делились на четыре десятка более мелких. Как правило, каждая орда кочевала и воевала самостоятельно, из-за чего периодически одни орды усиливались, а другие, наоборот, хирели. Печенеги, поселившиеся в Крыму, стали постепенно переходить к оседлому образу жизни. Некоторые из них переселились в портовые города и занялись торговлей, но для большинства основной деятельностью оставались война, охота и скотоводство. Вот как описывает печенегов византийский церковный писатель XI века, Феофилакт Болгарский: «Жизнь мирная – для них несчастье, верх благополучия – когда они имеют удобный случай для войны или когда насмеются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно».

Единственным родом войск у печенегов была кавалерия, благо, что в конях у них недостатка не было. Печенежские скакуны, потомки конских пород, выведенных в Туркмении еще три тысячи лет назад древними иранскими народами, славились быстротой и выносливостью. Кроме того, у печенегов очень рациональной была конская сбруя, дававшая дополнительные преимущества всаднику.

В бою печенеги поступали так же, как и все остальные кочевники: сначала обстреливали противника из луков, затем стремительно атаковали. Если враг выдерживал удар, то печенеги без зазрения совести бежали, чтобы потом развернуться и снова стремительно атаковать. Если они превосходили русские дружины в скорости и маневренности, то в рукопашной схватке они русичам уступали. Ведь у печенегов практически не было доспехов, и если им приходилось сходиться в рубке с лучше вооруженными русичами, то оставалось надеяться только на численный перевес.

Так что русским для победы нужно было либо отрезать возможность бежать и навязать печенегам правильное сражение, либо заставить их атаковать первыми. Именно так решает поступить князь Владимир. По его приказу вдоль границы со степью строятся города-крепости, которые станут опорными пунктами пограничных оборонительных линий по обоим берегам Днепра. Печенегам для прорыва вглубь Руси придется атаковать крепости, а значит нести большие потери. В 988 году на речных берегах Десны, Остра, Трубежа, Сулы, и Стугны были срублены города, гарнизоны которых князь укомплектовал дружинниками, собранными со всей Руси. Этим он достиг сразу двух целей: защитил Русь от внешних набегов и забрал лучших воинов из всех подвластных племен, ослабив стремление к самостоятельности на местах. Воины-пограничники быстро забывали свою узкоплеменную идентичность и сплавлялись в единый русский народ.

Сама же линия укреплений была воистину грандиозной, достигала полутора тысяч километров в длину и сооружалась несколько десятилетий, пока не превратилась в наш аналог Великой китайской стены. Между укреплениями насыпались многокилометровые,

укрепленные деревянным частоколом земляные валы, которые были непреодолимы для лошадей. Остатки этих древних укреплений ныне известны под именем Змиевых валов. Правда, некоторая их часть могла быть насыпана гораздо раньше, еще в скифское и антское время, а при Владимире лишь обновлена и усилена.

По другим данным, общая длина собственно Змиевых валов составляла 970 километров, а остальная часть известных историкам валов была построена в другое время и для других целей: это и скифские городища, построенные в пятом веке до Рождества Христова, и укрепления позднего средневековья, и валы восемнадцатого столетия, обозначавшие границы земельных владений…

Начиная с 1974 года, Змиевы валы изучала археологическая экспедиция, созданная специально для изучения этих фортификационных сооружений. Итоги работы ученых были опубликованы только в 1987 году. По мнению археологов, валы строились 19 лет, и на их строительстве работали три с половиной тысячи человек.

Как бы там ни было, система приграничных укреплений перекрывала кочевникам путь на Русь, больше они не могли ни налететь для грабежа, ни торговать скотом с русичами. А ведь это были два основных источника дохода печенежских родов.

Опасаясь, что Русь выстроит действенную систему укреплений на границе со степью, печенеги решились на большую войну, и в 992 году на берегах реки Трубеж[34] сошлись русские и печенежские армии. Битва началась с поединка богатырей, в котором одолел киевлянин. Затем началось сражение, и печенеги побежали. По словам летописца, «гнались за ними русские, избивая их, и прогнали». На месте сражения был выстроен город Переяславль[35], ныне Переяслав-Хмельницкий. Следующее столкновение со степняками для Владимира закончилось плачевно. В 996 году печенеги напали на Васильев, и князь с небольшой дружиной кинулся на помощь осажденным. То ли он не знал численности нападавших, то ли был слишком самоуверен, однако в решающий момент сил у него оказалось маловато, и ему пришлось спасаться бегством. Чтобы его не поймали, князь прятался под мостом, пока не миновала угроза. Его не нашли. Интересно, знали ли кочевники, кто их так безрассудно атаковал? Наверное, нет, иначе они в лепешку бы разбились, но нашли бы беглеца. Скорее всего, они приняли княжескую рать за передовой отряд, спешащей к месту событий крупной армии, и поспешили отойти в степь. Город Васильев не пострадал, и в честь своего спасения князь Владимир построил в нем церковь Преображения Господня.

Война же со степняками на южных рубежах Руси превратилась в повседневную рутину. Правда, кровавую рутину… С каждым днем требовалось все больше и больше воинов, чтобы отражать налеты кочевников. В 997 году Владимиру пришлось отправиться в Новгород, чтобы привести оттуда новых воинов на юг. Пользуясь отсутствием князя, печенеги попытались захватить Белгород, основанный за шесть лет до того. Чтобы не было путаницы, уточню, что с современным областным центром этот город не имеет ничего общего. Летописный Белгород находился недалеко от Киева. Сегодня на его месте находится село Белогородка.

Город устоял, а его оборона подарила нам следующую легенду: «З*атянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе, и сказали: „Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? Сдадимся печенегам – кого оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода“. И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: „О чем было вече?“. И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом,*

[34] Левый приток Днепра южнее Киева

[35] Справедливости ради отметим, что на этом месте поселение было задолго до Владимира. И летописная запись об основании города, скорее всего, означает строительство крепости.

послал он за городскими старейшинами и сказал им: „Слышал, что хотите сдаться печенегам“. Они же ответили: „Не стерпят люди голода“. И сказал им: „Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю“. Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: „Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей“. Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: „Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем“. Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: „Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и 10 лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами“. И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром, и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: „Не поверят нам князи наши, если не отведают сами“. Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и подивились. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси[36]». Конечно, это, скорее всего, просто красивая легенда, но как знать, может и было что-то похожее?

Вернувшийся с новгородскими подкреплениями Владимир окончательно закрыл степную границу непреодолимым заслоном, хотя война продолжалась, и даже в последний год жизни великого князя печенеги пробовали Русь на прочность. Старый Владимир уже не мог сам воевать, но русскую рать вел в бой его любимый сын Борис. Окончательно же решит печенежский вопрос другой сын Владимира, великий князь Ярослав Мудрый.

Дела семейные

Если кто из князей и заслуживает звания отца народа, то это точно Владимир. Причем отцом он был в прямом смысле этого слова. Молодой князь любил брать от жизни все. До принятия христианства он успел завести себе огромный гарем, который, если верить летописцу, насчитывал восемьсот наложниц. Кроме того, у князя было еще шесть законных жен, которые подарили ему, как минимум, 12 сыновей. Сколько было дочерей и детей от наложниц у князя-многоженца, уже никто не скажет…

Как и Святослав, Владимир давал своим детям в управление отдельные земли Руси. При этом, чем старше был сын, тем более важный город он занимал. Вообще же у Рюриковичей была очень интересная система распределения власти. Великий князь киевский был главой рода и давал остальной родне в уделы определенные земли-княжества. Отошедшему в мир иной Великому князю киевскому наследовал не сын, а более младший брат, после его смерти – следующий по старшинству брат и так далее. Только после того как младший из братьев отправлялся в мир иной, трон занимал сын старшего брата и так далее. По мере выбывания старейших представителей рода следующие по иерархии князья меняли свои княжества, принимая под свою руку более богатые и важные города, а на их место прихо-

[36] Легенда записана в Повести временных лет под 997 годом

дили новые поколения Рюриковичей. Таким образом, ***все*** князья в совокупности владели ***всей*** Русской землей, передвигаясь из княжества в княжество по известной очереди. Такой вот карьерный рост по-древнерусски. При этом если князь погибал, не успев занять киевский престол, его дети автоматически лишались права на великое княжение. Изначально такая ситуация была оправдана: власть принимали уже зрелые и опытные князья, что было необходимо для нормального развития земли. Однако, со временем Рюриковичей стало слишком много, и на всех перестало хватать княжеств. Русь начнет дробиться, а Рюриковичи развяжут взаимную войну за наиболее «хлебные» города.

При этом, занимая трон великого князя, а следовательно, и старшинство в роде, Рюрикович становился «отцом» своим родным братьям. Из-за этого его дети становились «братьями» (т.е. равными по положению внутри рода) его родным братьям. Это вносило дополнительную путаницу в отношения князей. Ведь старший брат имел приоритет над младшим, но теперь получалось, что племянник (сын великого князя) оказывался старшим братом своих дядей. Но по возрасту ведь дядья были старшими! Возникала коллизия – старший по возрасту оказывался младшим по положению. Кто же в таком случае старше? И естественно, взрослые заслуженные полководцы князья-дядья периодически отказывались признавать над собой власть младших по возрасту претендентов на великокняжеский трон. Возникал спор, который зачастую, переходил в междоусобную войну[37].

Со временем сложилось представление, что старший племянник считался младше трех своих наиболее старших дядьев, но старше остальных[38]. Именно так определялось старшинство в местнических спорах.

Вопрос кто же старше (имеет больше прав), дядя или племянник, был наиболее острым при дележе власти, и в разное время решался по-разному, хотя в целом эта проблема так и не была решена до самого конца правления Рюриковичей.

Братьев у Владимира не осталось, поэтому его наследником был старший сын Вышеслав, рожденный первой женой князя варяжской Олавой. Он был назначен наместником в Великий Новгород, где и скончался на несколько лет раньше отца. Своих детей он не оставил. Не пережил Владимира и сын от Рогнеды Изяслав, правивший в Полоцке, но у него родились два сына. Так как Изяслав не успел стать великим князем, то его потомки не имели прав на киевский престол. Вместо этого они стали развивать и укреплять Полоцкое княжество, стремясь его обособить от остальной Руси. Так что Рогволжьих внуков остальные Рюриковичи недолюбливали, что периодически выливалось в настоящие войны. Внук Изяслава Всеволод Брячиславич запомнится современникам как чародей и разбойник.

Своими нападениями он так достанет соседей, что против него выступит целая коалиция князей. В итоге чародея с детьми поймают и посадят в темницу, где ему придется полтора года посидеть-подумать о жизни. Проживет он долгую и насыщенную событиями жизнь, а о его биографии мы поговорим позже.

К моменту смерти Владимира из его сыновей старшими были Ярослав и Святополк. Они же были наиболее вероятными претендентами на престол, хотя сам князь Владимир относился к ним весьма настороженно, и на это у него были веские причины. Он даже хотел изменить порядок наследования и посадить на киевский трон Бориса, но не успел.

Ярослав и Святополк явно тяготились отцовской опекой и были готовы бросить ему вызов. В 1014 году старому князю пришлось взять под стражу Святополка, который уж слишком тесно стал общаться со своим зятем – польским королем Болеславом. В этот же год правивший в Новгороде Ярослав отказался перечислять в Киев собранные налоги. Взбе-

---

[37] При этом надо помнить, что по средневековым представлениям бой – это Божий суд. Соответственно считалось, что победитель в битве прав и угоден Богу, а проигравший – нет. Однако, проигравший мог снова попытаться отвоевать потерянное и если ему это удавалось, то считалось, что Бог его простил и помог.

[38] Подробнее можно прочитать в книге Сергея Соловьева «История отношений между князьями Рюрикового дома»

шенный киевский князь приказал чинить дороги на север, чтобы с дружиной отправиться в Новгород и лично задать сынку трепку. Однако поход не состоялся, так как Владимир заболел и 15 июля 1015 года умер в своей резиденции Берестове под Киевом. Народ скорбел по щедрому и удачливому князю, а Церковь со временем канонизировала его.

Если правление князя Святослава – это конец полумифической эпохи героического выхода русов на мировую арену, то три с половиной десятилетия под властью Владимира стали началом золотого века Руси. Именно тогда началось превращение славянских племен в единый русский народ, скрепленный новой верой и экономическими интересами. При Владимире начинается на Руси строительство школ и распространение грамотности. Пройдет совсем немного времени, и даже простые горожане, не говоря уже о монахах и знати, будут уметь читать и писать. При Владимире начинается и каменное строительство, которое мы переняли у византийцев.

Князю-Крестителю приписывается и создание Церковного Устава – документа, разграничивающего компетенцию светских и церковных судов. Кстати, по Уставу под присмотр иерархов церкви отходили и эталоны мер и весов, с которыми должны были сверяться купцы.

Как символ своей суверенной власти Владимир чеканил золотые (златники) и серебряные (сребреники) монеты с собственным портретом. Кстати, это единственное дошедшее до нашего времени изображение князя: в отличие от отца, он носил не только усы, но и небольшую бородку. Всего на сегодня известно 11 златников и несколько сотен сребреников разных типов.

златник Владимира. фото из Википедии

Глава 6. Сыновья Владимира

Не успели русичи оплакать Владимира, как его сыновья начали резню, выясняя, кто более достоин верховной власти. Впрочем, кровь могла политься еще раньше, ведь за год до смерти великого князя его сын, новгородский князь Ярослав решился на разрыв с Киевом. По обычаю собранная в Новгороде дань делилась на две неравные части: треть оставлялась наместнику для содержания дружины, а остальное отсылалось в Киев. Всего в год Новгород выплачивал три тысячи гривен. Чтобы было понятнее, гривна составляла около двухсот грамм серебра, так что сумма налогов равнялась шестистам килограмм серебра. Ярослав в 1014 году отказался делиться собранными средствами со столицей, а когда посланцы отца ему намекнули, что так в приличных семьях не делается, принялся набирать в свою дружину наемников, после чего стало ясно, что уступать он не будет. Впрочем, вероятно, что новгородский князь решился бросить вызов отцу не только из-за денег. Мы ведь уже видели, что старый князь собирался в обход старших братьев передать престол Борису, так что демарш Ярослава мог быть вызван именно этим. Сойтись в бою сыну с отцом не пришлось из-за смерти последнего.

Свято место пусто не бывает. Вот и освободившийся великокняжеский стол недолго пустовал. В последние дни Крестителя в Киеве находились его сыновья князья Борис и Святополк, но первый с дружиной отправился в степь погонять печенегов, и в момент смерти отца его в столице не было. Второй же был в городе, но имелся маленький нюанс: он вместе с женой находился под арестом. Киевляне посоветовались-посоветовались и решили, что арест был делом сугубо семейным, а город без власти быть не может, поэтому выпустили из заточения Святополка. По праву старшего в роду он занял трон.

В этот момент киевские гонцы на берегах реки Альты находят возвращающегося из похода Бориса и докладывают о смерти Владимира и воцарении Святополка. Узнав новости, наиболее решительные дружинники предлагают не мешкая идти на Киев, взять город штурмом, изгнать Святополка и посадит на престол Бориса.

Можно представить, как загорелись глаза у дружинников. Ведь они сейчас способны легко ворваться в Киев, изгнать Святополка, а под шумок можно будет реквизировать немного добра у купцов да святополковых бояр. Ну а потом взошедший на трон Борис должен будет щедро отблагодарить своих «благодетелей». Кому война, а дружинникам – мать родна, ведь именно войной они добывают свой хлеб. Однако Борис дружину серьезно разочаровал, объявив, что поднимать мятеж против старшего брата, который ему теперь будет вместо отца, не намерен. Почесав в затылках и сплюнув на пыльную землю, дружинники разошлись по домам. А что еще, спрашивается, им делать, раз драки не предвидится? Сам Борис остался с несколькими слугами на реке Альте, где разбил свой лагерь.

Положение нового киевского князя было не самым завидным. Сидевший в Новгороде Ярослав его власти не признавал. Мстислав, правивший в далекой Тмутаракани, тоже не горел желанием склониться перед братом. Племянник Брячислав в Полоцке хоть и открыто не претендовал на Киев, но тоже внушал опасение… А у каждого из этих князей дружины были не слабее великокняжеской. В общем, предстояло или смириться с разделом Руси, или силой принудить братьев к покорности. Да ведь и братья-то тоже понимали, что на Руси должен быть один хозяин. Только вот мнения, кому быть этим самым хозяином, разделились. Почему это Святополк решил, что именно он главный? Мстислав, прославившийся храбростью и военными успехами, или успевший поправить Ростовом и Новгородом эффективный хозяйственник Ярослав вовсе не считали брата лучше себя. Так что как ни крути, а заварушка в княжеской семье предвиделась изрядная.

Святополк решил действовать первым, а так как никто из братьев не внушал ему доверия, то он решил расправиться со всеми. Первый свой удар Святополк нанес по Борису. Казалось бы, зачем, раз тот признал старшего брата своим господином? Но Святополк рассудил, что это сейчас Борис друг, а как обернется в будущем, неизвестно. Поэтому, готовясь к большой войне с Ярославом, он решил уничтожить всех братьев, до каких мог дотянуться.

Борис по складу характера и воспитания был бы хорошим священнослужителем. Он с детства воспитывался в православии, любил читать священные книги и жития святых, много молился, отличался милосердием. В общем, Борис вырос высокодуховным и моральным юношей, а вот холодной расчетливостью и жестокостью, нужной правителю и полководцу, он не обладал. В итоге он первым в нашей истории доказал, что романтикам в политике делать нечего. Когда посланные Святополком убийцы прискакали к шатру Бориса, тот уже знал, для чего они прибыли. По примеру христианских мучеников первых веков князь решил принять смерть без сопротивления и погрузился в молитву. Так он и погиб, заколотый копьями во время молитвы. При этом убийцы не смогли сразу нанести смертельный удар, и им пришлось несколько раз добивать Бориса. Вместе с князем погибли и его слуги.

Следующими жертвами киевского князя стали Святослав Древлянский и Глеб Муромский. Святослав, не имея сил сопротивляться, попытался бежать то ли в Чехию, то ли в Венгрию, но был настигнут дружинниками Святополка и убит.

Как только пролилась кровь Бориса, Предслава – жившая в Киеве дочь Владимира от Рогнеды – послала в Новгород гонца, чтобы предупредить Ярослава о коварстве их брата. Ярослав в свою очередь послал гонца к Глебу с предупреждением. Одновременно и Святополк послал к Глебу гонца, который должен был сообщить, что князь Владимир заболел и срочно хочет увидеть сына. Первым прибыл посланник великого князя и Глеб, поверив, отправился в столицу. По пути он получил письмо Ярослава, но решил встретить свою судьбу лицом к лицу. По примеру Бориса Глеб встретил убийц без сопротивления и погиб во время молитвы.

Борис и Глеб. икона

Братья показали новый для Руси стереотип поведения – ведь они пожертвовали собой ради того, чтобы страна избежала кровавой усобицы. Кроме того, они ценой своих жизней следовали заповеди «возлюби ближнего своего» и отказались поднять руку на старшего брата. Вскоре над могилами Бориса и Глеба стали происходить чудеса, а затем они были канонизированы Православной церковью как страстотерпцы. Кстати, Борис и Глеб – это мирские языческие имена князей, а в крещении их звали Роман и Давид. Подвиг Бориса и Глеба был использован Церковью для осуждения усобиц, раздиравших Русь. Некоторые читатели могут не согласиться с тем, что отказ братьев от сопротивления был подвигом. Церковную точку зрения на этот вопрос приводить не будем, так как она общедоступна, но вот что пишет уже цитированный автор[39]:

«Глубинная суть страстотерпничества не до конца осознана людьми. Это не просто убийство (или родовое убийство) и принятие жертвой своего положения, здесь все намного глубже. За историю человечества было совершено бесчисленное множество подобных убийств, но святыми страстотерпцами стали единицы. Кто же удостаивался такого названия? Есть души, которые приходят на Землю с особой программой – программой страстотерпничества. Это означает, что при добровольной, смиренной отдаче себя в руки палачей такая душа совершает подвиг – земной и космический, т.к. при этом происходит изменение программ и судеб большого количества окружающих их людей. Иногда изменяется ход истории.

Святые Борис и Глеб сумели совершить этот подвиг. Если бы они противились своей программе и остались живы (а такой вариант тоже мог бы произойти), то христианство на Руси могло бы пошатнуться. Своей добровольной жертвой они укрепили стержень нового учения и распылили на Землю необходимые энергии. После своей смерти они фактически обрели бессмертие на Земле (их мощи нетленны) и проложили чистый широкий канал, связывающий Русь с высшими духовными планами. Князь Владимир, несмотря на крещение, не сумел при жизни соединиться душой с этими высочайшими небесными сферами, а значит, и не обеспечил поступление стабильных небесных потоков на русскую землю. Смуты, резня, беспорядки, непринятие христианства многими или чисто формальное крещение препятствовали выведению Руси в зону стабильности духовных потоков. Они были прерывисты, подобны каплям дождя, и могли прерваться в любой момент, если бы не было подобной жертвы. После смерти Бориса и Глеба Русь не смогла свернуть с пути христианства ни при каких условиях».

Заканчивая рассказ о Борисе и Глебе, нужно сказать, что существует версия о том, что в гибели братьев виновен не Святополк, а как раз Ярослав Мудрый. Впервые эта идея возникла после того, как в 1834 году на русский язык была переведена «Сага об Эймунде». В этом произведении рассказывается о приключениях отряда скандинавских наемников, отправившихся на службу к русскому князю. Среди их подвигов сага говорит об убийстве одного из братьев-князей.

На эту сагу любят ссылаться те, кто обвиняет Ярослава в убийстве братьев Бориса и Глеба. Однако, скорее всего, они сами сагу не читали. Хотя она доступна, несколько раз издавалась на русском языке, к тому же как минимум в двух вариантах перевода от разных переводчиков. Что можно сказать по этому поводу? После очень внимательного прочтения этого произведения с полной ответственностью утверждаю, что найти в ней свидетельства против Ярослава могли только люди с **очень** большим воображением.

Кстати, доверять данным, изложенным в скандинавских сагах или наших былинах, нужно с большой осторожностью, ведь это художественные произведения, призванные прославить героев. Достоверность при этом часто отходила на второй план, а когда от момента

[39] http://www.liveinternet.ru/users/1590566

возникновения саги до её записи на бумаге (т.е. формы, в которой она дошла до нас) сменилось несколько поколений певцов, то от изначального произведения могла остаться только общая канва. Вот и Сага об Эймунде датируется концом четырнадцатого (!) века, т.е. от описанных в ней событий её отделяют триста лет. Так что в саге есть и отражение реальных событий одиннадцатого века, и откровенные выдумки.

Итак, о чем рассказывает сага. К моменту прихода на Русь главных героев, варяга Эймунда с дружинниками, Русь разделена на три части, в которых правят князья-братья, дети конунга Вальдамара. Одной частью страны владеет **старший** брат конунг Бурислав (Бурислейф в других переводах), другими княжествами правят князья Ярицлейв и Вартилав. Княжества соответственно названы Кенугард, Хольмгард и Пальтескью, т. е. Киев, Новгород и, скорее всего, Полоцк. Варяги нанимаются на службу к Ярицлейву, причем обе стороны отчаянно торгуются о размере оплаты. Потом, по ходу саги князь несколько раз будет пытаться «кинуть» наемников, не заплатив им.

Между Ярицлейвом и Буриславом идет война, причем Бурислав непрерывно атакует. Сначала Бурислав терпит поражение в открытом бою, потом он с новым войском нападает на Хольмгард, но его штурм с трудом отбивают Ярицлейв и варяги. В конце концов, Эймунд тайно пробирается в лагерь Буриславa и убивает его спящего. Когда он приносит к Ярицлейву отрубленную голову брата, князь вместо оплаты пытается в очередной раз «кинуть» варягов, и те отправляются на службу к третьему брату Вартилаву.

Между оставшимися в живых братьями вспыхивает борьба, но варяги захватывают жену Ярицлейва, и тот вынужден заключить мир, по которому ему достается Хольмгард, а Вартилаву – Кенугард. А вот третье княжество – Пальтескью получает герой саги варяжский конунг Эймунд, который правит там до самой смерти, а потом передает власть своему побратиму.

Вартилав же прожил после заключения мира всего три года, заболел и умер, а его земли отошли к Ярицлейву.

Вот, собственно, и вся сага. И на каких основаниях можно сделать вывод о том, что Бурислав и Борис это одно лицо? Ни на каких. Единственный аргумент в пользу того, что в саге под именем Бурислав рассказывается о Борисе – это то, что и того, и другого убили. Зато доводов в пользу того, что Бурислав не Борис, можно привести немало. Начиная с того, что Бурислав назван старшим братом, а Борис-то младший.

Кстати, по саге Бурислав вовсе не невинная жертва, как летописный Борис, а агрессор, получивший достойный отпор.

Что, по моей версии, было на самом деле? Отряд скандинавских наемников прибыл поискать счастья на Руси. Вел их конунг Эймунд. Наемники нанялись к князю Ярославу и под его знаменами участвовали, как минимум, в одной войне, после чего отправились восвояси. Дома же длинными зимними вечерами они под бражку хвастались своими подвигами, а чтобы расположить сердца золотоволосых дев, щедро добавляли в рассказы хвастливые байки. Благо Русь далеко, кто проверит…

Варяги прибыли на Русь при князе Ярославе, но судя по саге, они появились уже после завершения первой части усобицы, то есть к этому моменту Борис, Глеб, Святослав и Святополк уже погибли. Русь действительно в это время была разделена на три части:

– Полоцкое княжество, где правил Брячеслав Изяславич (он и есть Бурислав);

– Новгород, где сидит Ярослав;

– Левобережье Днепра с центром в Чернигове, где правил князь Мстислав (Вартилав в Саге).

Киев при этом был сначала захвачен Мстиславом, но потом перешел под власть Ярослава, но тот так туда и не приехал. Так что, будучи формально Великим князем Киевским, Ярослав до самой смерти Мстислава предпочитал находился в Новгороде.

Первая часть саги, скорее всего, достаточно правдива, уж очень красочно переданы денежные вопросы, договоры князя и наемников, условия их быта. При этом князь Брячислав действительно несколько раз нападал на новгородские земли и его отбивал Ярослав. В этих столкновениях и принимали участие герои саги. Единственное несовпадение – князь Брячислав дожил до 1044 года, а Эймунд со товарищи покинули Ярослава еще при жизни князя Мстислава-Вартилава, т.е. до 1036 года. Так что, несмотря на свои поражения, полоцкий князь, скорее всего, погиб не от варяжского меча, а его убийство конунг Эймунд себе просто приписал. А вот вторая часть саги, начиная с ухода со службы Ярослава, – это уже «развесистая клюква». Особенно впечатляет конец, по которому варяг становится князем и правит третью Руси. Сказка, да и только! Ну, не правили бродячие наемники русскими княжествами.

***

За свои братоубийства князь Святополк получил обидное прозвище Окаянный, то есть подобный Каину, с которым и вошел в историю. Пожалуй, он по праву может поспорить за звание самого одиозного правителя Руси. Хотя, если судить беспристрастно, то у него были смягчающие обстоятельства. Это Владимир считал Святополка своим сыном, а его дети относились к нему как к брату. А что по этому поводу думал сам князь? По крови-то он был сыном Ярополка! Значит, начиная охоту на Владимировичей, он вполне мог оправдать себя тем, что мстил детям убийцы за своего отца. Кровную месть ведь еще никто не отменял. Конечно, Владимир усыновил его и воспитывал как сына, потом дал в удел богатое и стратегически важное Туровское княжество, граничившее с Польшей. Но могло ли это примирить Святополка с убийцей отца? Ведь повзрослев он, несомненно, узнал о своем настоящем происхождении и о позоре матери, насильно взятой Владимиром в жены. Так что в душе князя могли бушевать страсти гигантского накала, верность вырастившему его Владимиру Святославичу боролась с желанием отомстить и занять трон отца. Понимал ли князь-креститель, насколько опасен пасынок? Да, понимал, поэтому при первой же попытке Святополка выйти из-под контроля схватил его и засадил в темницу.

Но вот князь Владимир отошел в лучший мир, и Святополк может расправить плечи и вздохнуть свободно. Он к этому моменту уже разменял четвертый десяток лет, успел взять в жены дочь польского короля Болеслава Храброго[40] и был готов взять под свою руку всю Русь. Понимая, что серьезной борьбы с оставшимися братьям не избежать, Святополк договаривается о помощи со своим тестем Болеславом и былыми друзьями отца – печенегами. Последние помнили времена Ярополка, поэтому на их верность новый князь мог положиться. Кроме того, щедрыми дарами князь постарался перетянуть на свою сторону киевлян. Уверенный в своих силах, он в 1016 году выступил в поход против Ярослава.

У того ситуация была более сложной. Готовясь к войне с отцом, он нанял себе немало иноземных дружинников, прежде всего, шведов, с которыми он породнился, взяв в жены Ингигерду[41], дочь шведского короля Олафа I Скотконунга из рода Инглингов. Однако, начало боевых действий затягивалось. и оставшиеся без дел в чужой стране наемники стали буйствовать, грабить и задирать горожан. Без настоящего дела дисциплина в сборной армии Ярослава падала, и случилось неизбежное. Обозленные бесчинствами чужеземных наемников новгородцы взялись за оружие. Конечно, это не была поголовная резня наглых чужаков, но под топорами и мечами горожан полегло неизвестное количество варягов. Лето-

[40] Справедливости ради заметим, что тогда Болеслав был еще князем, а Польша соответственно княжеством. Королевский титул он получит из рук католических епископов немного позднее.

[41] От имени этой княгини земля, расположенная по берегам Невы, между Финским заливом, рекой Нарвой, Чудским и Ладожским озерами, получила наименование Ингерманландия. Кстати, Ингигерда была внучкой обордритского князя, так что в её венах текла на четверть и славянская кровь.

пись говорит: «Новгородцы восстали и перебили варягов во дворе Поромоньем». Так что число убитых варягов не могло быть больше, чем их находилось во дворе неизвестного нам Поромона. Каким бы большим ни был двор знатного новгородца, вряд ли там могло поместиться больше сотни-двух человек. Так что число в сотню погибших варягов – это максимум, но если бы убили всего несколько человек, то это событие не вошло бы в летописи. Вероятно, погибло от нескольких десятков до сотни человек. С одной стороны это и не много, с другой это был опасный прецедент, который мог вылиться в полномасштабную войну, тем более что скандинавы очень чтили закон кровной мести. Кроме того, погибшие были дружинниками князя, а значит, их убийство было вызовом самому Ярославу.

Поэтому князь, который находился в этот момент за городом в селе Ракоме, действовал быстро, жестоко и совсем не благородно. Он вызвал к себе, якобы для примирения, убийц и казнил их. Этим он успокоил варягов. И в этот момент к нему приходят вести о смерти отца, гибели Бориса и начале княжения в Киеве Святополка.

Теперь судьба князя была в руках новгородского веча. Простят ему новгородцы казнь своих товарищей – значит, в борьбе с братом он сможет опереться на сильнейшее княжество Руси. Не простят – останется Ярослав только с личной дружиной.

На следующий день князь прискакал в город и вышел к собравшимся на вече новгородцам. Он был красноречив. Не гордым князем вышел он, а расчетливым политиком. Знал Ярослав, как найти подход к своим подданным. Рассказывал им о безумии, в которое впал, когда казнил новгородцев, жаловался на козни братоубийцы Святополка, прельщал собравшихся добычей, которая достанется его друзьям после победы над Киевом. Родне каждого убитого дал выкуп золотом… И в итоге новгородцы, посовещавшись, рассудили, что убитых не вернешь, их кровь смыта выплатой денежной виры[42], поэтому ссориться с Ярославом причин нет. Зато перспектива посадить своего князя на Великое княжение в Киеве была очень заманчива. Забыв обиды, варяги и новгородцы объединились и под стягом Ярослава двинулись на Киев. Очень интересно, что численность варягов все источники определяют в тысячу воинов, а вот о численности остальной части армии источники расходятся более чем в десять раз, от 3 до 40 тысяч человек. Если прав автор Лаврентьевской летописи, написавший: «И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов 40 000», то это была очень внушительная сила по средневековым меркам. Хотя возможно, что тут речь идет не только о собственно войнах, но и об их слугах, обозниках и прочих «нестроевых» работниках. Впрочем, какова бы ни была численность армии Ярослава, киевско-печенежское войско Святополка было таким же, а то и большим.

Армии братьев-соперников встретились у города Любеч в современной Черниговской области и расположились на противоположных берегах Днепра. Этот город был одним из древнейших на Руси. Из него родом был основатель Киево-Печерской Лавры преподобный Антоний Печерский и, по одной из версий, мать князя Владимира Великого, Малуша. Еще не раз у его стен будет решаться судьба страны.

Три месяца армии простояли, не решаясь начать бой. При этом дружина Святополка и их союзники-печенеги стояли двумя отдельными лагерями, которые были разделены узкой, но глубокой протокой-озером. Киевляне, в рядах которых стояли старые и опытные дружинники святого Владимира, свысока отнеслись к новгородцам, за что жестоко поплатились. Уже известный нам воевода Волчий хвост, разъезжая по своему берегу, не упускал возможности подразнить северян, упрекая их в трусости, браня Ярослава и обзывая новгородцев плотниками, которых заставит строить дома в Киеве. Последнее было очень болезненно, ведь новгородцы-то, хоть и в большинстве своем не были профессиональными дру-

[42] Ви́ра – древнерусская мера ответственности за преступления, в частности за убийство, выражавшаяся в выплате виновником денежной компенсации. Величина виры зависела от знатности и общественной значимости убитого.

жинниками, считали себя воинами, а тут их кто-то так жестоко оскорбляет? Да еще перед тысячами свидетелей! Это все равно, что прошедший не одну войну спецназ прилюдно обозвать штатским сбродом. Долго бы терпели краповые береты такое сегодня?

В общем, делегация от обиженных новгородцев заявилась в шатер к своему князю и объявила, что какие бы у князя планы ни были, они начинают бой, а если кто с ними не пойдет в атаку, а не дай Бог, еще и станет их останавливать, того они сами зарубят. На рассвете они переправились на вражеский берег и стремительно атаковали врага. Чтобы никто и не думал об отступлении, переправившись, они оттолкнули свои лодки от берега, а для того, чтобы отличать в темноте своих от врагов, повязали головы белой материей.

Святополк же в эту ночь пировал с приближенными, так что ни он, ни его воеводы не смогли вовремя и адекватно среагировать на нападение. Однако бой был жарким. Смешавшиеся, не успевшие надеть доспехи, оставшиеся без руководства киевские дружинники все равно рубились ожесточенно. Наконец, их оттеснили к протоке и сбросили в воду, где многие утонули, пытаясь перебраться в половецкий лагерь.

В итоге, Волчий Хвост погиб, Святополк, понявший, что совершенно разбит, с телохранителями бежал в Польшу. Половцы на помощь гибнущим союзникам так и не пришли.

Торжествующий Ярослав, окруженный ликующей дружиной, вступил в Киев. Отныне он был Великим князем. От роду ему было всего двадцать восемь лет. Есть в летописи интересная запись об этом времени: «Ярослав пошел в Киев, и погорели церкви». Больше никаких подробностей. Вот и гадай теперь, связаны эти события, или нет. А если связаны, то как? То ли в момент, когда победители грабили дворы бояр Святополка, вспыхнул пожар, который перекинулся на церкви? То ли сами церкви стали объектом недружественных действий? Ведь среди пришедших с Ярославом воинов были и язычники. В общем, загадка.

Новгородцам в качестве платы за помощь Ярослав дал льготную грамоту, по которой их город получал немало прав. Именно с этого документа началось создание особой системы власти в Новгороде, когда вече было в праве самостоятельно приглашать и изгонять из города князей. Довольные новгородцы вернулись к себе со славой и добычей.

Однако, всего через два года Святополк вернулся, чтобы снова бросить вызов брату. Теперь он опирался на армию своего тестя Болеслава Храброго, который был не прочь под шумок присоединить Русь или хотя бы её часть к своим владениям.

Ярослав двинулся навстречу врагу, но на берегах Буга был наголову разгромлен. Исход этого сражения был решен дерзкой и стремительной атакой Болеслава. Польский король сходу форсировал реку и лично повел в атаку своих воинов. Русские не ожидали от противника такой прыти и не сумели подготовиться к отпору. Единственное, что хоть как-то может оправдать наших предков, так это тот факт, что Болеслав был в то время лучшим полководцем Европы. До вмешательства в русские дела он уже успел победить чехов и саксонцев, захватил Моравию и часть Словакии, на равных повоевать со Священной Римской империей германской нации…

Ярослав бежал в Новгород и уже подумывал вообще оставить Русь, перебравшись на ПМЖ в какую-нибудь скандинавскую страну. И опять инициативу в свои руки взяли новгородцы. Они во главе с новгородским посадником Константином, сыном Добрыни, уничтожили княжеские ладьи. В конце-то концов новгородцы-то один раз уже разгромили Святополка. Смогут и повторить, раз возникла такая необходимость. И польские союзники врага их особо не пугают. Вот только им нужен подходящий повод для войны. А защита прав законного князя Ярослава – лучшая причина еще раз сходить в Киев. Ежели у князя после поражения внезапно миролюбие пробудилось, то это не беда. Переубедим, если понадобится, то и силой.

Чтобы восстановить княжескую дружину, новгородцы даже скинулись и наняли варягов. Руководствовались они следующими соображениями. Новгородское ополчение – это

хорошо, но профессиональные воины никогда лишними не будут, а победа покроет все затраты.

Так что новгородцы буквально выпихнули Ярослава в новый поход.

На юге же Святополк и Болеслав, почти не встречая сопротивления, занимали город за городом и, наконец, в августе вступили в Киев. Номинально великим князем был Святополк, хотя реальная сила была в руках польского владыки. Пользуясь этим, Болеслав захватил себе немало сокровищ в Киеве. Затем он приказал разместить свою армию по русским городам на постой, причем содержать поляков должны были местные жители. Русским это не понравилось. Князь Святополк в глазах подданных стремительно терял авторитет и превращался в польскую марионетку. Да и сам князь почувствовал это и попытался сбросить с себя назойливую опеку родственничка. По летописным данным, он приказывает перебить поляков во всех городах. Поскольку этот приказ абсолютно соответствовал желаниям простого люда, то немедленно началось антипольское восстание. Сам Болеслав с награбленной добычей благополучно вырвался из Киева, а вот его размещенные по всей южной Руси разрозненные отряды понесли жестокие потери. В итоге Болеслав отказался от попыток подчинить себе всю Русь, но под его властью остались Червенские города.

Только Святополк почувствовал себя полновластным владыкой, как приходит известие, что в поход на Киев двинулся Ярослав. Наверняка, Святополк ругал себя последними словами за избиение поляков. Слишком уж он поторопился с расправой над союзником, который так был сейчас необходим.

Князь бросает Киев на милость брата и бежит в степь за печенегами. Собрав под свои знамена кочевников, Святополк пытается переломить ход борьбы и вторгается на Русь. Это его последний шанс, и он это хорошо понимает. Символично, что местом для последней битвы братьев стали берега реки Альты, где погиб Борис. На месте, где четыре года назад начал свой кровавый путь к власти Святополк, для него все и закончилось.

Перед боем Ярослав вышел вперед и став на место, где убили Бориса, воздел руки к небу и произнес речь-молитву. «Кровь брата моего вопиет к тебе, Владыка! Отомсти за кровь праведника сего, как отомстил ты за кровь Авеля, обрек Каина на стенание и трепет: так обреки и этого! Братья мои! Хоть и отошли вы телом отсюда, но молитвою помогите мне против врага сего – убийцы и гордеца». Молился ли он искренне или взывал к Божьей справедливости для поднятия духа своих воинов – неизвестно, но русские шли в бой, чувствуя, что если погибнут, то за правое дело.

Сражение было страшным и кровопролитным. По словам летописца, противники рубились так, что «текла кровь по низинам». Трижды сходились армии, и лишь к вечеру печенеги были разгромлены. Святосполк снова бежал, к тому же поражение сломило его морально. Вдобавок ко всем бедам, окаянного князя разбил паралич, так что слуги его несли на носилках. Он же в панике подгонял их, крича, что их настигает погоня. Где сгинул неудачливый сын двух отцов – неизвестно. В Повести временных лет говорится о земле между чехами и поляками, но в то время это было не описание конкретного места, а фразеологизм, означающий «неизвестно где».

Битвой на Альте завершился период борьбы Ярослава и Святополка, но усобица на Руси не прекратилась. Независимым и опасным оставался князь Мстислав Тмутараканский, еще один сын Владимира. Кроме того, нуждался в постоянном контроле племянник Брячеслав в Полоцке. Действительно, стоило великому князю отвлечься, как Брячислав в 1021 году устроил налет на Новгород, где захватил немало добра и пленных. Ярослав с дружиной догнал нахального родственника и на реке Судоме отбил добычу. Добивать полоцкого князя Ярослав не стал, благо тот получил достаточный урок и больше угрозы не представлял.

Младший из выживших сыновей Владимира, Судислав, правил в Пскове и угрозы Киеву не представлял. Однако, на всякий случай Ярослав захватил его и заточил в тюрьму-

поруб. Двадцать четыре года провел несчастный Владимирович в заключении. Только после смерти Ярослава Мудрого его дети выпустили дядю, предварительно взяв с него клятву не участвовать в политике.

Но с Мстиславом так легко нельзя было разобраться. Этому сыну Владимира при разделе Руси досталось самое необычное из русских владений – Тмутараканское княжество, находившееся на современном Таманском полуострове. Центром его был древний город, основанный еще в шестом веке до нашей эры греками и известный как Гермонасса, Самкерц, Таматарха или Тмутаракань. Владевший городом мог контролировать весь Азовско-Кавказский регион, поэтому за свою историю Тмутаракань сменила много хозяев. Русы появились в нем при князе Игоре Старом, а князь Святослав присоединил его к владениям Руси. Особенностью этого княжества было, во-первых, то, что от остальной Руси оно было отрезано владениями кочевников. Во-вторых, у княжества было этнически очень пестрое население.

Из-за этого тмутараканский князь оставался немного в стороне от политической жизни Руси и не участвовал в резне со Святополком. Зато у Мстислава хватало забот и на месте. Княжество окружали враждебные народы, поэтому над ним постоянно висела угроза нападения. Чтобы обеспечить безопасность своих владений, Мстислав вел постоянные войны, покоряя соседей – алан (ясов) и адыгов (касогов).

В 1022 году тмутараканское войско Мстислава вторгается в касожские земли и встречается с войском местного князя Редеди. Тот, прославленный своей силой, предложил решить исход войны поединком вождей. Победителю доставалась бы власть и над Тмутараканью и над касогами, а побежденного ждала бы смерть. Редедя же предложил и вид поединка – противники должны были бороться. Подозреваю, что такой выбор был более удобен для него, чем, к примеру, поединок на мечах или кулачный бой. Ведь у кавказских народов именно борьба культивировалась как национальное единоборство. Так что опытный борец, к тому же еще более крупный телом, Редедя имел преимущество. Чтобы не потерять лицо, русский князь согласился на эти невыгодные условия. И победил. Точнее, сначала наш воин проигрывал: «*в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: „О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое“. И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю. И, пойдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, придя в Тмутаракань, заложил церковь святой Богородицы и воздвиг ту, что стоит и до сего дня в Тмутаракани*». Фраза «выхватил нож, и зарезал» звучит немного не благородно, но таковы уж были условия поединка. Кавказец в прямом смысле слова сам напросился. По преданию, два сына Редеди были крещены Мстиславом и от них пошли многие боярские фамилии – Белеутовых, Сорокоумовых, Добрынских и другие…

Единоборство Мстислава Владимировича с касожским князем Редедей. Художник А. Иванов

В следующем году князь Мстислав, собрав сильную армию из своих разноплеменных подданных, в том числе, и только что покоренных касогов, двинулся на Киев. Ярослав же в это время был в Суздале, где усмирял вспыхнувшее против него восстание. Но даже без князя киевляне решились сопротивляться и заперлись в городе. Мстислав не стал штурмовать укрепленный город и отошел к Чернигову, жители которого признали его своим князем.

Ярослав по привычке отправился в Новгород для сбора войска против брата. В 1024 году возле Листвена, в сорока километрах от Чернигова, произошла битва Мстислава с Ярославом.

На стороне киевского князя сражались новгородцы, киевляне, но основной ударной силой были варяги, которыми командовал воспетый Алексеем Константиновичем Толстым воевода Гакон (Якун) Слепой. Дружина Мстислава состояла из русских тмутараканцев, касогов, хазар и черниговцев-северян[43]. Армия Ярослава шла в бой, построившись в плотную фалангу, а Мстислав выстроил армию отдельными отрядами. При этом на самом угрожаемом участке в центре, он поставил своих новых подданных – северян, а проверенная в боях дружина была отведена в резерв на фланги.

Более растянутое и по фронту, и в глубину построение войск Мстислава увеличивало маневренность и управляемость его армии. Он рассчитывал, что первый удар на себя примет центр, «чело» состоящее из менее профессиональных черниговцев. Пока воины Ярослава будут проламываться через ряды черниговского ополчения, лучшие силы Мстислава на кры-

[43] Летописец называет жителей Черниговского княжества северянами, по наименованию племенного союза, центром которого был Чернигов, хотя в это время уже шел процесс стирания межплеменных различий внутри русского народа.

льях будут незадействованными. Когда же напор противника иссякнет, отряды с флангов нанесут свой удар.

Сражение начал Мстислав, причем, начал его ночью. Казалось, сама природа прониклась грозной торжественностью момента. Взаимная резня проходила под аккомпанемент раскатов грома, а освещалась эта мясорубка лишь блеском молний. Летописец в нескольких строчках сумел передать грозное величие момента: «*И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: „Пойдем на них“. И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами, и трудились варяги, рубя северян*, *и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна».*

Ярослав был разбит и с остатками дружины бежал в Новгород. Вместе с ним бежал и слепой Гакон, потерявший при этом шитую золотом накидку. Торжествующий Мстислав на рассвете бродил между трупами и осматривал поле боя. Летопись сохранила его слова: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». Циничные слова настоящего полководца и политика. Теперь он мог стать единоличным правителем Руси, но не захотел. Вместо этого он предложил Ярославу разделить Русь, сказав: «Садись в своем Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра». Братья заключили мир и, по словам летописца, начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране.

В 1031 году братья совершили успешный совместный поход в Польшу. Им удалось вернуть под власть Киева потерянные еще при Святополке города Перемышль и Червен. Кроме этого, они захватили много пленных, которых разделили между собой. А дальше – угадайте, что случилось с пленными? Думаете, их продали в рабство? А может, князья потребовали выкуп с их родни? Ничего подобного. Поляков просто расселили в малолюдных землях Руси. Например, Ярослав своих пленных поселил вдоль реки Рось. А почему бы и нет? Землю пахать могут, налоги будут платить, а заодно и от набегов кочевников худо-бедно смогут русские земли прикрыть. Учитывая, что в то время различия между русскими и поляками были еще минимальными, то переселенцы вскоре полностью растворились среди местных жителей.

Став черниговским князем, Мстислав не забывал и о Тмутаракани. Несколько раз он отправлялся в военные походы на Кавказ. Умер Мстислав в 1036 году, и его земли отошли к Ярославу, так как единственный сын и наследник Мстислава погиб раньше отца. «Был же Мстислав могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей», – отмечает летописец.

С этого момента у великого князя киевского начинается новый этап жизни, который принесет ему уважение подданных и потомков. Но сначала пришлось выдержать еще один кровавый экзамен.

После поражения Святополка на Альте печенеги надолго исчезли из русских летописей. Кочевники в это время зализывают раны, и сил на большую войну с Русью у них нет. Однако в начале тридцатых годов на южной границе начало наростать напряжение. Печенеги ждали удобного момента для нанесения удара и, узнав о смерти непобедимого Мстислава, в 1036 году вторглись на Русь. Похоже, что в этом походе приняли участие все или почти все кочевые племена Причерноморья. Степняки прорвутся до самого Киева и возьмут русскую столицу в осаду. Ярослава же, как всегда, не окажется в нужном месте, он в этот момент находится в своем любимом Новгороде. Собрав дружину, Ярослав бросается спасать свою столицу.

Врага было значительно больше, но отступать было некуда. Да и нельзя. Ярослав сходу прорывается в город, а на следующий день выходит за крепостные стены, чтобы дать бой. В центре князь поставил варягов, на правом крыле киевлян, на левом – новгородцев. Грандиозное сражение длилось до вечера, кочевники были разгромлены и бежали врассыпную. «*И побежали печенеги, и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные же в других реках, а остаток их бегает где-то и до сего дня*». Летописец особо не отмечал, каким было войско Ярослава, но скорее всего, значительная часть русских дружинников была конной. Иначе как было разгромить конных печенегов? Да и тонуть в реках при бегстве печенеги могли, только если за ними по пятам шли преследователи.

Под киевскими стенами была перемолота сила целого народа. Больше печенеги Русь не потревожат. Хотя и того, что они успели натворить, было немало. Например, под их давлением племенные союзы уличей и тиверцев были частично вырезаны, частично выдавлены с родной земли в низовьях Днепра на север.

За три поколения, проживших под постоянной угрозой печенежского набега, Русь сильно изменилась. Наши предки сами стали кавалеристами не хуже, чем степняки. Опасность заставила даже простолюдинов изучать военное дело и быть постоянно готовыми к бою. Кроме того, грандиозные усилия Владимира и Ярослава по укреплению южной границы дали неожиданный результат. Военные поселенцы, набираемые со всей Руси, в пограничных гарнизонах становились постоянным войском нового типа, сплоченным не личностью вождя, а идеей служения Отечеству, государству. Тут быстрее всего из отдельных родов и племен выковывался единый русский народ.

На печенегов же свалилось новое горе: из-за Волги в Причерноморье двинулись торки (огузы), еще один тюркский народ. Печенегов они не любили и церемониться не собирались. Раз уж их враг получил рану, его нужно добить. Уцелевшие печенеги, бросая все, откочевывают на Балканы, где станут головной болью Византии.

Последний этап жизни печенегов зафиксирован документально, так как византийская принцесса Анна Комнин оставила подробную хронику дел своего отца Алексея, который окончательно решил печенежский вопрос.

Когда разгромленные русскими, теснимые торками и половцами печенеги появились на границах империи, перед греками стал вопрос, что же делать с эти буйным сбродом. Для начала они переманили на свою сторону одно из печенежских племен, вождь которого Кеген был недоволен своим положением среди соплеменников. Этим печенегам для поселения были отведены земли в придунайской Болгарии. За это они должны были защищать границы империи от нападений своих сородичей. Принявшие покровительство империи печенеги даже крестились. В итоге одни печенеги убивали других на радость соседям. Но зимой 1048 года вся дикая орда перешла замерзший Дунай и ворвались в Болгарию. Пользуясь слабостью имперских войск, кочевники разграбили все, до чего смогли дотянуться. Кстати, византийскими войсками командовал Кеген, который уже был непримиримым врагом своих бывших соплеменников. Это было естественно, так как значительная часть имперского войска была из печенегов Кегена.

Византийцам очень повезло: среди дорвавшихся до еды и вина захватчиков началась эпидемия, которая сильно ослабила орду. Византийцы двинулись на врага, но вместо битвы печенежские вожди просто сдались на милость победителям. С горящими глазами Кеген доказывал, что пленных нужно всех перерезать, чтобы потом не было проблем. Слова у него не расходились с делом – тех, кого захватили его воины, он перебил. Однако византийцы не послушали совета и решили превратить пленных в мирных поселенцев, да еще и земледельцев. Десятки тысяч печенегов были поселены в Болгарии, а затем их стали привлекать на военную службу. Несложно догадаться, к чему это привело. Печенеги оправившись от болезней, восстали и принялись за старое. Огромный кусок Болгарии превратился

в неконтролируемое пространство и базу для грабительских набегов. Ошибка императора дорого обошлась его подданным. И тут греки делают еще одну ошибку. Они арестовывают оставшегося верным Кегена. И его печенеги бросают имперскую службу и соединяются с ордой.

Греки посылают целую армию против печенегов, но те умудряются победить и целый год безнаказанно грабят Болгарию, Фракию и Македонию. Летом 1050 года печенеги доходят до Адрианополя, где громят еще одно греческое войско. Два года проходит в мелких стычках, пока сами печенеги не уйдут к Дунаю. Лишь в 1059 году империя сможет собрать силы, чтобы нанести ответный удар. В итоге на годы установится шаткое равновесие, а земли между Дунаем и Балканами будут под полным контролем печенегов.

В 1087 году печенеги снова обрушатся на империю, и начнется полномасштабная война. Вместе с ними пограбить империю отправятся и половцы. Кочевники победят, но при дележе добычи рассорятся и превратятся во врагов. Началась взаимная резня, половцы снова окажутся сильнее, из-за чего печенежские роды существенно поредеют. А затем половцы заключат союз с византийцами. Печенеги окажутся между молотом и наковальней. Половцев вели хорошо известные русским ханы Боняк и Тугоркан, о которых мы еще поговорим.

Наконец в поле у реки Гебра сошлись византийская и половецкая армии и печенежская орда[44]. Император Алексей Комнин, уже не раз битый печенегами, не решался начать битву. К тому же он мало доверял половцам, которые могли легко изменить. Наконец половцам наскучило просто стоять, и они послали императору ультиматум: «До коих пор мы должны будем откладывать битву? Знай, что мы не будем ждать более; завтра с восходом солнца мы будем есть либо волчье мясо, либо баранье». То есть, если император не поведет их в бой против печенегов, то они вместе с печенегами атакуют императора на следующий день. Пришлось Комнину начинать бой. Вскоре сопротивление печенегов было сломлено, и началась беспощадная бойня.

«Полуденное, жаркое весеннее солнце освещало ужасную сцену остервенения; утомленные зноем и жаждой победители готовы были прекратить свою кровавую работу, усталые руки отказывались служить более. Но император Алексей еще раз находчиво распорядился. Он послал гонцов в ближайшие деревни; по их требованию, крестьяне явились к армии и привезли на своих лошаках бочки, кувшины и меха, наполненные водою. Немного освежившись, воины и союзники Алексея снова начали сражение, то есть, беспощадное истребление побежденного врага», – писал историк девятнадцатого века В. Г. Васильевский. Кстати, резали не только воинов, но и вообще всех печенегов. Тридцать тысяч человек были захвачены в плен, но ночью византийцы перебили и этих пленных.

Так, в один день был уничтожен целый народ. На дворе было двадцать девятое апреля тысяча девяносто первого года. Так сгинул этот дикий и на расправу скорый народ, привыкший к войне и смерти. Сегодня только название нового русского ручного пулемета «Печенег» напоминает о некогда грозном враге Руси.

***

Теперь вернемся на Русь. Битва под Киевом стала последним крупным потрясением при князе Ярославе. Теперь внешний враг не угрожает стране, и начинается спокойная мирная жизнь. В честь своей победы на месте битвы князь строит роскошный каменный собор – Святую Софию.

При Ярославе Киев разрастается и получает новую мощную стену. Кроме того, по воле князя строятся целые города.

[44] Т.е. с печенегами были их дети и жены.

В это же время появились первые русские монастыри, вскоре ставшие не только духовными, но и культурными центрами страны. Большое внимание Ярослав уделял обучению подданных грамоте, поэтому при нем возникла и первая на Руси школа, в которой обучались три сотни детей. Любя книжное дело, князь способствовал переводу на русский язык многих византийских книг. Переведенные книги переписывались, и их копии становились доступны для русских людей. При храме Святой Софии действует библиотека. В 1051 году князь собрал епископов и с их одобрения лично назначил нового киевского митрополита – Илариона. Это был первый митрополит, русский по происхождению.

По воле князя на основе традиций и обычаев создается общий для всей страны кодекс законов – Русская правда. Помимо ответственности за уголовные преступления и различные проступки в нем впервые было прописано право девушки самостоятельно решать вопрос о выборе супруга. Теперь родители не могли выдать дочь замуж, если она отвергала жениха. Насколько этот закон действовал, сложно сказать, но все равно – для средневековья это был огромный шаг вперед.

Русь Ярослава признавалась равной всеми ведущими странами того времени. С киевским князем стремились породниться многие западные правители. Так, дочери князя стали женами европейских владык: Елизавета – женой норвежского короля; Анастасия – женой короля Венгрии; а Анна вышла замуж за короля Франции Генриха I.

Ярославу в разное время служило немало знатных, ну или, по крайней мере, известных иноземцев. Например, на службе у киевского князя был будущий норвежский король Харальд Суровый, который попытается завоевать Англию и погибнет в 1066 году в битве при Стамфордбридже. Пережидал тяжелые времена изгнания у Ярослава еще один норвежский король – Олаф Второй, а также его сын Магнус, который тоже со временем станет королем Дании и Норвегии. Нашли прибежище у Ярослава и сыновья английского короля Эдмунда Железнобокого – принцы Эдуард и Эдвин.

При Ярославе состоялась и последняя в русской истории война с Византией. В 1043 году русский отряд под руководством княжеского сына Владимира совершил поход к Царьграду, чтобы наказать греков за ущемление прав русских купцов. К сожалению, поход не удался.

Впрочем, эта бесславная война является исключением в русско-византийских отношениях того времени. В основном два государства выступали если и не как союзники, то как дружественные державы. Русские отряды не раз поступали на службу к константинопольским императорам и участвовали в большинстве войн Византии. Так в 1030 году наши предки участвовали в походе на Алеппо, в 1036 году воевали на кавказской границе империи, а с 1038 по 1042 год русские воины дрались за интересы Царьграда в Сицилии.

Сицилийский поход обещал быть одним из наиболее удачных военных компаний империи, в которой принимали участие русы. Под командованием полководца Георгия Маниака греки заняли восточную часть острова, но затем среди византийского командования произошел раскол, и Маниак был обвинен в измене. Его бросили в тюрьму, а войско раскололось, и все плоды побед были потеряны. Вскоре Маниак освободился, провозгласил себя императором и поднял восстание. Вполне возможно, что он сумел бы сесть на трон, но по нелепой случайности он погиб во время похода на Константинополь в 1043 году. Участвовали ли в этой авантюре русы неизвестно, но его мятеж был в том же году, что и русский поход на Царьград. Возможно, между этими событиями есть какая-то связь. Ведь Великий князь киевский мог поддержать перспективного претендента на императорский трон, ожидая взамен преференций в будущем.

Кстати, Византия в этот период истории находилась в состоянии непрекращающихся смут, а императоры менялись с поразительной быстротой. Так что Ярослав Мудрый мог попытаться активно включиться в имперскую политику. Тем более, что Русь была на подъ-

еме, а империя угасала, хотя по-прежнему считала себя центром мира. Особенно явно это проявлялось в церковной политике. Константинопольский патриарх ревностно следил, чтобы церкви в принявших крещение от Византии странах следовали в его фарватере. В дополнение к этому официальная имперская доктрина провозглашала императора главой всех христианских народов, а их реальных правителей его подданными.

Можно только представить, насколько обидным казалось такое положение дел Великому князю. Тем более, что после того как в 1028 году пресеклась мужская линия правившей империей Македонской династии, в Царьграде творилась сущая кутерьма, и на трон восходили чуть ли не случайные люди.

Вдобавок молодая русская церковь, возглавляемая русским по крови митрополитом Илларионом, избранным без согласования с Константинопольской патриархией, проявляла самостоятельность и даже поддерживала притязания Киева на роль, равную Константинополю. Так что патриарх прислал в Киев своего человека, которого назначил «митрополитом Р**о**сии». Этот посланец по имени Феопемпт своей надменностью настолько оскорбил киевлян, что по воле князя был изгнан, хотя формально и остался главой русской церкви.

Русские послы зачастили в Константинополь с предложением изменить правила игры, но греки не собирались признавать наших предков равными себе. В итоге отношения Киева и Константинополя стали весьма натянутыми, и обе страны были готовы взяться за оружие. Поводом стал инцидент с русскими купцами, на которых в Константинополе напала городская чернь. Во время стычки погиб один из знатных русов. По договору 944 года такое преступление каралось смертью. При этом расправу были вправе совершить родичи погибшего, если убийцу схватили на месте. Если же виновный сбежал, то его должны были поймать и казнить местные власти.

Однако сейчас греки ловить убийцу не захотели. Переговоры были прерваны, и оскорбленное русское посольство отправилось домой. Возможности дипломатии были исчерпаны, и весной 1043 года русский отряд, состоявший из княжеских дружинников, киевского полка и славян-наемников из Прибалтики[45], двинулся на ладьях к Константинополю.

В июле в море у стен византийской столицы состоялся бой, закончившийся разгромом русского войска. Слова «у стен» в данном случае надо понимать буквально. Наши корабли подошли так близко к городу, что перепуганные константинопольцы все происходившее видели воочию. На заре русские ладьи выстроились в линию у входа в городскую бухту[46], в которой стоял спешно стянутый со всех окраин империи византийский флот. Монах и чиновник Михаил Пселл, наблюдавший за боем, написал: «не было среди нас человека, смотревшего на происходящее без сильнейшего душевного беспокойства».

Почти до заката два флота простояли друг против друга в ожидании. Наконец, по приказу императора из Золотого Рога вышли триеры, вооруженные огнеметами с горючей смесью. Как и во времена князя Игоря Старого именно страшный греческий огонь[47] решил исход боя. После короткого сражения русский строй распался, и б**о**льшая часть русского флота бежала из Босфора в Черное море. Многие ладьи сгорели, а их экипажи бросали оружие и вплавь добирались до берега, где их уже поджидала императорская кавалерия. По словам Пселла, греки «устроили тогда варварам (т.е. нашим предкам – С.Б.) истинное кровопускание. Казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море».

---

[45] Т.е. вендов. Надеюсь, читатели не забыли, что в это время славяне все еще владели южным побережьем Балтики

[46] Бухта «Золотой Рог»

[47] Греческий огонь – это смесь нефти, серы, извести, масла и еще нескольких ингредиентов, которой стреляли из специальной установки в виде металлической трубы с сифоном. При выстреле горящая смесь выбрасывалась на двадцать-двадцать пять метров. На суше это было не особо эффективно, зато медленные деревянные корабли оказались идеальной мишенью для средневековых огнеметчиков.

Впрочем, и в Черном море русским не повезло. Началась буря, которая разметала остатки флота, а пустившиеся в погоню византийские корабли[48] устроили настоящее побоище. Лишь ночная темнота спасла русскую армию от полного истребления.

Утром проигравшие подвели итоги. Несколько тысяч русских воинов спаслись с сожженных и потопленных ладей на берегу. Оставшиеся корабли были переполнены и забрать всех не могли. Тогда было решено, что оставшиеся без кораблей будут пробиваться на родину сушей. Этот отряд возглавил киевский тысяцкий Вышата, который добровольно сошел со своей ладьи на берег. Летопись сохранила его слова: «Если выживу, то со всеми, а если погибну, то с дружиной».

Пробиться на Русь не удалось. Отряд был уничтожен, а Вышата и еще восемь сотен русичей попали в плен. По приказу императора они были ослеплены.

Той части руссов, которая возвращалась морем, повезло больше. В одной из бухт они сумели заманить в засаду преследующую их византийскую эскадру. В итоге из двадцати четырех вражеских кораблей русы захватили или уничтожили четырнадцать. Однако, это был, говоря спортивным языком, лишь «гол престижа», не способный изменить безрадостный итог войны. Активных военных действий больше не велось, однако мир был заключен лишь через три года.

Умер Великий князь Ярослав Мудрый в феврале 1054 года и был похоронен в храме Святой Софии. Владимир Ярославич – старший из шести сыновей Ярослава, погиб раньше отца, поэтому на Киевском престоле отца сменил Изяслав Ярославич. Оставшиеся сыновья получили в уделы отдельные княжества. С этого момента можно говорить о начале феодальной раздробленности Руси.

[48] Они были больше и лучше наших ладей, поэтому могли плыть даже при шторме.

Глава 7. Дважды изгнанник Изяслав

Несмотря на все усобицы, время правления Владимира Великого и Ярослава Мудрого было золотым временем Руси: страна полностью сложилась из племенных территорий в единое государство и совершила гигантский рывок в культурном и экономическом развитии. При наследниках Ярослава Русь начнет угасать и рассыпаться на отдельные княжества. Будет еще короткий взлет при Владимире Мономахе, но общая тенденция однозначна – страна движется к серьезному кризису.

Как уже говорилось, после смерти Ярослава великим князем стал Изяслав, но еще при жизни отца страна была разделена между всеми его детьми. Поэтому Изяслав был скорее номинальным, чем реальным правителем всей русской земли. На деле Русью правили шесть князей: пять братьев Ярославичей и их троюродный племянник Всеслав Брячиславич Полоцкий. У всех из них подрастали дети, которые тоже хотели взять под свою власть какие-нибудь княжества. Кроме того, носился по Руси со своей дружиной неприкаянный князь-изгой Ростислав Владимирович, внук Ярослава от старшего сына, из-за ранней смерти отца, лишенный права на великий престол.

Ко всему прочему, двое из этих младших князей, Всеслав и Ростислав, отличались повышенной агрессивностью и желанием ухватить себе кусок пожирнее. Значение центральной власти неизбежно падало, а князья начинали рассматривать себя как полновластных правителей, а не наместников Киевского князя. Так была заложена основа ситуации, которая со временем разорвет Русь на части.

В принципе, трагических последствий можно было бы избежать, если бы великий князь был на порядок сильнее всех остальных и мог силой смирить амбиции многочисленной родни. Можно было бы попытаться изменить систему власти и законодательно прописать, что великим князем становится только сын великого князя. Все остальные Рюриковичи становились бы не более чем боярами, служащими князю киевскому. Но это, во-первых, ломало бы традиции, а во-вторых, гарантировано объединило бы большинство князей против Великого князя. Кроме того, перед смертью Ярослав Мудрый обратился к сыновьям с последним напутствием, в котором прямо запретил им нарушать границы между владениями братьев, а тем более изгонять их из уделов. Если бы киевский князь решился на установление своей единоличной власти, то ему пришлось бы не только идти против воли покойного отца, но и воевать со всей родней, чтобы заставить замолчать несогласных. Ни сил на такую борьбу, ни желания её начинать у Изяслава не было.

Вместо этого он пытается договориться с наиболее сильными братьями, Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским. К чести Ярославичей, они действуют сообща и не перетягивают одеяло каждый на себя. Вместе они совершают походы в степь против торков. Вместе усмиряют полоцкого князя Всеслава Чародея, когда тот пытается присоединить к своему княжеству Новгород. Кстати, этот Всеслав – вообще легендарная личность. Современники считали его колдуном, а летописец в Повести временных лет отметил, что родился князь от волхвования и был охоч до кровопролития. В 1065 году он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов всем соседям. Он с дружиной бросается в набеги на соседние земли, а захватив добычу, скрывается в Полоцке. За несколько лет он разграбил окрестности Киева, совершил набег на Псков, который осадил, но не смог взять. В 1067 году на реке Черехи он разбил дружину новгородского князя Мстислава Изяславича и ворвался в Новгород. В богатом торговом городе воины Чародея хорошо поживились. Они захватили много пленных, ограбили церкви и даже сняли колокола с новгородского Софийского собора. При этом половина города сгорела в пожарах. Этот налет окончательно вывел из себя остальных князей, и объединенная армия трех Ярославичей отправилась для наве-

дения порядка в полоцкие болота. Дружину князя-колдуна разгромили в бою, а его самого захватили в плен и отвезли в Киев, где сидя в тюрьме, он должен был осознать ошибочность своего поведения. Кстати, в плен его захватили обманом. Изяслав пригласил Чародея для переговоров и клялся на кресте, что не сделает никакого зла. Тот поверил, но киевский князь своего слова не сдержал… Некрасивый поступок, и вспоминается анекдот: «…какой добрый человек, всего лишь в морду дал, а мог и ножиком в горло». Изяслав, по крайней мере, сохранил обманутому Всеславу жизнь.

***

В это время в Южнорусских степях происходят серьезные изменения. Разгромленные русскими печенеги бежали на запад, но им на смену из-за Волги пришли торки, а за ними уже двигались половцы. Два десятилетия мира со Степью закончились. Пришло время русичам снова браться за мечи.

Великая евразийская степь, протянувшаяся от Карпат до Китая, была неспокойной. Многочисленные кочевые тюркские народы, воюя между собой, неотвратимо двигались в Европу. Нас будет интересовать судьба двух народов: торков (гузов) и половцев, с которыми придется столкнуться нашим предкам. При этом первые были хорошо известны русам со времен Святослава, но до середины одиннадцатого века они кочевали у Волги, и между ними и Русью были печенежские владения. Поэтому долгое время они не представляли угрозы для нас. Но теперь печенежского барьера не было, и торки вплотную подошли к русским землям. Это было опасно, так как торки были отнюдь не мирными пастухами и возможности пограбить окраинные княжества не упускали.

Была еще одна причина отнестись к новым кочевникам серьезно. Торки не от хорошей жизни шли на запад, их гнали более сильные половцы. И, находясь между наковальней-Русью и молотом-половцами, они должны были у кого-то отвоевать себе землю для поселения. Торки попытались прощупать русскую оборону у Переяслава, за что и поплатились. Сначала князь Всеволод Переяславский в 1055 году совершил поход в степь и серьезно потрепал торков, а спустя пять лет, осенью 1060 года, объединенные силы русских князей совершили большой поход в степь. Это было грандиозное предприятие, в котором участвовали практически все воины Руси. Конница шла степью, пехота плыла на ладьях по рекам. Ведший русов в бой Великий князь Киевский Изяслав отправился воевать не ради добычи, он хотел полностью зачистить степь от торков, и ему это удалось. Такая жесткость была вызвана тем, что если бы торки объединились с половцами, то в степи возникла бы очень мощная сила, и Русь оказалась бы в смертельной опасности. Поэтому Изяслав не стал ждать и первым нанес удар.

Спасаясь от истребления, степняки бежали, бросая стада, кибитки и все добро. Вскоре ударили морозы, и большинство беглецов перемерло от голода и холода. Как самостоятельная сила племена торков прекратили свое существование. Выжившие откочевали к Дунаю и попытались прорваться в Византию, но это им не удалось. В конце – концов, торки вернулись назад и попросились в подданство киевского и переяславского князей. Расселенные на правобережье Днепра вдоль южной границы Руси, торки стали верными вассалами русских князей. Впоследствии в русское подданство попросятся еще несколько мелких тюркских кочевых племен: берендеи, ковуи, турпеи, каепичи, бастии, могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы и прочие. Все эти племена войдут в историю под собирательным прозвищем «черные клобуки» и будут верными союзниками киевских князей в борьбе против новых хозяев степи – половцев.

Половцы – это русское название народа, известного также как кипчаки или куманы. Откуда взялось слово «половцы» для обозначения новых соседей, точно неизвестно, хотя, скорее всего, русские так назвали пришельцев из-за их светлого (полового) цвета волос.

Предки этого народа в седьмом веке кочевали на границах с Китаем, но их государство было уничтожено ударами уйгуров и китайцев. После этого в поисках лучшей доли они двинулись на Запад. В восьмом веке в степях Казахстана эти племена сложились в народ, получивший название кипчаков. Набравшись сил, они начинают свою экспансию, и к одиннадцатому веку на юге доходят до Хорезма и реки Сырдарьи, на востоке – до Иртыша, на западе – до Волги. В середине одиннадцатого века западные племена кипчаков доходят до русских границ и занимают причерноморские степи вплоть до Дуная. На всякий случай напомню, что южные границы средневековой Руси шли примерно по центру современной Украины и, например, современные Николаевская и Херсонская области, Донбасс с Ростовом и Харьковом для наших предков уже были заграницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.